

Зеркало ИСТОРИИ

**личность
в
истории**

*Москва
Российский государственный гуманитарный университет
2000*

ББК 63.3(0)
357

Ответственный редактор
д-р ист. наук, проф. Н.И. Басовская

Зеркало истории: Личность в истории:
357 Сб. статей. Вып. 4. М.: РГГУ, 2000. 139 с.
ISBN 5-7281-0474-6

Российский государственный гуманитарный университет представляет четвертый сборник статей аспирантов и студентов, специализирующихся по кафедре всеобщей истории Историко-архивного института. В центре каждой публикации - тема человека, индивидуальности, личности в истории античности, Средневековья и Нового времени.

Для специалистов по зарубежной истории, студентов и аспирантов.

ББК 63.3(0)

На обложке — Ганс Гольбейн Младший. Два ландскнехта с пустым гербовым щитом. Эскиз витража. Рисунок пером с размывкой черным тоном. 1524-1526. Подлинник: Базель. Кабинет гравюр. Фрагмент. Воспроизведено по фототипии. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Кабинет репродукций. Инв. № 88559. Редколлегия благодарит завотделом ГМИИ им. А.С. Пушкина О.Б. Малинковскую за помощь в подборе иллюстрации.

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2000
© Оформление серии - Гуров М.К., 2000

Предисловие
Н.И. Басовская
7

Шкаренков П. Флавий Кассиодор в зеркале риторики
(на примере "Variae")
9

Бухтиярова И. "Новые Афины" Карла Великого
20

Егорова А. Отлучение Раймона VI Тулузского
(влияет ли частный случай на ход истории)
34

Тимошина М. Карл V Мудрый в зеркале французской
и российской историографии
42

Браун Е. Представления о королевской власти англичан XV в.
(на материале коронации Ричарда III)
67

Мироненко А. Культура - инструмент политической власти
в эпоху Ришелье
78

Куцёва М. Идея демократической монархии
в трудах Рене Луи д'Аржансона
92

Корзун И. Роберт Лайэлл
и его "Национальный характер русских"
107

Письма с острова Зипангу: штурман Уильям Адамс о себе и о японцах
(перевод, комментарии и публикация Сергея Гришачева)
120

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н.И. БАСОВСКАЯ, доктор исторических наук,
профессор (ответственный редактор)

А.В. ШАРОВА, кандидат исторических наук, доцент

Н.В. РОСТИСЛАВЛЕВА, кандидат исторических наук,
старший преподаватель

А.А. АЛЕКСАНДРОВ, кандидат исторических наук,
старший преподаватель (ответственный секретарь)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Л.П. Репина, доктор исторических наук,
замдиректора Института всеобщей истории РАН
А.Б. Каменский, доктор исторических наук, профессор

Предлагаемый читателю сборник - четвертый выпуск "Зеркала истории", традиционно представляющего результаты исследовательской работы студентов и аспирантов РГГУ, увлеченных изучением всеобщей истории. Традиционно и то, что в центре внимания молодых авторов находится человек, индивидуальность которого очень по-разному, но неизменно проступает сквозь толщу веков в любую историческую эпоху.

Отражения в нашем условном зеркале различны - подчас они могут получиться удивительно отчетливыми и яркими, а иногда едва вырисовываться в его глубине. И это определяется отнюдь не только отдаленностью объекта исследования от нашего времени. Обилие и состояние источников тоже не играют решающей роли. В Зеркало Истории надо уметь смотреть, смотреть профессионально, а это значит вдумчиво и пристально, доброжелательно и строго, *sine ira et studio*, как говаривал классик европейской историографии Т. Ранке.

Отличительным свойством данного выпуска "Зеркала истории" можно назвать то, что в нем немало материалов, где авторы не просто заглядывают в наше условное зеркало, но применяют, образно говоря, "систему зеркал". Например, ботаник Роберт Лайэлл в первой четверти XIX в. взгляды в национальный характер русских, а один из авторов сборника, И. Корзун, оценивает исследовательским взглядом личность Лайэлла и его произведения. В публикации С. Гришаева - еще одна "система зеркал": сам автор впервые перевел с английского языка на русский письма английского штурмана Вильяма Адамса, который в начале XVII в. пылливо и часто с глубоким изумлением рассматривал японцев. Автор публикации предлагает нам увидеть жителей Страны восходящего солнца глазами английского моряка и одновременно погрузиться в недоисследованные до адресатов письма как в исторический источник и поразмыслить над фигурой их автора, так никогда и не вернувшегося в Европу.

Е. Браун использует в качестве источника такой своеобразный вид текста, как описание процедуры коронации, рассматривая представления англичан XV в. о королевской власти на материале коронации Ричарда III, короля злосчастной судьбы и весьма противоречиво расцениваемых личных качеств. Такой источник для "цивилизации жеста", каким Средневековье было по преимуществу почти на протяжении всей истории, - интересное и правдивое зеркало.

Карл Великий представлен нам одним из своих деяний, весьма необычным для того образа завоевателя, который запечатлен в массовом сознании. В статье И. Бухтияровой личность Карла рассматривается сквозь призму его усилий по возрождению элементов античной культуры и собиранию интеллектуальных сил вокруг своего импера-

торского двора. Воистину человек в зеркале своего культурного окружения.

А вот еще один Карл, французский король Карл V Мудрый, отнюдь не случайно заслуживший свое прозвище в конце XIV в. М. Тимошина изучает его отражение в интереснейшем для историков историографическом зеркале - крайне тусклом в нашей отечественной исторической науке и ярком и наполненном во французской историографии. В этой системе зеркал просматривается один из видных правителей Франции, необычный человек, сумевший в эпоху, когда война была главным занятием людей его круга, не только мудро руководить страной, но и стать великим книжником. В работе М. Тимошиной мы видим также одну из граней портрета отечественной медиевистики, где интерес к личностям правителей "чужого" прошлого был минимальным, что лишало нас многих интереснейших тем и сюжетов, прежде всего антропологических.

Знаменитый и кажущийся таким хорошо известным кардинал Ришелье, великий всевластный правитель Франции, показан в статье А. Мироненко необычно - оказывается, он управлял культурой не менее увлеченно, чем внешней политикой. Его цензорские указания и персональные предпочтения во взаимоотношениях с деятелями культуры в начале Нового времени получили заметное развитие в государственной практике последующих эпох, включая наш уходящий XX век.

В зеркале исследования А. Егоровой "Отлучение Раймона VI Тулузского" отражен случай, который, казалось бы, касался лишь одной личной судьбы. Однако при внимательном исследовании всех обстоятельств отлучения от церкви графа Тулузского А. Егорова убедительно показывает, как проблема личного выбора отдельного человека влияет на крупные исторические события. Истина достаточно очевидная, многократно и бесконечно отражающаяся в Зеркале Истории, но не становящаяся от этого малозначимой.

"Зеркало риторики", с помощью которого П. Шкаренков пытается определить место Флавия Кассиодора между античностью и Средневековьем, - одно из самых оригинальных среди использованных в этом сборнике. Автору удалось приблизиться к неуловимой грани между историческими эпохами и увидеть рождающийся контур средневековой культуры в одном из ее ранних отражений.

Молодые исследователи, представленные в этом издании, используют сложный арсенал современных методов исторического познания. Результаты их труда помогут читателю взглянуть в Зеркало Истории.

Доктор исторических наук,
профессор Н.И. Басовская

Павел Шкаренков

ФЛАВИЙ КАССИОДОР В ЗЕРКАЛЕ РИТОРИКИ (на примере "Variae")

Флавий Кассиодор был в первой половине VI в. одной из самых значительных и выдающихся личностей в Остготском королевстве. Его имя и деятельность стали известны далеко за пределами Рима, и свою славу он приобрел как на литературном, так и на государственном поприще. Особой популярностью пользовались так называемые "Variae" - сборник актов и официальных посланий, составленных Кассиодором в качестве квестора дворца и *magister officiorum* от имени короля Теодориха и высших должностных лиц. Сборник преследовал как литературные, так и политические цели, являясь образцом изысканного дипломатического и административного стиля. При этом изящество стиля Кассиодор считал чуть ли не важнейшим элементом официальной переписки. Этой эlegantности автор достигал благодаря виртуозному владению приемами и правилами риторического искусства. Произведения Кассиодора вобрали в себя духовный опыт многих поколений и, заключив его в совершенную литературную форму, надолго определили восприятие образа и роли античного наследия в позднейшие эпохи.

Шкаренков Павел Петрович - аспирант кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ. Тема исследования - "Переход от античности к Средним векам".

При постоянных трудностях, с которыми приходится сталкиваться исследователю, стремящемуся соотнести уровень абстрактного мышления с породившей его конкретной исторической ситуацией и характерной для этого общества системой ценностей, именно риторика играет роль связующего звена. В римском мире риторика была не только частью образования, но и неотъемлемым элементом образа жизни, необходимым компонентом системы государственной власти и морали, выраженным в культурно-эстетической установке, характеризующейся приматом общественно-исторического целого над конкретно-историческим бытием индивида.

Проблема изучения языковой картины мира - зафиксированной в языке, специфической для данного автора схемы восприятия действительности - имеет давнюю историю¹. Обращение к описанию языковой картины мира объясняется еще и тем, что язык не только выражает то, что называет, но еще и моделирует описываемую автором действительность, задает свои отношения в рамках того "жизненного контекста", в который он включен.

В языке в той или иной мере фиксируются результаты предшествующих этапов познания действительности. Очевидно, что предшествующий уровень познания действительности, в определенной степени зафиксированный в языке, не может не оказывать известного влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека, на сам подход познающего субъекта к объектам действительности, в частности, в связи с категоризацией мира в языке.

Через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира; эти модели выступают как побочные источники познания, осмысления реальности и дополняют нашу общую картину знания, корректируя ее. Словесный образ сочетается с понятийным, лингвистическое моделирование мира - с логическим его отображением, создавая предпосылки воспроизведения более полной и всесторонней картины окружающей действительности в сознании людей².

В одном из писем VII книги своих "Variae" Кассиодор уделяет довольно много места описанию двух придворных короля Теодориха - родных братьев Киприана и Опилия. Братья предстают перед нами образцами физического и морального совершенства, что находит свое отражение и в композиции письма - характеристики героев даются параллельно, и они практически тождественны: "...он, Опилий, до

такой степени подобрал в себя все достоинства своего брата, что неизвестно... кто из них был более достоин похвалы от другого. Если один искренне предан своим друзьям и свято чтит дружеские узы, то и другой также честно выполняет данные им обеты. Если одному из них неизвестно, что такое жадность, то другому не менее чуждой оказывается алчность... Таким образом, они знают, что значит быть лояльными к своим королям, ибо никогда не поступали вероломно по отношению к своим коллегам..."³.

Совершенно противоположную информацию можно почерпнуть из Боэция. Оба брата, как утверждает философ, выступили против него с ложными обвинениями, причем если Киприан просто называется доносчиком, то про Опилия говорится, что он был приговорен судом к изгнанию за многочисленные служебные злоупотребления и над ним, как над простым преступником, даже нависла реальная угроза клеймения в случае отказа покинуть Равенну в назначенный королем день⁴.

Подобное противоречие мы видим и в случае с крупным чиновником Парфением, являвшимся *magister officiorum* франкского короля Теодоберта. В письме Аратора Парфению дается необычайно высокая оценка в самых восторженных выражениях⁵. Его имя, утверждает автор послания, полностью соответствует присущей Парфению "чистой скромности" и воздержанности. Высокий государственный муж был необычайно любезен с ним во время их встречи в Равенне, и именно под его руководством Аратор смог насладиться всей прелестью произведений Цезаря, а также оценить достоинства поэзии, как светской, так и божественной. Парфений побудил его изложить стихами Священное писание, и сейчас поэт имеет удовольствие представить на суд своего старого друга готовое переложение.

Другая картина предстает перед нами в "Истории франков" Григория Турского. Автор сообщает, что этот самый Парфений был во всех отношениях чрезвычайно неприятной личностью, грубым и невоспитанным человеком. К тому же он собственноручно убил ни в чем не повинную жену и друга, а через несколько лет после письма Аратора (которое датируется 544 г.) и сам погиб от рук разъяренной толпы, которой он был ненавистен из-за своей жадности⁶. Кажется необъяснимым, как одному и тому же человеку могут быть даны столь диаметрально противоположные характеристики.

Если предположить, что Кассиодор, рисуя портреты Киприана и Опилия, сознательно искажал действительность, преследуя опреде-

ленные политические цели, то подобная деятельность явно не встречала осуждения при дворе: одной из главных установок позднееримских литераторов было стремление придать формальный блеск всем своим корреспондентам⁷. Уже в предисловии к "Variae" Кассиодор говорит, что его цель - воздать "достойную хвалу" высшим сановникам и при этом описать их в "свете исторической реальности". Продолжая, он называет "Variae" зеркалом своей души, заглянув в которое потомки смогут узнать его, ведь вряд ли может существовать произведение, противоречащее характеру человека, поскольку известно, что риторически оформленный результат самых сокровенных сердечных излияний автора может рассказать о нем больше и правдивее, чем даже его собственные дети⁸. В другом месте "Variae" Кассиодор говорит о себе как о стороннике "прозрачного" ораторского искусства, то есть такого красноречия, которое является выражением искренних чувств и переживаний оратора, идет непосредственно из глубины его души, ибо тогда в нем, как в "зеркале", отражаются моральные устои автора. Таким образом, ничто не может служить более надежным свидетельством внутреннего мира человека, нежели рассмотрение тех слов, которыми он выражает свои мысли⁹. В меньшей мере характер говорящего проявляется в содержании и тоне его речи¹⁰. Даже поза и манера поведения могут сообщить очень многое: человек всегда будет пользоваться почетом и уважением, если не только его голос остается спокойным, но и весь его внешний вид, манера держать себя неизменно служат образцом невозмутимости и благородной сдержанности¹¹.

Представление о том, что каждый текст ориентирован на некоторую определенную аудиторию и только в ее сознании может полностью реализоваться, не является новым. Всякий текст содержит в себе то, что мы предпочли бы называть образом аудитории, и этот образ активно воздействует на реальную аудиторию, навязывается ее сознанию и становится нормой ее собственных представлений о себе, переносясь из области текста в среду реального поведения культурного коллектива. "Если такого рода текст расходится с очевидной и известной аудитории жизненной реальностью, то сомнению подвергается не он, а сама эта реальность, вплоть до объявления ее несуществующей"¹².

"Нравы служащих нам чиновников мы узнаем по их лицу и голосу. Если выражение лица спокойное, если дело излагается голо-

сом сдержанным и ровным, то тогда мы полагаем, что сообщаемые факты заслуживают доверия, ибо все сказанное в состоянии смятения не может приниматься в расчет, так как, по нашему мнению, никогда не бывает правдивым...»¹³.

Киприан и Опилий, по-видимому, овладели этим искусством придворного общения в совершенстве. Киприан уж во всяком случае должен был в нем отличиться, так как известно, что он был направлен Теодорихом в Византию с дипломатической миссией¹⁴. Столь обычное для "Variae" внимание к внешней стороне дела, к ритуализованным формам проявления чувств является одной из основных примет времени, характерной чертой данного исторического периода. Во многом это объясняется полной оторванностью образования, основанного на изучении классических образцов, от какой бы то ни было социальной реальности. Чрезвычайная любовь к стереотипам, привычка пользоваться готовыми штампами приводили к тому, что любой человек, независимо от его моральных качеств, предстал перед нами образом совершенства.

Единственный язык, который слышали вокруг себя высшие представители государственной власти и знатнейшие аристократы, был язык непрерывного славословия, постоянных восхвалений, на которые не скупилась позднеримская риторика, имеющая в своем распоряжении целый набор соответствующих слов, таких, как *lux, splendor, jubar, decus, serenitas, claritas, radius, coruscare, rutilare, fulmen, aura, fax, lampas, lumen, gloria, laus, praekonina, tituli, insignia, micare, ornamentum*. Их постоянное употребление является одной из характернейших черт как "Variae", так и всей поздней римской литературы.

В "Variae" мы находим следующее замечание: «Это великое свидетельство жизни человека не может быть названо просто "славным" (*clarum*), но только "славнейшим" (*clarissimum*), поскольку считается, что практически все прекрасно в том, к кому обращаются столь блестящим именем в превосходной степени (*tanti fulgoris superlativo nomine vocitatur*)»¹⁵. Тот позднеантичный институционализированный мир, который предстает перед нами в "Variae", мы видим как преломленное под определенным углом зрения отражение в зеркале кассиодоровской риторики, где степень искажения напрямую зависит от положения героя в государственной иерархии¹⁶.

В поздней Римской империи существовала четко разработанная иерархическая система титулов и официальных обращений к членам им-

ператорского дома, сенаторам и чиновникам различного ранга в зависимости от их нахождения на той или иной ступени служебной лестницы - начиная с *nostra / vestra serenitas* или *mansuetudo* при обращении к императору через *celsitudo*, *sudlimitas* или *magnitudo* в титулатуре чиновников высшего и среднего звена до *devotio tua* для рядовых служащих различных канцелярий и служб. Зародившаяся еще во времена принцепата, систематизированная и унифицированная в *Notitia dignitatum*, в "Variae" Кассиодора эта система достигла наивысшей степени четкости и проработанности¹⁷.

Позднеримское общество было очень высоко институционализированным не только в политической и правовой сферах, где для обозначения и описания различных ритуалов, церемоний, судебных процессов, политических и административных функций использовалось множество абстрактных существительных, но также и в сфере общественной морали и религии. Император и высшие чиновники обладали теми же добродетелями, описывались в тех же самых категориях, что и деятели церкви¹⁸. Действия человека должны были находиться в соответствии с санкционированной моделью поведения, связанной с исполнением определенной социальной роли¹⁹, в которой сами действующие лица могли добиться успеха только в той степени, в какой они воплощали в себе необходимые моральные идеалы²⁰. При этом образ этого действующего лица выглядит отчужденным от конкретной эмпирической личности. Правда, эта отчужденность осуществлялась в мире, который во многом был театрализованным, причем для описываемой эпохи это не метафора или "красивый образ", но вполне адекватное выражение самоощущения индивида. Сама сущность этого мира принуждает человека играть определенную роль. Личность становится сценой, на которой действуют пороки и добродетели. Не надев некую маску, человек не может быть самим собой, роль и маска оказываются сильнее его. Можно ждать лишь новой роли, нового поворота колеса фортуны, но не освобождения от роли.

При доминировании такого способа восприятия мира неудивительно, что мы все реже встречаем в текстах описания конкретных людей с только им присущими индивидуальными качествами. Личность человека скрывается за набором идеальных атрибутов, состав и количество которых зависит от места, занимаемого данным человеком в обществе. Господствующей тенденцией стала замена имени императора, должностного лица, аристократа, церковного иерарха абстракт-

ными фразами типа "tua serenitas", "tua pietas" и т. п. Эти примеры наглядно показывают, как конкретные личности становятся воплощением исполняемых ими функций. Существует целое исследование, посвященное рассмотрению тех абстрактных терминов, которые встречаются в "Variae", их количественному составу, взаимозаменяемости, иерархии²¹.

Такое усиление внимания к внешней атрибутике можно проследить и в развитии изобразительных искусств, особенно искусства позднего Рима: начиная с IV в. статуи римских императоров и государственных деятелей все меньше передают индивидуальные особенности конкретной личности, концентрируя все внимание на внешних признаках их высокого положения²². Средневековое искусство, как известно, также придавало очень большое значение точному воспроизведению всех символов власти, деталей одежды, позы сильных мира сего светского и духовного звания, нимало не заботясь о передаче портретного сходства, поэтому было бы нелепо судить по этим произведениям о том, как выглядели те или иные выдающиеся личности прошлого "на самом деле"²³.

Не менее важным аспектом, отвечающим общей тенденции, оказывается и процесс перенесения метафор непосредственно на людей. В своей эпитафии Сенарий, преданный слуга Теодориха, называет себя "голос королей, спасительная речь, защитник согласия, путь к миру, границы гнева, семя дружбы, полет войны, враг разлада..." и т. п.²⁴ В подобных выражениях написаны и многие письма в "Variae", особенно письма, содержащие распоряжения о назначении на ту или иную должность: "...Итак, ты будешь защитой спящего, укреплением родного дома, защитой границ...". Связь вышеприведенных выражений с надписями на императорских монетах (например, "Общественная безопасность" и т. п.) кажется совершенно очевидной, тогда как язык каждого из отрывков недвусмысленно показывает, что человек оказывается уже не служащим интересам *paх* или *securitas*, а их непосредственным воплощением, символом, эмблемой²⁵.

Эмблематика - одна из форм выражения, которую создает для себя риторическая культура. Риторическое слово заключает в себе некоторую вещьность, а потому и зрительность, наглядность. Эмблема - это всегда сопряжение слова и образа, образ-схема, образ-смысл, за ней стоит целый мир, и она есть репрезентация этого мира. Суть эмблемы состоит в непосредственном сопряжении графического

и словесного, зримого образа и моралистического содержания, мысли. Эмблематика творит апофеоз аллегорического: эмблематическое мышление находит в аллегорических образах своеобразную аксиоматику, набор вечноистинных аргументов, оно оживляет традиционную топику и метафорику, видя за ней моральный, абстрактный смысл. Эмблематический образ не подвергается рефлексии, а потому заключает в себе истину²⁶.

Прозрачность структуры, наполненность реальными событиями, конкретными обстоятельствами, человеческими взаимоотношениями, столь характерные для писем Цицерона или писем, сохранившихся, например, в "Жизнеописании двенадцати Цезарей" Светония²⁷, постепенно, в течение пяти веков империи, сменились отчужденным формализмом. Принятие христианства, искреннее или поверхностное, в сочетании с постоянно растущей значимостью литературных занятий прямо способствовало развитию стереотипного литературного языка.

Говоря о процессе усвоения классической культуры на Западе церковью, Э. Ауэрбах отмечает: "Начиналась эпоха, которой суждено было долго продлиться, когда высшие слои общества не обладали ни образованием, ни книгами, ни даже языком, на котором бы они могли описать культурную ситуацию, сложившуюся в реальных жизненных условиях. Был усвоенный в процессе обучения язык ...но это был язык общей культуры"²⁸. Поэтому неудивительно, что когда в начале IX в. Эйнхард задумал написать биографию такой колоссальной фигуры, как Карл Великий, чье значение далеко выходило за пределы категорий, связанных со сферой святости и благочестия, ему пришлось соединять в единое целое мозаику цитат из "Жизнеописания двенадцати Цезарей" Светония, написанного во II в.²⁹

В период между 600 и 1100 гг. слово *humanitas* употреблялось обычно в уничижительном смысле, обозначая "человеческую бренность", в частности плотскую, тогда как в античности это слово либо означало "филантропию" (человеколюбие, человечность), либо определяло весь комплекс понятий, связанный с гуманитарными науками, интеллектуальностью, утонченным воспитанием, духовной культурой, классическим образованием³⁰.

В античном искусстве великая традиция римского скульптурного портрета достигла своего расцвета в III в., когда художникам удалось достичь почти полного портретного сходства с оригиналом. С этого момента в этом, да и во многих других жанрах индивидуальные

физические особенности начинают отходить на задний план перед общим и нормативным, перед типическими признаками и атрибутами¹. Позднее в искусстве высокого Средневековья мы так же вряд ли сможем обнаружить какие-либо элементы реализма: воздействие этого типа искусства будет строиться на контрастах - Бог и человек, могущество и ничтожность и т. п.

В поздней античности миметическая (подражательная) традиция отражения и постижения реальности, которая доминировала на протяжении всей классической эры в Греции и Риме, начала постепенно уступать место символическо-аллегорической, представляющей собой альтернативу мимесису.

Стилевые и языковые особенности поздней риторики указывают, кажется, в одном направлении: на уход конкретного человека на задний план, на замещение отдельного индивидуума его образом, идеальным образцом, в основу которого положено тщательное исполнение своей роли, ориентированной на норму, главным образом социальную. Индивиды прежде всего выступают как носители определенных качеств, которые в институционализированном, упорядоченном мире представляются статичными и неизменными. Достойными внимания оказываются не индивидуальные черты, а необходимые атрибуты. В литературе Средних веков практически нет произведений, в которых действовали бы конкретные люди, а не персонифицированные моральные ценности, рассматривался бы внутренний мир героев, а не типизированная действительность. Все это формирует ту систему ценностей, которая лежит в основе представлений о человеке в эпоху перехода от античности к Средним векам.

¹ См. литературу вопроса: Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. М., 1995. С. 629-650.

² Брутян Г.А. Гипотеза Сепира - Уорфа. Ереван, 1968. С. 57; Он же. Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // ВФ. 1972. № 10. С. 87.

³ Cassiod., Var. VII, 17.

⁴ Боэций, Утешение философией. I, 4 (пер. В.И. Уколовой): "Затем Опилион и Гауденций, им королевская цензура повелела за многочисленные преступления удалиться в изгнание. Когда же они, не желая подчиниться, устремились под защиту святого убежища, и об этом стало известно коро-

лю, тот приказал: если они не покинут город Равенну в предписанный срок, то после клеймения оба будут изгнаны". О Киприане известно только то, что будучи королевским референдарием, он донес королю о письмах, якобы отправленных сенатором Альбином византийскому императору Юстини, что послужило поводом для начала массовых репрессий среди римской аристократии, во время которых погибли Боэций и Симмах; PLRE 2: "Opilio 4", "Cyprianus 2"; Уколова В.И. "Последний римлянин" Боэций. М., 1987. С. 39-41.

- ⁵ *Arator*. Epistula ad Parthenium; ср. Cassiod., Var. VIII, 19; CIL IX, 1596.
- ⁶ Григорий Турский. История франков (III, 36); PLRE 2: "Parthenius 3".
- ⁷ Ср.: Enn. 314.29ff; другая точка зрения: Liber Pontificalis 53.3-5.
- ⁸ Cassiod., Var. 4.19-27.
- ⁹ Cassiod., Var. V, 22, 3.
- ¹⁰ Cassiod., Var. V, 21, 2.
- ¹¹ Cassiod., Var. VIII, 14, 3-4.
- ¹² Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. I. Таллин, 1992. С. 368.
- ¹³ Cassiod., Var. VI, 9, 3-4; и ср.: III, 6, 3.
- ¹⁴ Cassiod., Var. V, 40, 5.
- ¹⁵ Cassiod., Var. VII, 38.
- ¹⁶ Cassiod., Var. VII, 35. O'Donnell (O'Donnell J.J. Cassiodorus. Berkeley; Los Angeles; London, 1979. P. 5) назвал Огготское королевство "миром, отраженным в зеркале". Enn., 12.9-13; ср.: Fronto, Ad Marcum Caesarem et Invice m, III, 12. Что касается "Variae", O'Dоннел говорит о "ностальгии по блестяще отточенной риторике серебряной латыни" (Op. cit. P. 96).
- ¹⁷ Fridh A.J. Terminologie et formules dans les Variae de Cassiodore. Études sur le développement du style administratif aux derniers siècles de l'antiquité. Stockholm, 1956. P. 106-109.
- ¹⁸ Ibid. P. 37-40; Fichtenau H. Arenda: Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln. Graz and Cologne, 1957. P. 93-95.
- ¹⁹ MucMullen R. Some Pictures in Ammianus Marcellinus // Art Bulletin. 1964. 46. P. 435-438.
- ²⁰ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. С. 313.
- ²¹ Fridh A.J. Op. cit. Stockholm, 1956. К этому, несомненно, можно отнести и постепенное исчезновение звательного падежа из поздней латыни (O'Donnell J.J. Op. cit. P. 95).

- ²² *MucMullen R.* Op. cit. // *Art Bulletin*. 1964. 46. P. 445-450; см. также *Salvianus, De gubern. Dei IV, 33*: "когда человек меняет свои одежды, он немедленно меняет свой пост".
- ²³ *Morris C.* *The Discovery of the Individual, 1050-1200*. London, 1972; *Ullmann W.* *The Individual and Society in the Middle Ages*. London, 1967. P. 43f; *Grabar A.* *Plotin et les origines de l'esthétique médiévale* // *Cahiers Archéologiques*. 1945. I. P. 19.
- ²⁴ *Senarius* // *Index nominum*. MGH. AA. Vol. XII.
- ²⁵ *Cassiod.*, Var. VII, 7. Ср.: I, 12; IV, 6; VI, 5; Sid., Ep. IX, 4, 1; AL I, 1, 689; ILS 1259: "Paulina... fomes pudoris, castitatis vinculum amorque purus et fides caelo sata... munus deorum"; Vita Caesaris I, 45; Venantius, Appendix V, 10: "florum flos florens".
- ²⁶ *Михайлов А.В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // *Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания*. М., 1994. С. 362; *Bremer D.* *Licht und Dunkel in frühgriechischer Dichtung*. Bonn, 1976.
- ²⁷ *Suetonius.* Vita Augusti 69, 71, 76, 87; Vita Tiberii, 21.
- ²⁸ *Auerbach E.* *Literary Language and its Public in Late Latin Antiquity and in the Middle Ages* / Transl. from the German by R. Manheim. London, 1965. P. 255.
- ²⁹ *Morris C.* Op. cit. P. 8.
- ³⁰ *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V - середина VII века). М.: Наука, 1989. С. 98.
- ³¹ *Grabar A.* Op. cit. P. 19.

“НОВЫЕ АФИНЫ” КАРЛА ВЕЛИКОГО

“Так вырастут во Франции новые Афины, еще более блистательные, чем древние, ибо они освещены учением Господа, а потому превзойдут в мудрости Академию”.

Алкуин

Более тысячи лет отделяет нас от момента, когда 25 декабря 800 г. было провозглашено юридическое восстановление Римской империи. Это событие стало следствием тех процессов, которые происходили на территории Европы в течение предшествующего столетия. Более того, в сознании многих империя вообще не прекратила своего существования после 476 г., но продолжала бытовать в идее ее переноса. “Верховную власть и науку, которые в начале Средневековья обитали в Риме, необходимо перенести в другое место, как в свое время они были перенесены из Вавилона в Афины, а затем в Рим. Возрождаться означало продвигаться, а не возвращаться”¹.

Конечно же, новая Каролингская империя не была прямым продолжением античной политической и идеологической модели. Классическая древность, сохранявшаяся в памятниках литературы и искусства, соединялась в умах идеологов Каролингского Возрождения² с трудами Отцов Церкви первых веков существования христианства. В первую очередь здесь следует иметь в виду трактат Блаженного Августина “О Граде Божьем”, который, по свидетельству Эйнхарда³, был излюбленной книгой императора Карла Великого⁴. Именно идея создания Града Божьего на Земле, столь важная для этого правителя, и подвигла его к воссозданию империи, освященной властью римского первосвященника. Государство, включившее в себя огромные территории, не связанные ничем, кроме веры в единого Бога (хотя во многих землях сохранялись и языческие культы), могло быть объединено именно на основе этой идеи веры и избранности правителя Господом.

Бухтиярова Ирина Валерьевна - аспирантка кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ. Тема исследования - “Возрождение раннего Средневековья в Западной Европе”.

Очевидно, что для организации столь совершенной модели управления необходимы были деятели, которые смогли бы воссоздать идеальную модель на практике. Более того, нужны были и те, кто смог бы развить общую теоретическую концепцию политических изменений и адаптировать ее к практическому воплощению. Отсюда со всей очевидностью вытекала необходимость формирования соответствующей этой высокой цели системы подготовки должностных лиц, венцом которой и стала в период правления Карла Великого Придворная Академия⁵. Однако если участие "придворных" в политической жизни Каролингского государства изучено уже достаточно хорошо⁶, то их культурная и идеологическая функции рассматривались в науке в сравнительно меньшей степени, что породило некоторые мифы и клише, используемые при описании данного явления. Именно такое положение Придворной Академии, этого мозгового центра каролингских реформ, и побуждает меня коснуться данной проблемы более подробно, осветив в первую очередь спорные моменты историографии.

* * *

Несмотря на интерес ученых к Придворной Академии, практически нет работ, посвященных ей непосредственно. Как правило, об этом научном сообществе пишут в рамках исследований общего характера, что собственно и приводит к использованию определенных штампов, при помощи которых рисуется данный круг лиц. Коснемся подобных стереотипов подробнее.

Во-первых, в историографии существует клише, согласно которому Придворная Академия рассматривается исключительно как некое объединение больших любителей античности. При этом складывается впечатление, что они существовали при дворе совершенно автономно, без всякой связи с политическими событиями той эпохи. Не случайно в большинстве работ, особенно биографического характера, сначала рассматривается практическая деятельность Карла, связанная с политическими изменениями, двигателем которых являлся двор (в значении дворцовых служащих), а потом, в самом конце, в разделе о культуре говорится о том, что были люди, увлеченные литературным творчеством⁷. Лучше всего эта точка зрения отражена в работе современного французского историка Р. Делора, определившего Академию как "небольшой кружок интеллектуалов иностранного происхождения, которых Карл привлекал, чтобы придать двору роль центра, каким была Павия при лангобардах, а ранее Равенна при Теодорихе"⁸.

Иными словами, получается, что участники Придворной Академии во многом существовали исключительно для себя. Однако источники свидетельствуют о том, что это было не совсем так. Можно привести пример описания Теодульфом королевского совета, на котором присутствовали так называемые члены этой Академии Алкуин и Эйнхард (предполагалось также присутствие Ангильберта и самого Теодульфа)⁹. Там они выполняли как раз те функции, которые легко можно признать за Академией в традиционном ее понимании, - читали стихи, пытались толковать Священное Писание и пр.

Именно поэтому далеко не все ученые согласны с вышеизложенными высказываниями. Так, П. Рише, один из крупнейших современных исследователей данной проблематики, отмечал, что "академики" обсуждали и многие серьезные проблемы, связанные с образовательными и религиозными сюжетами¹⁰. Ему вторил и А.П. Левандовский, считавший, что ученость этого времени должна была послужить созданию Града Божьего на земле, а потому была крайне необходима¹¹. Впрочем, сразу оговорюсь, что этот автор все же рассматривал большую часть деятельности Придворной Академии, о которой еще будет сказано в дальнейшем, как "своеобразную интеллектуальную разминку"¹². Вместе с тем очень важно то, что этот исследователь расширил границы Академии как идеологического центра до пределов всего придворного круга, а не пытался замкнуть его в рамках нескольких действительно громких имен. Таким образом, П. Рише и А.П. Левандовский считают, что Придворная Академия была непосредственной частью двора, которая вполне успешно вписалась в уже сглаженную структуру.

Во-вторых, в историографии в целом существует путаница относительно разграничения функций придворной школы (совершенно определенной структуры в рамках двора, существовавшей еще со времен Меровингов) и Академии (структуры новой и малоосвещенной в источниках). Так, некоторые ученые, например В.Г. Безрогов и Р. Мак-Киттерик, отождествляют эти понятия, считая, что Карл и его сторонники создали "новую" придворную школу, представлявшую братский круг учителей и учеников¹³. П. Рише и Е.В. Антонова рассматривают их как две ступени придворного образования. Первая из них наследовала традиционной еще со времен Меровингов школе и давала начальную грамотность, а вторая предполагала изучение свободных искусств, которые к этому времени уже были забыты¹⁴. Нако-

нец, для Л.С. Бликштейна Академия представляется неким научным центром, в котором формировались идеи, апробированные позднее в придворной школе¹⁵.

Но главной проблемой для историографии является вопрос о самом термине "Придворная Академия". Его специфика заключается в том, что он не употреблялся в период Каролингского государства, в то время как "школа" встречается в источниках довольно часто. Единственным известным мне текстом, в котором использовалось данное словосочетание, является письмо Алкуина к Карлу, в котором он давал отсылку к античности: *"Так вырастут во Франции новые Афины, еще более блистательные, чем древние, ибо они освещены учением Господа, а потому превзойдут в мудрости Академию"*¹⁶.

Однако эта цитата, отражающая по сути специфику Каролингского Возрождения в его стремлении, подражая античности, создать собственную христианскую империю, вовсе не дает нам право утверждать наличие Академии в период Каролингов. По большому счету мы даже не знаем, насколько хорошо Алкуин и уж тем более Карл знали Платона, с именем которого традиционно связывается это понятие. Более того, мы можем интерпретировать данное высказывание и как противопоставление античности и современности. Для Алкуина было чрезвычайно важно подчинить все христианскому учению. Так, несмотря на общий довольно фривольный дух придворной жизни, отраженный в источниках того времени¹⁷, он сохранил свои строгие убеждения, и мы можем прочесть критику, которой он подвергал любителей Вергилия за их излишнее внимание к несвященным и, следовательно, бесполезным текстам¹⁸. Поэтому-то он и считал, что наука, поставленная на службу божественной идее, способна превзойти мысль, существующую самостоятельно.

Так или иначе, но именно эта цитата из Алкуина породила в итоге термин "Придворная Академия", появившийся в XVIII в. и с тех пор уверенно используемый исследователями¹⁹.

Очевидно, что мы имеем дело с чисто теоретическим понятием, которое появилось значительно позже определяемого им явления. Более того, оно так и не внесло ясности в традицию изучения придворной культуры периода Каролингского Возрождения. Напротив, каждый исследователь (как только что было показано), характеризуя эту группу интеллектуалов, на самом деле мог иметь в виду свое собственное понимание данного словосочетания. Вероятно, во многом

именно этим было вызвано такое разнообразие мнений в историографии.

А между тем за данным понятием скрывались реальные люди, имевшие собственные идеалы и стремившиеся изменить сложившийся к тому времени уклад жизни. Во многом они были настоящими интеллектуалами своей эпохи. Именно поэтому следует уделить Придворной Академии (следуя традиции, я буду использовать это название) особое внимание.

* * *

Для рассмотрения Придворной Академии очень важно представить себе хронологические рамки данного явления, а также причины, вызвавшие к жизни оформление этого кружка.

Что касается временных границ, то определить их достаточно сложно, тем более что в историографии даются самые разные датировки. Очевидно, можно говорить о формировании Академии начиная с появления первых иноземных учителей, которые принесли свои знания в Галлию. Именно привлечение истинных знатоков своего дела говорит о возникновении интереса (пусть даже сугубо практического) к культурному наследию предшествовавших веков. Речь в данном случае идет о Павлине Аквилейском (ок. 740-802), Петре Пизанском (ум. до 799) и Павле Диаконе (ок. 720-787), первый из которых оказался при дворе Карла уже в середине 70-х гг. после второго лангобардского похода. С появлением в 782 г. Алкуина (ок. 735-804) Академия обрела свои очертания более четко, поскольку именно он привнес систему в образование того времени. Во многом это было связано с тем, что в Йорке, где Алкуин жил ранее, он руководил школой. Его исключительная роль в качестве учителя выдвинула его на первый план в Академии, несмотря на то, что, как отмечают некоторые исследователи каролингской литературы, его поэтические произведения не могли бы составить ему славы²⁰.

Именно на время пребывания при дворе Алкуина пришлось появление основных документов, характеризующих первый этап Каролингского Возрождения ("Всеобщее наставление" 789 г. и "Письмо Баугульфу о занятиях науками" 780-800 [?] гг.)²¹. Как убедительно показал Л. Валах, стиль этого письма во многом походит на стиль писем Алкуина. Следовательно, он вполне мог быть одним из тех, кто участвовал в создании этого документа, предписывающего давать знания с тем, чтобы в дальнейшем не искажался незнанием

текст Священного Писания²². Его же влияние усматривается и во "Всеобщем наставлении". Таким образом, именно Алкуин во многом повлиял на формирование внешних школ. Не случайно в финале его "Жития" о нем сказано именно как о великом учителе²³.

Однако связывать все культурные начинания исключительно с именем Алкуина не совсем верно. Во-первых, первые приглашенные учителя оказались при дворе Карла еще до него. Во-вторых, он сам прибыл туда по приглашению короля (782), который в течение года уговаривал его перебраться из Йорка. Вероятнее всего, изначально Карл стремился собрать при своем дворе лучших знатоков искусств из чисто утилитарных соображений и частично из тщеславия. Однако позднее, в процессе непосредственного общения, сложился этот кружок единомышленников, скрепленный узами дружбы.

Что же касается верхней границы существования Академии, то справедливее всего будет сказать, что она и вовсе отсутствовала в пределах правления Карла Великого, поскольку отъезд одних людей заменялся приездом других. Кроме того, многие, получая определенные назначения, тем не менее возвращались ко двору на некоторое время для исполнения самых разнообразных функций. Такова была судьба Алкуина, Ангильберта и многих других²⁴. Поэтому нельзя согласиться с британской исследовательницей Р. Мак-Киттерик, которая предложила связать Придворную Академию исключительно со временем пребывания при дворе Алкуина (до 796 г.), указывая, что позднее Карл уже не нуждался в советниках²⁵. Против этого можно выдвинуть два аргумента.

Во-первых, по-прежнему нуждался. Так, в поздних письмах Алкуина, написанных уже после его ухода в монастырь, встречаются многочисленные рассуждения автора о вопросах, которые в письменной форме задавал ему король. Они связаны с определением церковных праздников, латинской грамматикой и некоторыми другими темами²⁶, логически продолжающими те курсы, которые Алкуин вел при дворе, являясь, согласно Эйнхарду, учителем Карла²⁷. В этих же письмах, как показал Ф.-Л. Гансхоф²⁸, была сформулирована и теория о восстановлении империи²⁹. Таким образом, центральная идея каролингской политической доктрины была оформлена Алкуином уже после его ухода в монастырь. То есть становится очевидным, что и после своего отъезда в святую обитель, из которой Алкуин, ссылаясь на преклонный возраст, уже не выезжал³⁰, он продолжал влиять на поли-

тическую и культурную ситуацию при дворе, по сути исполняя те же функции, что и раньше. Кроме того, Карл поддерживал связь с Амаларием (учеником Алкуина Симфозием), с которым советовался по поводу обряда крещения³¹. Специально для того, чтобы подписать завещание Карла, ко двору (вернее на совет) прибыли Теодульф, Арн, Риккульф и другие³².

А во-вторых, далеко не все покинули двор в это время. Так, Эйнхард провел при дворе все время правления Карла и даже сделал политическую карьеру уже в первые годы правления Людовика Благочестивого, посвятив литературной деятельности лишь последние годы своей жизни, которые вынужден был коротать в монастыре. Таким образом, при дворе скорее происходила смена поколений, нежели отказ от определенной культурной политики.

Поэтому более убедительной мне представляется версия о том, что Придворная Академия распалась со смертью Карла Великого. С приходом к власти Людовика Благочестивого двор приобрел совсем другой характер, началась сакрализация культуры³³. В немилости оказались многие сторонники Карла. Практически сразу произошел отказ от одного из главных нововведений этого короля - внешних школ. Можно было бы привести массу других доводов, но даже этих вполне достаточно для того, чтобы показать изменения характера культуры, связанные с завершением придворного этапа Возрождения и переходом к периоду монастырскому. Вышеизложенные причины кажутся мне более объективными для определения даты упразднения Придворной Академии.

Отдельно следует остановиться на тех задачах, которые преследовали участники Придворной Академии, собираясь на свои советы (*consilium*)³⁴. Очевидно, что в силу отсутствия организации этого кружка довольно трудно говорить об определенных целях, которые ставили его участники в момент создания. Скорее всего он просто сложился на основе определенного круга общения образованных людей, неизбежно сталкивавшихся во дворце. Однако можно предположить, что в дальнейшем у Академии появились определенные задачи. Для этого посмотрим на практическую деятельность членов этого кружка.

Какого рода были занятия в Придворной Академии? Известно, что при дворе изучали семь свободных искусств: тривиум (грамматика, риторика и диалектика) и квадривиум (арифметика, геометрия, астрономия и музыка). Об этом нам сообщил Эйнхард, который как раз показал, что

Карл прослушал курс свободных искусств (*Artes liberales*)³⁵. Так, он изучал грамматику у Петра Пизанского, а у Алкуина курсы риторики, диалектики и астрономии. Как уже было упомянуто раньше, именно по этим вопросам Карл советовался со своим учителем после его отъезда в монастырь³⁶. Однако эти курсы скорее всего не были систематическими. Судя по письмам, Карла интересовали определенные частные вопросы, на которые ему, а также возможно и тем, кто присутствовал на советах³⁷, отвечали компетентные люди. К таким вопросам можно отнести использование отдельных латинских слов, исчисление церковных праздников по лунному календарю и пр.

Более того, нам известно, что придворная школа существовала и раньше, при дворе Пипина Короткого, а следовательно, сам Карл получил определенное начальное образование еще в детстве. Отсюда можно сделать вывод, что свободные искусства были уже специальностью Академии. Их знание не считалось обязательным, но было свидетельством высокого уровня образованности.

Мы имеем еще одно описание придворного собрания, о котором я уже упоминала. Речь идет о поэме Теодульфа. Но в данном случае нас будет интересовать сам дух этого собрания, а не присутствовавшие на совете люди. В поэме отражена увлеченность людей тем, чем они занимались. Кроме того, очевидно, что все присутствовавшие при дворе в определенное время выслушивали загадки, предлагаемые Алкуином, а также его объяснения догм Священного писания и особенностей чисел³⁸. Получается, что практически все придворные в той или иной степени были учениками "академиков". Интересно, что и сам Теодульф также использовал загадки для обозначения своего врага, некоего скотта³⁹. Таким образом, именно через загадки и другие игровые мотивы передавалась информация, а также развивалась логика⁴⁰.

Но помимо утилитарной цели существовала и более простая и понятная - это, конечно же, было увлекательно. Кроме того, показать себя в такого рода состязаниях, очевидно, считалось чем-то сродни проявлению определенных навыков ведения боя, которые демонстрировались на охоте или занятиях спортом⁴¹. Не случайно Теодульф отмечал, что для решения загадок Алкуина требовалось приложить определенные усилия⁴².

Вероятно, задачей Придворной Академии постепенно стало стремление поднять уровень образованности всего придворного круга⁴³.

Очевидно, это происходило именно в форме таких дискуссий, поскольку большинство выполняло свои функции подчас за много километров от двора. Более того, иногда и те, кто должны были читать стихи или разъяснять грамматические сложности, покидали двор. Уже упоминавшийся Теодульф как раз воспроизвел подобную ситуацию, отметив, что пишет письмо с тем, чтобы напомнить о себе, а также указав, что на совете должен был присутствовать Ангильберт, но его, к сожалению, нет⁴⁴.

Каков же был состав тех, кто входил в Придворную Академию? Многие историки считают, что отличительным признаком принадлежности к Академии являлись прозвища⁴⁵. Использование измененных имен говорит, как правило, о принадлежности к определенной группе. Традиционно приводятся "псевдонимы" Карла (Давид), Алкуина (Флакк), Ангильберта (Гомер), Теодульфа (Пиндар) и Эйнхарда (Нардул, Веселеил)⁴⁶. Действительно, прозвища эти использовались исключительно в литературных произведениях той эпохи и переписке Алкуина. Естественно, в государственной документации и анналах король именуется Карлом, а не Давидом.

Однако на самом деле таких прозвищ было гораздо больше. Так, известно множество учеников Алкуина, прославившихся на государственной ниве. Среди его корреспондентов мы встречаем Кандида, одного из самых известных его учеников, носившего в реальной жизни имя графа (Г)видо, возглавившего Бретонскую марку после гибели Роланда⁴⁷. Кроме этого, он выполнял и функции посла, о чем свидетельствуют письма Алкуина к третьим лицам⁴⁸. Примерно такой же путь прошел и учившийся у Алкуина в зрелом возрасте дьякон Рикюльф-Дамое, ставший впоследствии архиепископом Майнца⁴⁹. Но, пожалуй, самым известным из всех учеников остается Лейдрад, происходивший из домочадцев Арна Зальцбургского⁵⁰. Позднее, став епископом Лионским, он организовал школу для певцов и чтецов в этом городе, о чем сказано в его известном письме-отчете Карлу Великому⁵¹. Как видно, все они имели прозвища, с которыми к ним обращался их учитель. В произведении Теодульфа "Послание к королю" также упоминались прозвища Тирсис (вероятно, это камерарий Магенфред), стольник Меналк (Аудульф) и некоторые другие, идентифицировать которые исследователям пока не удалось. Все это говорит о том, что членов Придворной Академии можно подразделить на две большие группы.

К первой принадлежат те, кто передавал определенные знания. Они же могли преподавать и в придворной школе, тем более что это преподавание приравнивалось к любой другой службе. Так, например, Павлин Аквилейский получил некоторое владение именно за то, что был прекрасным знатоком грамматики⁵². Отличительной чертой этих людей был высокий уровень образованности, неплохое знание латыни и литературных произведений, написанных на этом языке (не случайно в их произведениях мы легко можем отыскать определенные заимствования). В первую очередь именно они, покидая двор, направлялись в монастыри для организации там школ и скрипториев. Так, Алкуин отмечал, что занят преподаванием в школе исключительно по воле Карла, который его туда направил⁵³. Ангильберт написал несколько церковных трактатов⁵⁴. А Теодульф, будучи епископом и исполняя функцию государева посланца, описал быт той эпохи⁵⁵. Назовем эту группу по их функции - "учителя".

Но были и те, кто воспринимал эти знания. Это люди, которые прибывали ко двору из разных провинций империи. Получив образование в монастыре или в придворной школе, они, подобно Карлу, участвовали в советах, разнообразя свой досуг и одновременно совершенствуя дух для служения Богу и империи. Эту группу можно назвать "учениками". Очевидно, что эта категория вполне может быть распространена на весь двор, поскольку участие в советах, которые одновременно были и "заседаниями" Придворной Академии, было отличительной особенностью придворных. Таким образом, Академия фактически сливается с понятием двора, становится одной из его функций.

Другим признаком, говорящим не столько о принадлежности к Академии, сколько об отношениях в ее рамках, являются обращения в письмах. С их помощью мы можем выявить целый круг лиц, к которым Алкуин обращался как к сыновьям и дочерям. Очевидно, что такое обращение характеризовало отношения учителя и ученика⁵⁶. Однако мы встречаем и пересечение понятия "сын" с понятиями "друг" и прочими. Так, из текста писем Алкуина к Арну Зальцбургскому легко сделать вывод об их дружеских отношениях. Однако Алкуин обращался к нему как к сыну, отцу, брату и сыну, а также как к другу⁵⁷. Точно такое же замещение происходило и в его обращении к Ангильберту: сначала он сын, а затем друг⁵⁸. Очевидно, что отношения "учитель - ученик" не были строго установлены, они предполагали достаточно вольное обращение друг к другу. Более того, изначальные

отношения подчинения, связанные во многом еще с придворной школой, потом переходили в отношения на равных, предполагавшие действительно близкую дружбу. Таким образом, Академия была кругом лиц, объединенных не только практической необходимостью участия в придворной жизни, но и личными отношениями.

* * *

Итак, характеризуя Придворную Академию, следует отметить, что она выросла из неформального кружка знатоков классической образованности, оформившись в 80-е гг. VIII в. и просуществовав до самой смерти Карла Великого. Круг ее охвата расширился к этому времени, практически совпав с границами двора за счет тех, кто, присутствуя на королевских советах, воспринимал определенные знания. Очевидно, что Придворная Академия, преследовавшая своей целью создание слоя образованных административных и политических деятелей, являлась одной из функций двора. Поэтому "учителя" исполняли эти свои обязанности наравне с другими, административными функциями.

Позднее, после смерти Карла Великого, Придворная Академия фактически распалась. Многие сторонники Карла и раньше покидали двор для выполнения определенных миссий, однако до этого времени они поддерживали связь с двором посредством переписки. Распространяя новации Карла, они оставались его приближенными, поскольку действовали с ним заодно. Теперь же большинство попало в опалу и было вынуждено удалиться в свои епархии⁵⁹. Двор опустел. Вместе с ним центр Каролингского Возрождения переместился от двора в монастырские стены. Начался второй этап Каролингского Возрождения - монастырский.

Однако уроки Придворной Академии не были забыты. И если Карл Великий не очень преуспел в создании нового Рима, просуществовавшего всего лишь 43 года, то его новые Афины стали одним из китов западной средневековой культуры и образованности, дав импульс мощной монастырской традиции.

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 40.

² Под термином Возрождение я понимаю резкий культурный подъем, следующий за веками упадка и берущий за образец культурные идеи эпохи, предшествовавшей им. Рассматривая данное понятие под таким углом зрения, мы с полным правом можем применять его для характеристики культуры эпохи Каролингов.

- ³ Eginhard. Vita Karoli Magni. Hannover, Lipsia, 1911. 24.29.8-10. Здесь и далее при ссылке на этот источник и жития сначала указывается глава, а затем номер страницы и строки.
- ⁴ Карл Великий родился в 747 г. С 768 г. стал править государством франков (до 771 г. совместно со своим братом Карломаном). Он умер в 814 г., оставив свою империю сыну Людовику Благочестивому.
- ⁵ Рамм Б.Я. "Каролингское возрождение" и проблемы школьной образованности в раннем средневековье // Учен. зап. ЛГПИ им. М.Н. Покровского. Ист. ф-т. Т. 5. Вып. 1. Л., 1940. С. 104; Riché P. École et enseignement dans le Haut Moyen Âge. P., 1989; Левандовский А.П. Карл Великий: Через империю к Европе. М., 1995. С. 123.
- ⁶ Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. С. 108; Perroy Ed. Carolingian Administration // Early Medieval Society. N.Y., 1961. P. 133; Bordanove G. Les rois qui ont fait la France. P., 1989. V. 2. P. 163; Odegaard C.E. The Concept of Royal Power in Carolingian Oaths of Fidelity // Speculum. 1945. V. 20. № 3. P. 279-280; Werner K.F. Important Noble Families in the Kingdom of Charlemagne // The Medieval Nobility Studies. Oxford, 1970. P. 137-202; Riché P. Daily Life in the World of Charlemagne. Liverpool, 1978. P. 59.
- ⁷ Bordanove G. Op. cit. V. 2; Delperrie de Bayac J. Charlemagne. P., 1976; Halphen L. Charlemagne et l'Empire Carolingienne. P., 1947; Vetault A. Charlemagne. Tours, 1877; Левандовский А.П. Указ. соч.
- ⁸ Delort R. Charlemagne. P., 1986. P. 28.
- ⁹ Theodulfi. Ad Carolum regem // Poetae latini aevi Carolini. Т. 1. Berolini, 1881. P. 483-489. 131-140, 145-146, 203-204. При ссылке на отдельные строки поэтического произведения указываются только номера этих строк, поскольку в издании MGH. PLAC. дана сплошная нумерация строк в рамках одного произведения.
- ¹⁰ Riché P. Op. cit. P. 220.
- ¹¹ Левандовский А.П. Указ. соч. С. 123.
- ¹² Там же. С. 117.
- ¹³ Безрогов В.Г. Сущностные черты средневековой педагогики // Послушник и школяр, наставник и магистр. М., 1996. С. 18; MacKitterick R. The Frankish Kingdoms under the Carolingians. L., 1983. P. 161.
- ¹⁴ Riché P. Op. cit. P. 225; Антонова Е.В. Формирование средневековой системы образованности // Западноевропейская средневековая школа и педагогическая мысль. М., 1989. С. 75.
- ¹⁵ Блишштейн Л.С. Материалы к изучению педагогического наследия вы-

- дающих мыслителей раннего и развитого средневековья // *Западноевропейская средневековая школа...* М., 1989. С. 42.
- ¹⁶ *Alcuini. Epistolae* // MPL. T. C. P., 1851. P. 139-511. Ep. 86.
- ¹⁷ Например: *Eginhard. Op. cit.* 19.25.3-12.
- ¹⁸ *Vita Alcuini* // MGH. SS. T. 15.1. Leipzig, 1925. P. 182-197. 16.193.21-23.
- ¹⁹ *Riché P. Dictionnaire des francs. Les Carolingiens.* P., 1997. P. 26-27.
- ²⁰ *Гаспаров М.Л. Алкуин* // *Памятники средневековой латинской литературы.* М., 1970. С. 258.
- ²¹ *Epistola de litteris colendis* // MGH. Legum. Sectio II. T. 1. Capitularia regum francorum. Caroli Magni capitularia. Hannoverae, 1883. P. 78-79; *Admonitio generalis* // *Ibid.* P. 52-62.
- ²² *Wallach L. Charle magne's "De litteris colendis" and Alcuin. A Diplomatic-historical Study* // *Speculum.* 1951. V. 26. № 2. P. 289.
- ²³ *Vita Alcuini.* 27.196.49.
- ²⁴ *Ex vita Angilberti* // MGH. SS. T. 15.1. Leipzig, 1925. P. 180. 2.180.40-41; *Alcuini. Op. cit.* Ep. 134, 144; *Eginhard. Op. cit.* 33.41.7.
- ²⁵ *MacKitterick R. Op. cit.* P. 161.
- ²⁶ *Alcuini. Op. cit.* Ep. 76, 80, 82, 83, 85, 86 и др.
- ²⁷ *Eginhard. Op. cit.* 25.30.8-16.
- ²⁸ *Ganshof F.L. The Imperial Coronation of Charle magne. Theories and Facts.* Glasgow, 1949.
- ²⁹ *Alcuini. Op. cit.* Ep. 95, 96.
- ³⁰ *Ibid.* Ep. 134, 144.
- ³¹ *Amalarii epistolae* // MGH. Epistolae. T. 5. Berolini, 1881. P. 242-274. Ep. 1, 2, 3, 14.
- ³² *Eginhard. Op. cit.* 33.41.1-11.
- ³³ *Гаспаров М.Л. Латинская литература между империей и папством* // *Памятники средневековой латинской литературы.* Вып. 2. М., 1972. С. 9-10; *Он же. Каролингское Возрождение* // *Памятники средневековой латинской литературы.* Вып. 1. М., 1970. С. 227-228.
- ³⁴ *Theodulfi. Op. cit.* 131-140, 145-146, 203-204.
- ³⁵ *Eginhard. Op. cit.* 25.30. 8-16.
- ³⁶ *Alcuini. Op. cit.* Ep. 76, 80, 83, 86 и др.
- ³⁷ На советах присутствовали герцоги, графы, другие представители служилой знати, а также друзья короля. Члены совета решали все политические вопросы, такие, как война и мир, признание нового короля и пр. Они же рассматривали и основные судебные конфликты, например, земельные тяжбы.
- ³⁸ *Theodulfi. Op. cit.* 131-138.

- ³⁹ Ibid. 161-174. Schaller D. Poetic Rivalries at the Court of Charlemagne // Classical Influences on European Culture. Cambridge, 1971. P. 151-157. Dronke E.M.P. Functions of Classical Borrowing in Medieval Latin Verse // Ibid. P. 159-164.
- ⁴⁰ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. М., 1994. С. 177-178; Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 258.
- ⁴¹ Eginhard. Op. cit. 19.23.19-25 и 22.27.10-13.
- ⁴² Theodulfi. Op. cit. 139-140.
- ⁴³ Для периода Каролингской империи есть все основания отождествлять придворный круг и королевский совет.
- ⁴⁴ Theodulfi. Op. cit. 9-12, 145-146.
- ⁴⁵ MacKitterick R. Op. cit. P. 162.
- ⁴⁶ Riché P. Dictionnaire... P., 1997.
- ⁴⁷ Reginonis Chronicon // MGH. SS. T. 1. Leipzig, 1925. P. 544-629. A. 799.
- ⁴⁸ Alcuini. Op. cit. Ep. 44.
- ⁴⁹ Ibid. Ep. 74. Его пребывание при дворе описано и у Теодульфа, о чем уже было сказано.
- ⁵⁰ Ibid. Ep. 92, 108.
- ⁵¹ Подробнее об этом: Фортунатов А.А. Алкуин и его ученики // Учен. зап. МГПИ им. В.М. Потемкина. 1948. Т. 8. Вып. 1. С. 5-48; Лебек С. Происхождение франков. М., 1993. С. 281-310.
- ⁵² D. 112 // Diplomatum Karolinorum. T. 1. Caroli Magni diplomata. Hannoverae, 1906. P. 77-292.
- ⁵³ Alcuini. Op. cit. Ep. 43.
- ⁵⁴ Angilberti. De reastoratione monasterii Centulensis // MPL. T. XCIX. P., 1851. P. 841-850; Item. Statuta quaedam rubrica // Ibid. P. 849-850.
- ⁵⁵ Theodulfi. Capitula ad presbyteros // MPL. T. CV. P., 1851. P. 191-208; Item. Capitulare ad eosdem // Ibid. P. 207-224; Item. De spiritu sancto // Ibid. P. 239-276.
- ⁵⁶ Подробнее: Фортунатов А.А. Указ. соч. С. 12.
- ⁵⁷ Alcuini. Op. cit. Ep. 68, 69, 141.
- ⁵⁸ Ibid. Ep. 25, 26.
- ⁵⁹ Raby F.J.E. A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Oxford, 1934. V. 1. P. 221.

ОТЛУЧЕНИЕ РАЙМОНА VI ТУЛУЗСКОГО (влияет ли частный случай на ход истории)

В 1207 г. папа римский Иннокентий III через своего легата Петра де Кастельно, выполнявшего особую миссию в Лангедоке, послал графу Тулузскому Раймону VI письмо. Он повелел ему выполнить определенные условия, в противном же случае обещал отлучить непокорного графа от церкви.

Почему же Раймон VI не испугался отлучения и не поспешил выполнить требования папы? Не привел ли его поступок к войне, которая началась два года спустя? Мог ли он ее избежать?

Ответы на эти вопросы позволят нам приблизиться к решению важнейшей проблемы, волнующей исследователей прошлого на протяжении всего двадцатого столетия: какова же роль личности в истории и влияет ли частный случай на ее ход?

***

“Знатному человеку Раймону, графу Тулузскому, дух наиболее мудрого совета. Если бы мы открыли ваше сердце, мы бы нашли там и указали бы вам на гнусные мерзости, которые вы совершили, но, поскольку сердце ваше тверже камня, его можно задеть словами приветствия, но трудно тронуть глубоко”¹, - так начинается письмо римского папы, а заканчивается оно словами угрозы.

На десятый год своего понтификата Иннокентий III, достойный наследник теократических идеалов Григория VII, угрожает непокорному сеньору не только карой Божьей, не только отлучением от Церкви (что вполне было в его власти), но и военными действиями: “Если же это наказание не заставит вас образумиться, мы велим всем соседним принцам подняться против вас как врага Христова и гонителя Церкви, и позволим каждому оставить себе все те ваши земли, которые он сможет захватить, дабы они не были более отравлены ересью, которой вы покровительствуете”².

Егорова Анна Михайловна - аспирантка кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ. Тема диссертационного исследования - “Этнокультурная специфика средиземноморского региона Франции в рамках государственной интеграции”.

Может быть, эти строки нельзя назвать пророчеством, но, во всяком случае, история показала, что они были серьезным предупреждением. Возможно, папа и не хотел войны, к которой спустя два года он призывал, а спустя еще некоторое время уже не мог остановить.

Во второй половине прошлого века русский исследователь Н.А. Осокин (у которого это письмо приводится не полностью) считал, что оно свидетельствует о перемене политики Иннокентия III, потерявшего веру в систему, где "не угрозы, а увещевания действуют на заблудших"³. Осокин полагал, что обвинения папы случайны, а редакция буллы полна натяжек и "оттого в ней чередуются доводы убедительные с ничтожными, видно желание взять количеством аргументов, внешностью изложения"⁴. Однако, на наш взгляд, всю серьезность и неслучайность этих обвинений, всю их обдуманность и конкретность доказывает тот факт, что когда в 1209 г. граф Тулузский дал клятву покаяния, дабы примириться с церковью, он дословно повторил все обвинения папы, изложенные в письме от 1207 г., прибавив к ним несколько новых.

Что же потребовал в своем письме Иннокентий III у графа Тулузского? Прежде всего прекратить войну с католическими баронами Прованса (которую Раймон вел с помощью своей армии, где находилось много еретиков), а также покаяться в своих многочисленных преступлениях, совершенных против церкви.

Тулузский граф согласился, однако не поспешил эти требования выполнить⁵. Почему? Возможно, потому что просто не мог убрать евреев с общественных постов, которые они занимали в Тулузе, изгнать еретиков со своей земли, ведь его самые преданные вассалы и друзья склонялись к ереси, она расцветала при их дворах и в их городах. (Так, граф де Фуа, самый верный его вассал, жил в окружении еретиков; его жена и одна из сестер склонялись к доктрине вальденсов, другая сестра - к вере катаров⁶). А может быть потому, что он не воспринял требований Иннокентия III серьезно, не испугался угрозы отлучения от церкви.

Но мог ли он ее не испугаться? Здесь мы подходим к некому стереотипу, сложившемуся в нашем сознании. Для нас слово "отлучение" звучит довольно грозно и как-то даже непоправимо. Казалось бы, средневековый человек всеми средствами должен был избегать отлучения из страха оказаться одиноким, вне закона; а главное, для папы Римского, вероятно, это должно было быть чуть ли не крайней

мерой, чтобы заставить непокорного склонить голову. Так ли это было в представлении сеньора XIII в.? Ведь для него эта процедура должна была обернуться интердиктом на владения, а его друзья и вассалы отказались бы от него...

Ответ на вопрос, почему Раймон VI не выполнил условия папы, дает монах Пьер де Во-Сернай, автор одного из основных источников, освещающих события альбигойской кампании, - хроники "История альбигойской войны". Надо заметить, что он на этот счет немногословен. По его словам, "граф никогда не выполнял свои клятвы, клялся часто и часто становился клятвопреступником"⁷. Но мы не должны забывать, что автор пишет историю деяний Симона де Монфора и посвящает свою хронику папе Иннокентию III, так что для него Раймон Тулузский по определению был злодеем.

Н.А. Осокин считает, что Раймон VI не мог исполнить требования папы из-за слабости характера и разлада с самим собой, вследствие чего, "следуя пагубной двуличности, он губил сам себя..."⁸. Возможно, в этой оценке есть доля истины, хотя она, как и прочие, основывалась только на предположениях.

Мнение русского исследователя второй половины прошлого столетия в чем-то перекликается с точкой зрения французского медиевиста конца XX в., чья книга о Раймоне VI вышла в 1998 г. Бертран де Ла Фарж считает, что к нерешительности графа примешивались еще и такие присущие ему качества, как терпимость и пацифизм⁹.

Мы не будем оспаривать или же критиковать эти оценки; вместо этого мы хотим предложить свою версию, которая, на наш взгляд, тоже имеет право на существование, тем более что она, находясь в другой плоскости, не противоречит предыдущим.

Граф Тулузский не спешил выполнять требования папы, так как угроза отлучения от церкви не была для него столь уж страшна и не сулила катастрофических последствий. В представлении сеньора начала XIII в. слово "отлучение", видимо, не звучало очень грозно и непоправимо. Надо заметить, что практика отлучений была довольно частой. Сеньор всегда мог иметь перед глазами такие примеры и знать, чем они заканчивались. А заканчивались они уступками и примирением с церковью. Все было поправимо.

Примером могла послужить хотя бы история с французским королем Филиппом-Августом, вместе с которым в январе 1200 г. вся Франция была отлучена от церкви на целых восемь месяцев¹⁰. (Кста-

ти сказать, о таком, казалось бы, из ряда вон выходящем событии должны были сообщать все летописцы, однако оба хрониста французского короля едва упоминают о нем¹¹). И это вполне удачный пример, ведь Филипп Август был двоюродным братом Раймона Тулузского по матери¹², сестре Людовика VII, "...Constantia, mater haeretici Comitiss de Tolosa Raimundi...", как пишет хронист¹³.

Вообще в случае с Раймоном VI далеко ходить за примерами не нужно. Его прадед Раймон IV (1041-1105) по прозвищу Сен-Жиль, известный крестоносец, не вернувшийся из крестового похода, находясь всегда в прекрасных отношениях с престолом св. Петра, все же был отлучен от церкви. Дважды - в 1076 и 1078 гг. - он был осужден на соборах за то, что был женат на своей двоюродной сестре. Но это его не испугало: он не пошел на уступки, не развелся и не расставался с ней до самой ее смерти. Примирение с папой состоялось в 1081 г.¹⁴

Дед Раймона VI Альфонс I (1103-1148) был отлучен от церкви в 1142 г., когда римский папа вмешался во внутреннюю войну между графом Тулузским и сеньором Монпелье, на стороне которого он был. Но уже к концу года Иннокентий II отменил эту меру¹⁵.

При отце Раймона VI, Раймоне V *Le Bon*, ересь в Лангедоке разрослась до такой степени, что о ней появились записи не только в местных хрониках, но и в хрониках иностранного происхождения, например английских¹⁶. Результатом этой печальной известности стал церковный собор в Туре в 1163 г., на котором была разоблачена вся пагубность заблуждений альбигойцев. Папа Александр III приказал католическим принцам и прежде всего графу Тулузскому остановить еретиков. Но граф Тулузский был в это время занят войной с католическими сеньорами, вступившими в союз с королем Генрихом II Английским против него¹⁷.

Ситуация была очень похожа на ту, что сложится сорок с лишним лет спустя, где главные роли предстоит сыграть будущему графу Раймону - ему в 1163 г. было всего семь лет - и Лотарю (будущему Иннокентию III), который родился через год¹⁸.

Папа желал, чтобы граф Раймон V Тулузский заключил мир с соседями, дабы это не мешало ему бороться с еретиками. Но тот был слишком занят своей войной, а потому и на него легла тень отлучения. К обвинениям прибавилось и то, что граф поддерживал антипапу (Pascal III).

Довольно скоро он осознал свои ошибки, и папа Александр его простил¹⁹. Раймон *Le Bon* помирился с соседями, и далее последовало то, что составило в истории мнение о нем как о гонителе еретиков: собор в 1165 г. (на котором он и его жена подписали осуждение и проклятие ереси)²⁰ и известное послание от 1177 г. генералу ордена Сито с целью проинформировать его о мерах, им (графом) предпринятых, дабы положить конец злу; однако, по его словам, ересь так сильна, что он не в состоянии ее подавить²¹. В марте 1179 г. на Третьем Латеранском соборе альбигойцы были отлучены от церкви и впервые прозвучали слова о крестовом походе против них...²²

Все эти примеры Раймон VI вполне мог знать. К ним можно прибавить тот факт, что для него самого эта угроза отлучения была не первой. Впервые Раймон VI был отлучен от церкви папой Целестином III в 1195 г. из-за своего покровительства еретикам. Но в 1198 г. на папский престол вступает кардинал из враждебного Целестину рода Конти²³ и в этом же году, став Иннокентием III, он снимает с графа Тулузского отлучение, предложив крестовый поход в Палестину²⁴.

Раймон Тулузский не сделал ничего, чтобы оправдать прощение, и потому через девять лет, когда Иннокентий III достаточно укрепился на престоле и его политика стала развиваться успешно, пришло время для новой угрозы Раймону VI. Но само по себе отлучение от церкви, вероятно, не испугало последнего; он просто не поверил, что папа предпримет военные действия.

Дальше события развивались быстро. Раймон заключает мир с баронами, но не исполняет клятву. В Сен-Жиле Петр де Кастельно отлучает его от церкви²⁵, накладывает интердикт на его земли, освобождает от присяги его подданных и произносит роковые слова: "Кто лишит вас владений - будет прав. Кто вас убьет - будет благославлен"²⁶.

Раймону не надо было бояться того, что вассалы отвернутся от него. Как показала история с убийством Петра де Кастельно в январе 1208 г., они были на его стороне, а не на стороне папы. Но это убийство послужило поводом к крестовому походу, и теперь уже никто не сомневался в том, что будет война, даже французский король, которого это очень беспокоило. Он пишет папе: "Осудите его (Раймона) как еретика, вы можете проповедовать крестовый поход и пригласить меня к участию, но только я, его сюзерен, могу законно конфисковать его домены..."²⁷.

Раймон VI осознал всю серьезность происшедшего, когда узнал о том, что рыцари откликнулись на проповедь папы и что собирается целое войско. Один из авторов поэмы "*Cansos dela crozada contr els ereges dalbeges*" ("Песнь о крестовом походе против альбигойских еретиков") пишет об этом так: "Когда граф Тулузский и другие бароны и виконт Безье узнали о проповеди крестового похода, о том, что французы собираются для участия в нем, они не присоединились к ним, они этим очень опечалились. На совет, на который собрались духовные... прибыл граф Раймон. Там он преклонил колени и покался (*fes sa fliction*) перед монсеньором аббатом (легатом Арнольдом), прося его о прощении (*elh prega quelh perdon*), но тот ответил, что не может его простить... пока папа римский и его кардиналы не дадут ему отпущения... Граф вернулся оттуда скоро без всякой надежды..."²⁸.

Он поспешил отдать в залог семь своих замков, которые попросил папа через легата²⁹. Летом 1209 г. состоялся обряд покаяния в Сен-Жиле, на котором граф Тулузский Раймон VI, потомок знаменитого Гильома Оранжского и Бернара I, правнук первого крестоносца Раймона Сен-Жиля, кузен французского короля и зять Алиеноры Аквитанской, поклялся молча смотреть, как по одному уничтожают его лучших друзей и родственников, еще и подчиниться всем требованиям тех, кто пришел, чтобы разорить его земли. Он поклялся, но войну уже было не остановить, ибо со всех концов Франции и из других земель в Лион съезжались рыцари и бродяги, а из Аженуа уже двигалась вторая армия, захватывая замки и не встречая там сопротивления...³⁰

***

Что было бы, если бы граф Тулузский воспринял угрозу папы серьезно, если бы немедленно прекратил войну с католическими баронами, если бы покался во всех своих преступлениях, если бы перестал покровительствовать еретикам? Возможно, тогда Петр де Кастельно не отлучил бы его от церкви в Сен-Жиле, не был бы убит и война не началась бы.

Возможно ли, чтобы частный случай решал судьбу тысяч людей? Возможно ли, чтобы ответственность за войну лежала на одном человеке, происходила из одного его решения? Предположим, война не началась бы в 1209 г., но поскольку причины ее были слишком глубокими и не ограничивались одним противостоянием графа Тулузского и

папы римского, она началась бы позднее на год или два, и Раймон VI ничего уже не мог бы решить. Однако все же от его выбора зависел ход французской истории, даже если он послужил всего лишь поводом.

Альбигойские войны закончились в 1229 г. присоединением Лангедока к домену французского короля. К моменту их окончания ни графа Тулузского Раймона VI, ни папы Иннокентия III, ни французского короля Филиппа Августа уже не было в живых.

¹ Письмо папы Иннокентия III графу Тулузскому, написанное после отказа графа заключить мир с его вассалами в Провансе, как велел ему сделать папский легат Петр де Кастельно // *Guizot F. Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France depuis la fondation de la monarchie française jusque XIII siècle*, v. 14. P., 1824. P. 367-371.

² *Op. cit.* P. 371.

³ Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. Казань, 1868. Т. 1. С. 294-295.

⁴ Там же. С. 295.

⁵ *Pierre de Vaux-Cernay. Histoire de la guerre des albigeois* // *Guizot F. Ibid.* P. 18.

⁶ Об этом гневно сообщает Пьер де Во-Сернай // *Pierre de Vaux-Cernay. Op. cit.* P. 25.

⁷ *Pierre de Vaux-Cernay. Op. cit.* P. 18.

⁸ Осокин Н.А. Указ. соч. С. 295.

⁹ *La Farge B. de. Raimon VI le comte excommunié*. Toulouse, 1998. P. 10.

¹⁰ Об этом достаточно подробно см.: *Luchaire A. Louis VII - Philipp August - Louis VIII*. P., 1931. P. 144-203, также: Осокин Н.А. Указ. соч. С. 31.

¹¹ *Rigord, Guillem Le Breton. Vie de Philipp August* // *Guizot F. Ibid.* V. 18.

¹² Н.А. Осокин неточен, когда пишет, что Раймон приходится Филиппу Августу двоюродным братом по жене (Указ. соч. С. 307). Мать Раймона была дочерью Людовика VI, родной сестрой Людовика VII, отца Филиппа Августа.

¹³ *Ex chronico Alberici trium-fontium monachi* // *Recueil des historiens des Gaules et de la France*, par L. Delisle. P., 1861-1877. V. 13.

- ¹⁴ Genty R. Les Comtes de Toulouse. Histoire et tradition. Ferrier, 1987. P. 121.
- ¹⁵ Ibid. P. 143.
- ¹⁶ Такими свидетельствами широкой известности альбигойской ереси могут служить хроника монаха Гервасия Дороберненского об английском царствовании в его время, в которой описано, как к 1177 г. "мерзкая ересь" (haeresis maligna) распространилась во владении графа Тулузского, или хроника о жизни и деяниях Генриха II Петербургского, аббата Бенедикта.
- ¹⁷ Genty R. Op. cit. P. 157-159.
- ¹⁸ У Осокина дата рождения Лотаря - ок. 1161 г., в хронике Nicolai Ambianensis это 1164 г. // Recueil des historiens... V. 14.
- ¹⁹ Genty R. Op. cit. P. 159.
- ²⁰ Ex actus concilii Lumbariensis, adversus Albigenes haereticos // Recueil des historiens. V. 14.
- ²¹ Luchaire A. Louis VII - Philipp August - Louis VIII. P., 1931. P. 260-261.
- ²² Genty R. Op. cit. P. 162.
- ²³ Осокин Н.А. Указ. соч. С. 11-13.
- ²⁴ Там же. С. 276.
- ²⁵ В поэме Гильома из Тюдели "La canso dela crozada..." этому отлучению посвящено всего две строчки. Автор приводит следующую причину: "Граф Тулузский был отлучен, ибо покровительствовал разбойникам, грабившим страну" (Car mante los rotors quel pays van raubaut) (IV, 81-82). Петр в своей хронике пишет, что граф был отлучен легатом, что бы заставить его подписать мир с католическими баронами. (IV, P. 18)
- ²⁶ La Farge B. de. Op. cit. P. 12.
- ²⁷ Luchaire A. Op. cit. P. 268.
- ²⁸ Histoire de la croisade contre les hérétiques albigeois, par Cl. Fauriel. P., 1837 (IX, 182-195).
- ²⁹ P. de Vaulx-Cernay. Op. cit. P. 44-46.
- ³⁰ Histoire de la croisade contre les hérétiques albigeois, par Cl. Fauriel. P., 1837.

КАРЛ V МУДРЫЙ В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Счастлив человек, нашедший свою
мудрость.*

Екклезиаст

В 1337 г. во Франции в королевском семействе родился мальчик, наследник престола, будущий французский король, которого называли Карлом. В этом же году начался самый долгий в истории средневековья военно-политический конфликт - Столетняя война, в котором Карлу V придется сыграть важнейшую роль. Вряд ли его родители - Иоанн Добрый и Бонна Люксембургская - могли представить, что было уготовано ему судьбой. Именно этому мальчику, затем слабому юноше с болезненной внешностью суждено было стать одним из самых выдающихся королей Франции, сделавшим все для блага своей страны и французского народа. Именно ему предстояло вернуть почти все завоеванные англичанами французские земли и поднять Францию со дна пропасти, куда она скатилась из-за неспособности его отца и деда управлять страной.

Правление французского короля Карла V Валуа, прозванного Мудрым благодаря своим неординарным качествам правителя, приходится на вторую половину XIV в., период, когда эпоха Средневековья уже начала сдавать свои позиции под натиском новых веяний, предвестников Нового времени. Особенно заметны влияния этих веяний в культуре: теряют свою изначальную ценность и смысл рыцарские турниры, превращаясь в игру; на смену монархам-рыцарям приходит монарх-ученый. Во Франции устанавливается политическая стабильность и процветает культура, чему неустанно способствует сам король, приглашая ко двору ученых, поэтов, философов. При нем создается своеобразный "кружок" из близких ему людей, преданных ему душой и телом, таких, как Бертран Дюгеклен, Пьер Д'Оржемон, Николя Орезм, Рауль де Прель, Бюро де Ла Ривьер и другие, не менее известные личности.

Тимошина Мария Владимировна - аспирантка кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ; тема диссертации - "Раннее Возрождение во Франции XIV-XV вв."

Карла V всегда очень высоко оценивали современники. При рассмотрении свидетельств разных хроник, будь то Жан де Венетт, или анонимный автор "Хроники первых четырех Валуа", или автор официальных Больших Французских хроник, напрямую инспирированных двором, мы везде сталкиваемся с благоприятной оценкой этого монарха. Карл предстает перед нами как "самый великий и мудрый принц, который управлял мудро своим королевством"¹, как "очень мудрый и осторожный король"², а Фруассар добавляет, что "король Карл был не только мудрым, но и очень хитрым"³. Но как же был оценен этот мудрый король в веках? Как о нем отзывались не только его современники, но и последующие поколения историков, писателей, филологов? Был ли образ мудрого монарха всегда однозначным для исследователей его жизнедеятельности или он все же претерпевал какие-то изменения? Именно на эти вопросы мы попытаемся дать ответ в нашей статье, рассмотрев и тщательно проанализировав труды французских и русских историков.

Хотелось бы сразу отметить, что в отечественной исторической науке личность Карла V Валуа вообще была упущена из виду. Объяснение этому, вероятно, кроется в длительном пребывании советской исторической науки под влиянием догм господствующей идеологии. В то время историки не посвящали своих работ монархам, так как король воспринимался государственной идеологией не иначе как тиран либо эксплуататор народных масс. Несомненно, что в подобных условиях не могли появиться серьезные исторические исследования, посвященные жизнедеятельности нашего короля (дело осложнялось также и тем, что Карл V был популярен в народе, организовал партизанскую борьбу с английскими захватчиками, что просто не вписывалось в шаблонный облик "средневекового короля-тирана"). Существуют лишь работы, посвященные в основном социально-экономическим вопросам, крестьянским восстаниям, политическим институтам этой эпохи, но нет ни одного исторического сочинения, которое было бы полностью посвящено выдающейся личности самого короля, немало сделавшего для процветания страны в этот тяжелый для Франции период. Состояние данной проблемы в отечественной исторической науке таково, что говорить об отечественной историографии не представляется возможным. Можно выделить лишь несколько работ, в которых есть некоторые сведения о Карле V и его времени. Упоминание о Карле V можно найти и в многочисленных работах по искус-

ству Средневековья⁴. В одной из них отмечается несвойственное придворной и рыцарской среде стремление к образованию, окружению себя книгами, что было в то далекое время не более чем поверхностным следованием моде. Карл V предстает перед нами неким исключением из общих правил: он принимал участие в руководстве строительными работами по перепланировке замков, собрал удивительнейшую библиотеку (около 900 томов).

В нескольких работах отечественного историка-медиевиста, проф. Н.И. Басовской данная проблема лишь затрагивается в общей панораме событий Столетней войны. В своей статье "Правитель и народ в Столетней войне: миф и реальность"⁵ автор предпринимает попытку "рассмотреть крупное историческое событие - Столетнюю войну между Англией и Францией - сквозь призму взгляда на роли ее основных участников"⁶. Один из самых трудных для Франции этапов этого конфликта пришелся на правление Карла V. Н.И. Басовскую отличает нетрадиционность подхода к данной проблеме. Личность короля рассматривается неразрывно с народом, с его подданными. Основная мысль этой работы, вывод, к которому приходит автор в заключительной части статьи, заключается в том, что противоречия и конфликты между королем и народом имели место, этого нельзя отрицать. Но нельзя их отношения сводить исключительно к классовой борьбе. Давний бесконечный спор о том, кому - личности или народу - принадлежит решающая роль в историческом процессе, по мнению Н.И. Басовской, "скорее всего, является схоластикой, между ними существует неразрывная связь, которую нельзя отрицать"⁷. Проявлением мудрости Карла автор называет его благоразумное обращение за помощью и поддержкой к народу в тяжелые для страны дни, организацию им освободительного движения против английских захватчиков. Автор делает акцент на расхождении поведения Карла со средневековой, в частности рыцарской, этикой. Например, нарушением средневекового рыцарского этикета были похороны Бертрана Дюгеклена (мелкий бретонский рыцарь, назначенный Карлом коннетаблем Франции) в Сен-Дени, официальной усыпальнице французских королей, где не было места для рыцаря из далекой провинции, а также и то, что Карл "в свой рыцарский век никогда не выходил на турниры и поля сражений, но зато собрал одну из крупнейших в Европе библиотек, тратил деньги на приобретение драгоценных рукописей и дорогих рукописных книг"⁸. Автор очень

уважительно говорит о его неординарном мышлении и "интеллектуальном гении".

Другая статья Н.И. Басовской посвящена освободительному движению во Франции против английских захватчиков в годы Столетней войны⁹. Здесь автор говорит об укреплении тенденции к соединению усилий королевской власти и стихийного массового движения против англичан. Большую роль в этом сыграли целенаправленные усилия Карла V. Очень интересна мысль Басовской о том, что Карл был первым королем, который представил войну против англичан как справедливую, делая акцент на патриотические чувства народа, а не на династические притязания¹⁰.

Также нельзя не отметить работу Н.И. Басовской "Столетняя война"¹¹. В книге отмечается, что Карл V был зрелым государственным деятелем, политиком, стратегом: "Дофин Карл оказался первым представителем дома Валуа, обнаружившим черты незаурядного и дальновидного политического деятеля"¹². Таким образом, нужно отметить, что Н.И. Басовская оказалась единственным специалистом в российской исторической науке, уделившим внимание в своих работах личности короля Карла V Валуа.

В отличие от отечественных медиевистов французские историки, естественно, не прошли мимо такой яркой исторической фигуры, как Карл V Мудрый. Во французской историографии ему уделяется огромное внимание. Личность короля упоминается во многих работах как общего, так и специального характера.

Для начала хотелось бы рассмотреть две работы XVIII в., так как многие идеи, высказанные их авторами, будут в дальнейшем разработаны другими авторами XIX и XX вв. Это работа неизвестного автора "Краткая всеобщая история" (1746)¹³ и произведение аббата де Шуази "История Франции в период правления Святого Людовика, Филиппа Валуа, короля Иоанна, Карла V и Карла VI"¹⁴ (1750). Авторы этих работ главный упор делают на политику королей, их умение руководить страной и народом; каждый сравнивает предшественников Карла V с ним и всегда в пользу последнего. Аббат Шуази высказал интересную мысль, которая впоследствии нашла свое отражение в классической работе конца XX в. "Столетняя война" Жана Фавье (1982): дофин Карл взял себе титул регента, испытывая нехватку власти. Отец Карла V Иоанн Добрый после бесславного поражения своих войск в битве при Пуатье с англичанами был захвачен

в плен. Когда он на некоторое время возвратился из Англии во Францию, ему ничего не оставалось, как признать этот титул, а Карл, присвоив его себе, отказался от дальнейших попыток выкупить своего отца из плена. Шуази не ставит этот поступок короля ему в вину, так как он убежден, что вся деятельность Карла V была направлена на благо французского государства и на исправление ошибок, допущенных его отцом Иоанном Добрым. Этот взгляд стал традицией в историографии. В XVIII в. были заложены принципиальные классические моменты, связанные с трактовкой образа Карла V, которые в дальнейшем получили свое развитие.

Первая половина XIX в. не внесла ничего нового в развитие историографии: продолжали развиваться и крепнуть традиции, намеченные в XVIII в. Революционные трактовки личности Карла V появились лишь во второй половине столетия, что и будет рассмотрено далее.

Среди работ XIX в. необходимо отметить работу Ж. Мишле - его многотомный труд "История Франции" (1876)¹⁵. Историк принадлежал к романтической школе, что предопределило его восхищенное отношение к Карлу V. Мишле видел в его деятельности только положительные моменты. Его выражение - "Карл V был рожден мудрым..."¹⁶ - подразумевает не что иное, как наличие врожденной мудрости у короля, которая уже была дана ему при появлении на свет.

Важной работой для изучения правления Карла V явилась монография Н. Валуа (1888), посвященная анализу королевского Совета в XIV, XV и XVI вв.¹⁷ Идеи, высказанные в этой работе, оказали влияние на дальнейшее развитие взглядов на данную проблему в трудах авторов XX в. Периоду правления Карла V Н. Валуа практически не уделяет внимания (нет специальной главы, посвященной королевскому Совету во время правления этого короля). Однако автор отмечает революционные изменения в структуре, составе Совета и периодичности его созыва при Карле V: большую роль стал играть Малый совет, состоявший из преданных друзей и соратников монарха. Отныне этому институту принадлежало право решать все важнейшие государственные дела. Н. Валуа дает перечень ближайших советников короля. На эту работу впоследствии ссылались многие историки (Додю Г., Казель Р. и другие).

Среди работ XIX в. необходимо выделить монографию А. Сэ "Людовик XI и города" (1891)¹⁸. Хотя она и не посвящена специ-

ально Карлу Мудрому, в ней затронут очень интересный аспект его деятельности - городская политика, чему другие исследователи уделяли весьма мало внимания. Сэ считает, что городская политика Карла V носила все характерные черты политики его предшественников Капетингов. Продолжалось внедрение королевской власти во внутренние дела городов; Карл V оставался верен традиции, считая, что только одному королю принадлежит право даровать городам их свободы; он распоряжался городским самоуправлением по своей прихоти, то отменяя коммуны в городах, то вновь создавая их. На наш взгляд, А. Сэ неточен в формулировке мотива, побудившего Карла V вести такую политику, называя его прихотью. Скорее всего здесь было желание жесткого контроля над городами, которые всегда были естественным союзником монархической власти. Автор подчеркивает и положительные моменты в его действиях: король ввел обязательный налог, который, однако, шел исключительно на укрепление городов в период Столетней войны. В данном случае историк близок к мысли Н.И. Басовской о том, что именно Карл V был организатором освободительного движения против английских захватчиков. В работах многих исследователей внимание уделяется в основном военной политике Карла Мудрого, а столь важный момент, как городская политика, обходится стороной. Эта работа вкупе с другими, затрагивающими подобные темы, может считаться зарождением развившегося в XX в. социально-экономического направления в исторической науке.

В развитии историографии, посвященной королю, XIX век поставил главные вопросы, заложил основы оценки личности Карла V. Однако специальных работ не было написано, личность короля в ее полном объеме не была замечена. Наметился лишь интерес, который так и не был реализован в девятнадцатом столетии. Это было связано с особенностями развития историографии XIX в., влиянием социально-экономического метода изучения истории. Антропологический подход впервые был применен только лишь в XX в., когда личность в истории ставится во главу угла, ей уделяется большое внимание.

Произведения авторов XX в., посвященные XIV в., достаточно обширны. Разительный контраст с историографией XIX в. отмечается сразу же в начале столетия, когда на сцену выходит психоаналитическое направление. К нему можно отнести работу О. Браше "Ментальная патология королей Франции" (1903)¹⁹. Автор пытается через

особенности здоровья и генеалогии всей династии Валуа объяснить те или иные действия монарха. Автор считает, что поскольку Карл V был из династии Валуа, которая отличалась слабым здоровьем, нарушениями психики, он унаследовал все это на генетическом уровне. Династия шла к вырождению: чтобы это понять, достаточно взглянуть на пышущего силой Филиппа Валуа, а затем на Карла V, у которого была анемия и паралич правой руки, или на его сына Карла VI, страдающего внезапными и длительными приступами безумия. По мнению О. Браше, вследствие слабого здоровья, не позволяющего Карлу V развиваться в физическом смысле, он великолепно развил свой интеллект и другие духовные навыки, а также умение управлять страной, "не выходя из своего кабинета". Благодаря этому он снискал себе славу мудрого правителя. Это историографическое направление еще проявит себя во второй половине XX в.

Доказательством обостренного внимания французских историков к личности Карла V служит и появившаяся в начале XX в. хрестоматийное четырехтомное исследование Р. Делашенала "История Карла V"²⁰ (1916-1928). Сам автор называл свое сочинение "хроникой Карла V"²¹. Это несомненно правильное название, поскольку монография Делашенала затрагивает все сферы жизнедеятельности короля. Необходимо подчеркнуть такое достоинство произведения, как детализация всех событий жизни короля. Автор опирается на огромное количество источников - хроники, ордонансы, хозяйственные документы. Как верно заметил Г. Додю, произведение которого будет рассмотрено ниже, Делашеналь "возводит Карла V на пьедестал славы, откуда тот уже не спускается на протяжении всего повествования"²². Автор восхваляет Карла V, превозносит его роль в культурной жизни страны, говорит о нем как о покровителе искусств и наук. Во всех деяниях короля автором подчеркивается его мудрость, благодаря которой Карл V возвысил Францию в XIV в. над ее соседями. Исследование Р. Делашенала, таким образом, является самым большим по объему произведением во французской историографии, посвященным Карлу Мудрому.

В 1919 г. в Голландии выходит ставшая впоследствии знаменитой книга известного историка Й. Хёйзинги "Осень средневековья"²³. Как писал сам автор, в ней "делается попытка увидеть в XIV-XV веках... завершение Средневековья; попытка увидеть средневековую культуру в ее последней жизненной фазе"²⁴. Историк анализи-

рует конец средневековой культуры, взяв за основу Францию и Нидерланды XIV и XV вв. В своем исследовании автор в основном опирается на историков - Фруассара и Шателлена, поэтов - Эсташа Дешана, теологов - Жана Жерсона и Дионисия Картезианца, художников - Яна ван Эйка. Он объясняет этот выбор тем, что "щедрость и тонкое своеобразие их творчества особенно ярко отражает дух времени"²⁵. Хейзинга детально описывает отживающий свое рыцарский мир позднего Средневековья со всеми его достоинствами и недостатками, подробно останавливаясь на анализе рыцарской литературы, различных формах рыцарской жизни (ордена и обеты, турниры, мечты о прекрасной даме), религиозных представлениях, значении рыцарского идеала в войне и политике. В монографии Хейзинги можно увидеть наметившийся поворот к использованию новых методов и подходов - антропологического, семиотического, этнографического.

Исследование известного голландского историка и культуролога явилось предвестником нового исторического течения, которое начало развиваться в начале XX в. и получило известность под названием Школы "Анналов" или "новой исторической науки". Одним из его основателей был М. Блок, создатель и редактор журнала "Анналы", послужившего обновлению методов исторического исследования. Блок своей книгой "Характерные черты французской аграрной истории" (1931) положил начало новому подходу к аграрной истории Средних веков и Нового времени, а в другой книге - "Феодальное общество" - он представил концепцию общества, которая включала экономическую и социальную историю и историю ментальностей. Но наибольший интерес для нас представляет его первая работа - "Короли-чудотворцы"²⁶ (1924) (русское издание этой монографии увидело свет в 1998 г.), благодаря которой этот выдающийся историк может считаться основоположником исторической антропологии.

Исследование М. Блока посвящено распространенной во Франции и Англии в Средние века и Новое время вере в то, что прикосновение королевской руки способно излечить больного, страдающего золотухой. Этот обряд, который оставляли без внимания многие историки, раскрывает, однако, магический, сакральный характер королевской власти. Блок дает ответы на основополагающие вопросы: каково происхождение монархической власти и какие чувства связывают монарха с его подданными; как рождаются и как умирают верования, распространенные в крупных человеческих сообществах; что такое

умонастроение народа и как оно эволюционирует. Исследуя "историю одного чуда", Блок говорит и о XIV в., отмечая, что рассказы о чудесах, творимых монархами, получили наибольшее распространение в правление Карла V среди его ближайшего окружения. В его работе подробно анализируются причины, побудившие ораторов и ученых из окружения Карла V прославлять обряд исцеления, а самого короля развернуть деятельность, направленную на поднятие и укрепление престижа королевской власти. Историк проанализировал работы ученых и теологов из кружка, созданного королем Карлом V, который М. Блок называет "библиотека". Автор подробно описывает мотивы, побудившие короля принять титул "христианнейшего" монарха, отличавший французскую династию от всех европейских династий. Исследование М. Блока позволяет нам узнать о королевской власти больше, чем многие работы других историков, написанные много позже 20-х гг. XX в.

В 1934 г. появляется монография Г. Додю "Валуа"²⁷, в которой автор использует огромное количество источников и литературы. Он приверженец Школы "Анналов" и действует в ее рамках. Автор считает, что история Франции с 1328 по 1529 г. - это история одной семьи - Валуа. Именно они всегда были на первом плане, вершили судьбы Франции и ее народа. По мнению историка, такие исследователи, как Делашеналь, Шампийон, Бокур и другие, виноваты в том, что они умаляли значимость предшественников своих персонажей, чтобы возвеличить последних. Автор полагает, что это недопустимо, и обвиняет некоторых "анналистов" в том, что они занимались лишь описательной историей, а не созданием образа королей. Ему более импонирует Мишле, в произведении которого "короли живут". Додю высказывает идею, которая потом найдет свое отражение в трудах Бордонова: "Карл V был скорее предвестником Людовика XI, чем последователем Людовика IX Святого"²⁸. Он находит в политике Карла Мудрого все будущие черты правителя не Средневековья, а Нового времени. Додю очень высоко оценивает деяния Карла V: "человек пришел, и королевство восстало из пепла; человек умер, и здание государства, построенное им, разрушилось. Такова история Карла V"²⁹. В дальнейшем идеи, высказанные в работе этого замечательного историка, найдут свое воплощение в произведениях авторов 80-90-х гг.

В 40-е гг. XX в. на историческую сцену выходит патриотическое направление, появившееся вследствие обострения национальных

чувств в период Второй мировой войны. Ярким примером проявления таких взглядов может служить монография Ж. Кальметта "Средние века" (1948)³⁰, а также его работа, непосредственно посвященная Карлу Мудрому, "Карл V" (1945)³¹, которую можно признать образцом жанра исторического портрета. Кальметт родился в Перпиньяне в 1873 году, умер в 1952 г. в Тулузе, где он занимался своими исследованиями. Ж. Кальметт, член Института, крупный специалист, мог одинаково расположить своими выступлениями к себе как узких специалистов, так и широкую публику. Кроме многочисленных работ, которые были включены в базовые учебники по средневековой истории, он опубликовал интересные, ярко и живо написанные монографии, основанные на солидной информации. Автор уделяет большое внимание военным моментам истории Карла V: победам французов над англичанами, отвоеванию захваченных территорий.

Кальметт пишет в традициях времени и позитивистской либеральной школы, для которой характерен данный жанр. В последнем он много преуспел: личность короля ставится во главу исследования, она является стержнем, на который нанизывается дальнейшее повествование. Автор описывает ситуацию во Франции середины XIV в. (восстание в Париже, возглавленное Этьеном Марселем и поддержанное и продолженное Карлом Злым, королем Наваррским; Жакерия в Шампани и Иль-де-Франс; оккупация трети королевства англичанами; чума; экономический спад) и показывает, с каким мастерством Карл достиг уменьшения оппозиции, подорвал английские позиции, освободил часть королевства и заставил отказаться английского короля от французской короны (договор в Бретиньи 1360 г.). Кальметт дает высокую оценку Карлу как политику, подчеркивая, что для него "политика являлась не просто развлечением, манипулированием человеческими судьбами", а наукой: "он понимает политическую науку как прикладную науку", отсюда его вкус к Аристотелю. Карла всегда привлекал логический и упорядоченный дух классической античности. Автор называет короля кабинетным ученым, "законоведом", "прирожденным дипломатом". Что же касается его мудрости, то она проявляется в его степенности, терпении, она - приобретенное достоинство ("Карл не был рожден мудрым, а приобрел это вследствие многих ошибок, таких, как Пуатье"³²). По мнению автора, большую роль в жизни короля сыграл период дофинства и регентства, в который он пережил много бедствий и из которого вышел закаленным политиком и действительно Мудрым. Кальметт сравнивает Карла с гроссмейстером,

который, сидя над шахматной доской (в данном случае шахматная доска - французское королевство), умеет предвидеть все последующие ходы противника и умело распределить свои собственные.

Следуя вышеупомянутым исследованиям О. Браше, практически все историки касаются такого аспекта, как физическое состояние короля. Из различных источников известно, что Карл не блистал здоровьем: паралич руки, общая тщедушность и немощность. Но некоторые авторы, как замечает Кальметт, преувеличивают эти физические недостатки. Он заявляет, что результатом необъяснимой болезненности Карла в юные годы явилась его первоначальная ориентация на развитие духовного начала, отсюда - приверженность к литературе, книгам, просветительской деятельности. Однако Карл, как говорит автор, в первый период своей жизни был не менее страстным охотником, рыцарем и воином, чем все остальные. Очень интересно утверждение Кальметта, что "Карл был отцом красочного *возрождения Франции*". В понятие *возрождения* историк вкладывает относительную экономическую и политическую стабильность в стране в период его правления в тяжелые дни войны, но это не касается культурной ситуации. Автор большее значение, чем все остальные историки, придает психологическим и генеалогическим факторам. Большинство заслуг короля Кальметт объясняет хорошей наследственностью (интеллектуальные способности и вкус к роскоши - от его дяди Карла IV). Интересная картина получается у автора при сравнении Карла с его предшественниками. Здесь в силу вступает концепция Кальметта о психологии новой династии: рыцарь XIV века - игрок. Победитель или побежденный? Это почти неважно, главное иметь репутацию хорошего игрока. Иоанн Добрый был "неудачным игроком матча, и он готов был платить. Таково правило игры"³³. Также для рыцаря XIV в., по Кальметту, характерны были аполитичность, оптимизм, гордость, внезапная вспыльчивость. А Карл? Карл совсем иной. Для него главное - быть не только хорошим рыцарем, к чему он и не стремился, а быть "хорошим законником, судьей".

Всегда интересно отношение историков к событиям бунта, их оценка. Во французской историографии события в Париже 1358 г. (восстание горожан под руководством главы парижских купцов Этьена Марселя) трактуются не иначе как Парижская революция. Кальметт присоединяется к этой концепции и доказывает это тем, что если расценивать термин "*революция*" как свержение одного строя и уста-

новление другого, то здесь имела место попытка заменить традиционный монархический строй конституционно-демократическим. На мой взгляд, назвать события 1358 г. попыткой свержения монархии для установления демократического режима можно с трудом. Здесь проявились утопические, а может быть и либеральные взгляды Кальметта.

После Второй мировой войны резко возрос интерес к Столетней войне и как результат появилась серия монографий, посвященных этому длительному англо-французскому конфликту. После оккупации Франции гитлеровской Германией, когда независимость страны находилась под угрозой, патриотические настроения в среде историков усилились. Они обратились к истории Столетней войны, когда Франции грозило полное подчинение английскому королю Эдуарду III. И, конечно же, на первый план вышла личность короля-освободителя, короля-мудреца Карла V. Можно назвать две наиболее значительных монографии этого периода: "Столетняя война" Э. Перруа³⁴ и "Столетняя война" Ж. Фавье³⁵.

Перруа рассматривает Столетнюю войну в духе традиций либерального историко-правового направления, большое внимание уделяя личным качествам королей и психологическим мотивам их поведения. Говоря о Карле, он выделяет в его политической деятельности особую юридическую направленность ("легист"); подчеркивает его "казуистическую честность", "хитрую правоспособность"³⁶ и рассказывает о том, как Эдуард III называл Карла "адвокатом". Автор соглашается с Кальметтом, оценивая мудрость короля. Он говорит, что она была приобретена Карлом V в результате "тяжелого ученичества регентства", в итоге монарх научился "не доверять людям, уничтожать опасные оппозиции с помощью терпения и выдержки". Перруа не забывает отметить и его физические недостатки, благодаря которым Карл стал "кабинетным человеком, а не человеком действия". По выражению историка, это очень отличало его от "спортивных колоссов", какими были первые Валуа и последние Капетинги. Продолжая сравнивать Карла с его предшественниками, автор подчеркивает, что ни один король, начиная с Филиппа Красивого и заканчивая Людовиком XI, не осознавал в такой степени своего королевского достоинства и долга перед Францией и народом. Большое внимание Перруа уделяет психологическому моменту: Карл не был трусливым, никто не мог упрекнуть его в побеге с поля битвы при Пуатье, просто "воевать

было не в его духе". Это был первый из монархов Франции, который (единственный до Людовика XVI) освободил себя от командования армией: этим занимались специальные военачальники. Перруа придает большое значение особенностям мышления и поведения короля, отличным от обычного средневекового монарха. Сюда относится его любовь к коллекционированию красивых вещей, произведений искусства, книг, в результате чего была создана великолепная библиотека в башне Лувра с превосходными рукописями в богатых переплетах и с редкими миниатюрами. Перруа замечает, что в отличие от своих предшественников Карл внимательно изучал книги, о чем свидетельствуют многочисленные пометки, сделанные рукой короля.

Другой историк этого же времени - Ж. Фавье, преподаватель факультета истории, доктор философских наук, профессор многочисленных университетов, генеральный директор Национального Архива Франции, автор многочисленных работ, посвященных средневековой истории - "Париж в XV веке" (1974), "Филипп Красивый" (1978) и др., интересен своей концепцией о получении Карлом титула регента. Фавье обосновывает это тем, что Карл считал свою власть эфемерной и недолговечной. Именно поэтому, по мнению автора, дофин берет себе в 1358 г. более многозначительный титул. "Лейтенант короля - это представитель суверена, а регент - это начальник королевского правительства"³⁷. Вывод Фавье категоричен: если во Франции был регент, то совсем необязательно стало призывать короля из Англии и добиваться его выкупа из плена. Продолжая делать акцент на антиотцовском поведении Карла, автор говорит о том, что дофин, будучи в Руане, составил заговор против своего отца, чтобы доказать свою весомую роль в государстве. Однако вывод оказался неутешительным - он был ничем. Здесь мы видим отражение идеи аббата Шуази, выраженной им еще в XVIII в. Примечательно, что Фавье ни разу не ссылаясь на работу Шуази. Видимо, он не был знаком с ней, но его авторская оценка личности Карла V совпадает с мнением автора XVIII в. В то же время Фавье не может не отдать должное мудрости Карла в политике: хитрость, умение лавировать, использовать время и случайности - "весь Карл V был в этом, вся его мудрость"³⁸.

При анализе литературы 60-70-х гг. XX в. прослеживается единая тенденция - стремление к переоценке роли личности в направлении признания гораздо большего, чем прежде, влияния человека на события прошлого. Главный упор делается на реальные деяния монарха.

Среди работ этого периода можно назвать такие, как "Век Плантагенетов и Валуа" К. Фаулера³⁹(1968), "Безумные и мудрые короли из династии Валуа" А. Дениэль и др.⁴⁰

Для тех, кто интересуется политической историей Карла V, очень интересной будет работа С. Шахар "Мораль и политика во Франции во времена Карла V"⁴¹ (1965). Основываясь на анализе работ теоретиков государственной политики, окружавших Карла Мудрого, она исследует политическую мораль того времени, отношения короля с классами, его экономическую политику через призму взглядов Николя Орезма, Рауля де Преля и других. Автор подчеркивает большую роль королевского совета в политике короля: Карл действовал, всегда советуясь со своими приближенными советниками. Шахар также поддерживает мысль многих других исследователей о возрождении во времена Карла V в политической и экономической сферах.

Очень интересна монография Ж. Килле⁴², в которой соединены исторические и филологические приемы анализа исторического процесса. Цель данной работы состояла в том, чтобы выделить и проанализировать некоторые из политических идей, которые оформились и закрепились в правление Карла V. Источники Килле - многочисленные договоры, глоссы, комментарии, а также литературные произведения и произведения искусства. В первой части своей работы Килле пытается через наследие Кристины де Пизан воссоздать персону короля, хотя это и трудно сделать в силу напыщенности и агиографичности текста, но тем не менее благодаря этому источнику "восстанавливается средневековый дух эпохи XIV века"⁴³. Карл здесь предстает как король-меценат (собираение драгоценных манускриптов, финансирование развития миниатюры и литературы), король-стратег. Именно эта ипостась Карла рассматривается во второй части монографии: умение короля поставить во главе вооруженных сил талантливого полководца Бертрана Дюгеклена, медлительность, которая всегда шла на пользу внешнеполитическим делам Франции, как тонкий политический маневр короля, направленный на выигрывание времени, - все это высоко оценивается автором.

Третья же часть посвящена взаимоотношениям народа и правителя. Килле тонко понимает психологию средневекового человека: отсутствие короля во Франции расценивалось как конец мира. Ощущение мира обрело хрупкость и потеряло равновесие, но в этот период проблем и беспорядков правление и сама личность Карла V стали

для народа символом мира и стабильности. Большое внимание автор уделяет участию короля в Великой Схизме ("Карл - подстрекатель Великой Схизмы"⁴⁴): как очень набожный и религиозный человек, Карл не мог не принять участия в этом событии.

У Ж. Килле мы сталкиваемся с интересной мыслью, которая, как мы отмечали выше, прослеживалась у многих исследователей истории Карла V: король возводится в ранг современного правителя, опередившего свое время. Можно ли назвать XIV век в Европе веком Карла V? По хронологическим рамкам (период его "активных действий" сводится всего лишь к 22 годам, а это очень малый исторический срок) - нельзя, но так как ни один король не сделал столько для Франции, сколько он в этот период, и так как память о нем осталась и в последующих веках, XIV век более чем правомерно называть веком Карла V. "Карл V перед смертью вошел в легенду: он сыграет в веках роль короля-образца, примера, модели королевской власти. После него поколение безумных заняло трон"⁴⁵.

Восьмидесятые и девяностые годы XX в. во французской историографии ознаменованы возвращением психоаналитического метода изучения истории, активизацией деятельности национальных исторических школ, которые понимали народ Франции как единую нацию уже в конце Средневековья. Огромное влияние имеет Школа "Анналов", которая привносит новые течения и возрождает старые: историческая антропология, история ментальностей, история коллективной психологии. В это время появляются такие произведения, как монография П. Контамина "Франция в XIV и XV веках, люди, ментальности, война и мир"⁴⁶ (1981), Ж. Дюби "Средние века (987-1460): История Франции" (1987)⁴⁷, работа Ж. Кринена "Империя короля: идеи и политические верования во Франции XIII-XV веков" (1993)⁴⁸ и другие⁴⁹.

Многие французские историки в своих работах анализируют состав окружения Карла V. Продолжается линия, начатая в конце XIX в. историком Н. Валуа: часто затрагивается проблема самого королевского Совета, его структуры, функций, полномочий. Ж. Барбей⁵⁰ пишет о важнейшей роли королевского Совета в жизни двора и королевства. Автор подчеркивает особенности состава и численности Совета в правление Карла V, когда тот формировался исключительно из верных и преданных людей короля, которых он сам назначал и которым покровительствовал на протяжении всей своей жизни. Автор отмечает изменение структуры Совета (Большой и Малый) и характера его деятельности.

Французская писательница Ф. Отран до создания обширной исторической биографии Карла V, которая будет рассмотрена далее, написала два интересных произведения. В первом - "Рождение государства: люди парижского Парламента (1345 - 1454)"⁵¹ - в главе, посвященной адвокатам Карла V, она анализирует состав группы людей, появившихся в правление Карла V и под его влиянием и называвшихся в хрониках с 1340 г. *populus advocatus*⁵². "Новыми адвокатами" назывались, по мнению Отран, те советники короля, которые начинали свою карьеру при дворе неизвестными дворянами низкого происхождения и, будучи поддержаны Карлом V, достигли головокружительных высот, став вторыми лицами в королевстве и заняв на долгое время в Парламенте высшие должности, передавая их по наследству. Одна из таких групп сложилась вокруг канцлеров короля братьев Дорман, а другая - около канцлера Пьера д'Оржемона. Эти люди были наделены весьма широкими полномочиями: выполняли различные политические и дипломатические миссии, защищали короля в Парламенте, занимались юридической и культурной деятельностью.

В своей статье "От Ада до Чистилища: двор через призму французских текстов середины XIV - конца XV века", написанной в рамках круглого стола по проблеме "Государство и аристократия"⁵³, Отран пытается на основе французских текстов XIV в. воссоздать образ королевского двора. Она замечает, что в период правления Карла V возрождается критика двора, выраженная в сочинении "Сновидения садовника" ("*Songe du Vergier*"), построенном в виде диалога рыцаря и духовного лица. Сам же король пытался придать двору организацию, которая позволила бы ему поднять королевское величие с помощью преданных ему советников.

Очень интересной проблеме посвящено исследование Ж. Минуа - проблеме роли духовника при дворе французских королей⁵⁴. Автор отмечает, что именно в правление Карла Валуа "сотрудничество короля и его духовника достигло своего апогея"⁵⁵: возрастает важность процесса коронации и прикосновения к золотушным (здесь идеи автора перекликаются с основными мыслями М. Блока в его монографии "Короли-чудотворцы"), повышаются авторитарные позиции монарха, который теперь играет роль арбитра в церковных делах в период Великой Схизмы. Минуа говорит о том, что чем сильнее был король, тем важнее был духовник как духовный советник монархии. При Карле V близость духовника к суверену, его роль в предо-

ставлении бенефициев, его принадлежность к могущественному ордену доминиканцев сделали из него таинственного советника, мнением и благосклонностью которого не пренебрегали.

Ярким примером политической мудрости Карла V является содержащееся в работе Р. Казелля⁵⁶ утверждение (эта мысль перекликается с проанализированной выше работой С. Шахар), что Генеральные Штаты не играли большой роли в государстве, а их функции выполнял своеобразный королевский Совет, созданный Карлом V, куда вошли наиболее приближенные люди короля, его соратники, ученые (очень похоже на Негласный комитет при Александре I в России XIX в.). Например, закон об установлении нового срока совершеннолетия принца (теперь по этому закону дофин становился совершеннолетним с 14 лет, а не с 20, как было раньше) был принят именно этим королевским Советом.

Далее нельзя не упомянуть о таком известном историке, как Ж. Бордонов, лауреате французской Академии и премии Гонкура, титулованном многочисленными литературными званиями. После 10 лет упорных трудов и изысканий он представил нам свою великолепную серию книг под общим названием "Короли, которые создали Францию"⁵⁷. Конечно, эти книги скорее можно отнести к научно-популярному жанру исторической повести, чем к научным исследованиям, тем не менее из них можно почерпнуть полезную информацию, которая поможет полнее представить образ Карла V. Бордонов принадлежит к ревизионистскому течению во французской историографии, для которого характерно возвращение к пересмотру штампов и клише, сложившихся о личности ранее, снятие традиционалистской и романтической вуали, объективное изображение личности в строго научном плане.

В основном автор придерживается тех же позиций, что и его предшественники: отмечает умение молодого дофина, не имевшего ни денег, ни репутации, ни армии, ни опоры, своими собственными усилиями, своей мудростью добиться больших успехов на государственном поприще, а также хитрость и дипломатическую ловкость короля при выдворении банд бригадиров с территории Франции. Не забывает Бордонов и про удивительное умение Карла V разбираться в людях, благодаря которому он безошибочно выбирал себе помощников в государственных делах: на пост коннетабля был поставлен Бертран Дюгеклен - впервые французский принц освободил себя от поста главнокомандующего. Бордонов не перестает удивляться способнос-

тям Карла, окруженного многочисленными книгами, управлять страной из своей комнаты. Чудо, по Бордонову, состоит в том, что этот тщедушный король сумел победить сильнейшего рыцаря Эдуарда III и восстановить королевство лилий, привести государство к относительной стабилизации.

Чем интересен данный автор и что его отличает от большинства других историков (но сближает с Ж. Килле и некоторыми другими авторами), так это его идея о типе современного правителя, опередившего свое время. Сопоставляя Карла с его предшественниками, автор приходит к выводу, что Филипп VI и Иоанн Добрый были “выскачками”⁵⁸. Они не были рождены для управления, не смогли воспользоваться теми возможностями, какие им предлагала их наследственность. Карл же, наоборот, воплотил в себе все капетингские добродетели: прагматизм, дипломатическую ловкость, осторожность, упорство. Благодаря своим неординарным способностям и своему характеру он был несомненно выше своего времени, не один раз доказав приоритет разума над силой, чем поправил давно сложившиеся правила игры, по которым жила вся средневековая французская аристократия, влюбленная исключительно в военное дело. Карл добавил ко всем своим талантам еще и незаурядные юридические способности. Ни дед, ни отец его не могли служить ему моделью, они привили ему только любовь к роскоши, книгам и искусству. Это был правитель уже современного государства.

В этом же ключе ведет исследование в своей более поздней монографии “Карл V Мудрый” (1994)⁵⁹ и вышеупомянутая Ф. Отран. Автор анализирует предшествующую историографию, находя в ней большое количество недостатков. Она говорит о том, что в историографии прежних лет Карл V часто терялся в тени своего знаменитого полководца Дюгеклена. А сегодняшние исследователи слишком увлеклись представлениями, образами и идеями, забывая о фактах. Авторы прежних лет пытались дать полную картину его образованности, просвещенности, но зачастую свидетельства его духовного развития принижались, ограничиваясь исключительно созданием Карлом библиотеки. Для Отран очень важно проанализировать детство короля, так как история короля - это история человека, будущие качества личности которого закладывались именно в этот период. Произведение Франсуазы Отран можно отнести к жанру исторической биографии. Оно интересно своими новыми подходами в духе конца XX в.,

отличными от прежней историографии. Здесь отчетливо можно проследить и психоаналитический подход к изучению истории, и приверженность Школе "Анналов".

Особняком стоит в силу своей специфичности монография Л. Делиля⁶⁰, целиком посвященная исследованию знаменитой библиотеки Карла V. Делиль - член Института, главный администратор Национальной библиотеки Франции, член Академии гуманитарных наук, филолог, говорит о том, что основание в XIV в. в королевском замке библиотеки, состоящей сразу из увеселительных и поучительных книг, не может быть переоценено в истории интеллектуальной культуры французского общества. Эта библиотека, являющаяся прообразом и началом сегодняшней Национальной библиотеки Франции, находилась в основном в башне Лувра и состояла из книг по теологии, праву, литературе, истории. Автор сравнивает Карла V с Цезарем, который собрал великое множество книг, и с Карлом Великим, который окружил себя книгами и учеными.

Тщательное изучение французской историографии дает основание выделить несколько общих черт, преобладающих во французской исторической литературе, несколько аспектов, неизменно привлекающих внимание исследователей эпохи Карла V: во-первых, это успехи во внешней политике - реванш, возвращение земель, независимость от Англии (участие в Столетней войне); во-вторых, блестящее управление королем страной из своего кабинета при помощи близких советников (Жакерия, восстание под руководством Этьена Марсея); в-третьих, образованность монарха, его высокая интеллектуальность, создание грандиозной библиотеки; в-четвертых, несчастная судьба, корни которой прятались в его слабом здоровье, болезненности и принадлежности к "больной" династии Валуа.

На протяжении нескольких веков в разные периоды тому или иному аспекту придавалось большее значение, чем другим. Годы сменяли годы, и на смену устоявшимся представлениям приходили новые мнения и оценки. Каждая историческая школа привносила нечто новое в трактовку образа Карла V Мудрого. В начале XX в. внимание историков было приковано к социально-экономическим проблемам и, конечно же, с появлением Школы "Анналов" - к теме человека в истории. Личность была поставлена во главу угла исторических исследований: ее поступки, поведение, привычки - всему уделялось огромное внимание. В 40-е гг. на сцену выходит патриотическое на-

правление в историографии, и как результат главной становится военная тема - возвращение завоеванных земель, реванш в Столетней войне. В последующие годы в развитии историографии прослеживается ревизионистская линия - наблюдается тенденция к переоценке роли личности в истории. В рамках старых школ возникают новые направления, которые позволяют глубже проникнуть в тайны исторического персонажа, лучше его понять, увидеть привычный ему мир глазами средневекового человека. Наибольшее количество работ, посвященных непосредственно Карлу V, возникает в 80-90-е гг. XX в., хотя нельзя забывать и отдельные работы в 30 и 40-х гг.

Если подвести итоги всему вышесказанному, то вырисовывается фигура удивительного человека: любителя чтения, ученого, прекрасного стратега и государственного деятеля. Карл V благодаря своим неординарным качествам, на наш взгляд, возвышается над своим временем, опережая его. Многие черты его поведения не соответствуют привычному образу средневекового монарха-рыцаря. На смену этому типу приходит тип монарха-ученого. Карл выходит за границы поведения, присущего его сословию, подтверждение чему можно найти во взаимоотношениях короля и народа. Как это ни странно, но народ любил Карла, мало того, он воспевал его в своем эпическом творчестве, что противоречило долгой традиции вражды между верховным правителем и его подданными. Мы абсолютно согласны с мнением французских историков Ж. Бордонова и Ж. Килле, которые говорят, что "Карл ...оставил Франции тип современного правителя"⁶¹. Он был своеобразным "интеллектуальным гением своего времени"⁶². Конечно же, нельзя назвать XIV век веком Карла V исходя только из хронологических соображений, так как для истории протяженность его правления ничтожно мала - всего 16 лет, но если посмотреть и проанализировать, сколько этот монарх сделал для процветания Франции и для прославления своего имени в веках (он будет долгое время служить моделью образцового правителя и войдет в легенду), то XIV век более чем правомерно назвать веком Карла V. Он создал вокруг себя атмосферу образованности, просвещенности, поддерживаемую преданным ему окружением, в которое входили люди, достойные своего короля и по уму, и по талантам. Этим он прославил свое имя в веках.

- ¹ Chronique normande de P. Cochon. P., 1864. Chapitre VII. P. 109 (Цит. по: *Dodu G. Les Valois. P., 1934. P. 44*).
- ² *Olivier de La Marche. Mémoires de Olivier de La Marche, maitre d'hotel et capitaine des gardes Charles le Temeraire / ed. Beaune H. P., 1883. T. 1 (Introduc.). Chapitre XVII. P. 71.*
- ³ *Froissart. Chronique / Ed. Luce S. P., 1873-1874. T. IX. P. 271.*
- ⁴ Всеобщая история искусств. М., 1960; Всеобщая история искусств. М., 1962; История искусств зарубежных стран. М., 1963.
- ⁵ *Басовская Н.И. Правитель и народ в Столетней войне: миф и реальность // Средние века. Вып. 54. М., 1991. С. 23-31.*
- ⁶ Там же. С. 23.
- ⁷ Там же. С. 30.
- ⁸ Там же. С. 31.
- ⁹ *Басовская Н.И. Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 48.*
- ¹⁰ Там же. С. 55.
- ¹¹ *Басовская Н.И. Столетняя война. М., 1985.*
- ¹² Там же. С. 62.
- ¹³ *Abrege de l'histoire universelle. Vol.1-3. P., 1746.*
- ¹⁴ *Choisy de, l'abbé. Histoire de France, sous les regnes de Saint Louis, de Philippe de Valois, du roi Jean, de Charles V et de Charles VI. Vol. 1-4. P., 1950.*
- ¹⁵ *Michelet J. Histoire de France. Vol. 1-6. P., 1876.*
- ¹⁶ Ibid. T. 5. P. 76.
- ¹⁷ *Valois N. Le Conseil du roi aux XIV, XV et XVI siecles. P., 1888.*
- ¹⁸ *Sée H. Louis XI et les villes. P., 1891.*
- ¹⁹ *Brachet A. Pathologie mentale des Rois de France. P., 1903.*
- ²⁰ *Delachenal R. Histoire de Charles V. 4 vol. P., 1916-1928.*
- ²¹ Ibid. T. 1. P. 10.
- ²² *Dodu G. Les Valois. P., 1934. P. 48.*
- ²³ *Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988.*
- ²⁴ Там же. С. 5.
- ²⁵ Там же. С. 6.
- ²⁶ *Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998.*
- ²⁷ *Dodu G. Les Valois. P., 1934.*
- ²⁸ Ibid. P. 68.
- ²⁹ Ibid. P. 71.
- ³⁰ *Calmette Joseph. Le Moyen Âge. P., 1948.*
- ³¹ *Calmette Joseph. Charles V. P., 1945.*

- ³² Там же. С. 209.
- ³³ Там же. С. 234.
- ³⁴ *Perroy Edouard*. La Guerre de Cent Ans. P., 1945.
- ³⁵ *Favier Jean*. La Guerre de Cent Ans. P., 1948.
- ³⁶ *Perroy Edouard*. La Guerre de Cent Ans. P., 1945. P. 121.
- ³⁷ Ibid. P. 226.
- ³⁸ Ibid. P. 227.
- ³⁹ *Fowler K.* Le siècle des Plantagenets et des Valois. P., 1968.
- ⁴⁰ *Denieul A.* Rois fous et sages de la première maison de Valois (1328-1498). P., 1974; *Bourassin E.* La Cour de France à l'époque féodale (987-1483): des rois pasteurs aux monarques absolus. P., 1975; *Mirepoix L. de.* La France féodale (987-1515). T. 5: La France entre deux couronnes (1328-1461). P., 1975.
- ⁴¹ *Shahar Shulamith*. Morale et politique en France au temps de Charles V. P., 1965.
- ⁴² *Jeannine Quillet*. Charles V - le roi lettre (Essai sur la pensée politique d'un règne). P., 1977.
- ⁴³ Ibid. P. 25.
- ⁴⁴ Ibid. P. 26.
- ⁴⁵ Ibid. P. 27.
- ⁴⁶ *Contamine P.* La France au XIV et XV siècles, hommes, mentalités, guerre et paix. L., 1981.
- ⁴⁷ *Duby J.* Le Moyen Âge (987-1460): Histoire de France hachette. P., 1987.
- ⁴⁸ *Krynén J.* L'Empire du roi: Idées et croyances politiques en France XIII-XV siècles. P., 1993.
- ⁴⁹ *Mirepoix L. de.* La monarchie française: Le roi n'est mort qu'une fois. P., 1980; *Solnon J.-F.* La Cour de France. P., 1984; *Deviosse J.* Jean le Bon. P., 1985.
- ⁵⁰ *Barbey J.* Être roi: le roi et son gouvernement en France de Clovis à Louis XVI. P., 1992.
- ⁵¹ *Autrand F.* Naissance d'un grand corps de l'Etat: Les gens du Parlement de Paris (1345 - 1454). P., 1981.
- ⁵² Ibid. P. 61.
- ⁵³ *Autrand F.* De l'Enfer au Purgatoire: la cour à travers quelques textes français du milieu du XIV à la fin du XV siècles // L'Etat et les Aristocraties (France, Angleterre, Ecosse) XII - XVII siècle [Actes de la table ronde organisée par le Centre National de la Recherche Scientifique, Maison française d'Oxford 26 et 27.09.1986]. P., 1989. P. 51-56.

- ⁵⁴ Minois G. Le confesseur du roi: les directeurs de conscience sous la monarchie française. P., 1988.
- ⁵⁵ Ibid. P. 202.
- ⁵⁶ Cazelles Raymond. Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V. P., 1982.
- ⁵⁷ Bordonove Georges. Les rois qui ont fait la France: Les Valois. T.1: Charles le Sage. P., 1985.
- ⁵⁸ Ibid. P. 12.
- ⁵⁹ Francoise Autrand. Charles V le Sage. P., 1994.
- ⁶⁰ Delisle Leopold. Recherches sur la librairie de Charles V. Vol. 1-2. P., 1907.
- ⁶¹ Quillet J. Charles V - le roi lettre (Essai sur la pensée politique d'une regne). P., 1984. P. 3.
- ⁶² Seward D. The Hundred Years War. The English in France 1337-1453. L., 1978. P. 104.

Список литературы

1. Басовская Н.И. Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. 1987. № 1.
2. Басовская Н.И. Правитель и народ в Столетней войне: миф и реальность // Средние века. Вып. 54. М., 1991.
3. Басовская Н.И. Столетняя война. М., 1985.
4. Беркут Л. Возникновение и характер средневековой анналистики. Варшава, 1910.
5. Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998.
6. Виноградов П.Г. Книга для чтения по истории средних веков. Ч. 3. М., 1902.
7. Гизо А. История цивилизации в Европе. СПб., 1898.
8. Гюрджан Н. Общественно-политические течения во французских хрониках XIV века: Автореф. М., 1952.
9. Ефимова Е. Парижская революция в XIV веке. Этьен Марсель и его время. М., 1908.
10. История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: Курс лекций. М., 1998.
11. Колесницкий Н.Ф. Феодалное государство (VI - XV вв.). М., 1967.
12. Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история с IV столетия до настоящего времени. Е.3. М., 1897.
13. Удадьцов А.Д. Франция XI - XV века. М., 1940.

14. Французская деревня XII - XIV веков и Жакерия: Сб. документов. М.; Л., 1935.
15. Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII - XV вв. М., 1989.
16. Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988.
17. Abrege de l'histoire universelle. Т. 3. Р., 1746.
18. Allmand C. La Guerre de Cent Ans, l'Angleterre et la France en guerre 1300-1450. Р., 1989.
19. Autrand F. Charles V le Sage. Р., 1994.
20. Bailly A. La Guerre de Cent Ans. Р., 1943.
21. Barbey J. Etre roi: le roi et son gouvernement en France. Р., 1992.
22. Barnie J. War in Medieval English Society. Social Values and the Hundred Years War, 1337-1399. L., 1974.
23. Bell D. L'ideal ethique de la royauté en France au Moyen Âge d'après quelques moralistes de ce temps. Р.; G., 1962.
24. Benoist C. La politique du roi Charles V. Р., 1886.
25. Bordonove G. Les rois qui ont fait la France. Les Valois: Charles V le Sage. Т. 1. Р., 1985.
26. Brachet A. Pathologie mentale des rois de France. Р., 1903.
27. Calmette J. Charles V. Р., 1945.
28. Calmette J. Trilogie de l'histoire de France. 3 vol. Р., 1948-1949.
29. Caron M.-T. Noblesse et pouvoir royale en France, XIII-XIV siècles. Р., 1994.
30. Castelnau J. Th. de. Etienne Marcel: Un révolutionnaire au XIV siècle. Р., 1973.
31. Cazelles R. Nouvelles histoire de Paris de la fin du regne de Phillipe Auguste à la mort de Charles V (1223-1380). Р., 1972.
32. Cazelles R. Societe politique, noblesse et couronne sous Jean II le Bon et Charles V. Geneva, 1982.
33. Choisy F.T. Histoire de France sous les regnes de ... Phillipe de Valois, Jean le Bon, Charles V, etc. 3 vol. Р., 1750.
34. Contamine P. La Guerre de Cent Ans. Р., 1968.
35. Contamine P. La vie quotidienne pendant la guerre de Cent Ans: France et Angleterre (XIV siècle). Р., 1973.
36. Delachenal R. Histoire de Charles V. 4 vol. Р., 1916-1928.
37. Delisle L. Recherches sur la librairie de Charles V. 2 vol. Р., 1907.
38. Denieul A. Rois fous et sages de la première maison de Valois. Р., 1974.
39. Dodu G. Les Valois. Р., 1934.

40. *Dodu G.* Les idées de Charles V en matière de gouvernement // *Revue des questions historiques*, 1929, CX. pp. 5-46.
41. *Duby G.* Le Moyen Âge (987-1460): Histoire de France hachette. P., 1987.
42. *Duby G.* Le Moyen Âge. T.2. Fondements d'un nouvel humanisme, 1380-1440. P., 1984.
43. *Favier J.* La Guerre de Cent Ans. P., 1980.
44. *Fowler K.* Le siècle des Plantagenets et des Valois. P., 1968.
45. *Krynén J.* L'Empire du roi: Idées et croyances politiques en France XIII-XV siècles. P., 1993.
46. *Krynén J.* Ideal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Âge. P., 1981.
47. *Levesque P.-C.* La France sous les cinq premiers Valois. P., 1878.
48. *Luce S.* La France pendant la guerre de Cent Ans: épisodes historiques et vie privée aux XIV et XV siècles. P., 1890.
49. *Michelet J.* Histoire de France. T. 5. P., 1876.
50. *Perroy E.* La Guerre de Cent Ans. P., 1945.
51. *Quillet J.* Charles V. P., 1984.
52. *See H.* Louis XI et les villes. P., 1891.
53. *Seward D.* The Hundred Years War. The English in France 1337-1453. L., 1978.
54. *Shahar S.* Morale et politique en France au temps de Charles V. Sorbonne, 1965.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ АНГЛИЧАН XV В. (на материале коронации Ричарда III)

Королевская власть являлась одним из наиболее значимых факторов европейской средневековой цивилизации и своего рода символом этой эпохи, поскольку она заключала в себе как римскую, так и варварскую традиции.

Одним из аспектов средневековой жизни, в котором представления о королевской власти выразились наиболее полно, была коронационная церемония. С одной стороны, в ней мы видим отражение в ритуале абстрактных представлений о короле, с другой - король был вполне конкретной фигурой, живым человеком, со своими чувствами и взглядами на жизнь, который далеко не всегда полностью соответствовал представлениям об идеальном монархе. Современники, которым довелось присутствовать на коронации или просто наблюдать торжественную процессию, следовавшую по улицам Лондона, неизбежно воспринимали эту двойственность, пусть даже не осознавая ее. Соответственно, это должно было найти отражение и в оставленных ими воспоминаниях о коронационных торжествах.

Следует заметить, что церемония коронации отнюдь не оставалась неизменной в течение всего Средневековья. Со временем довольно простой обряд, включавший в себя вручение меча и возложение короны на голову монарха, превратился в пышный ритуал, в котором каждая из многочисленных деталей имела свое особое значение. Поэтому для того чтобы извлечь из церемонии коронации наиболее полные сведения, касающиеся представлений о королевской власти, следует обратиться к периоду позднего Средневековья, когда этот обряд включал в себя достаточное для интерпретации число элементов.

Коронация Ричарда III представляется особенно интересной по нескольким причинам. Внимание современников привлекало то обстоятельство, что это был первый с 1314 г. случай, когда корона возлагалась на голову не только короля, но и его супруги. Для исследователя же конца XX в. более существенна возможность проанали-

зировать один из ключевых моментов столь неоднозначно оцениваемого историками царствования Ричарда III. Коронация как момент высшего торжества была особенно важна для этого монарха, поскольку лишь она в обстановке политической нестабильности могла легитимизировать его далеко не бесспорное право на престол.

Наиболее подробное из имеющихся в России изданий документов, относящихся к коронации Ричарда III, было осуществлено американскими исследователями в 1983 г.¹ Сохранилось несколько десятков описаний церемонии коронации. Самым известным из них является так называемый "Little Device", написанный одним из присутствовавших на церемонии герольдов², т. е. специалистом высшей пробы. Большой интерес представляет также реестр королевского гардероба за период с 9 апреля 1483 г. по 2 февраля 1484 г., содержащий в том числе и перечень предметов, приобретенных для коронации этого монарха³.

История эволюции коронационной церемонии подробно изучена историками. Они отмечают возрастающее количество деталей и пышность церемонии, иллюстрирующие, на их взгляд, процесс усиления королевской власти⁴. Существует множество исследований, посвященных жизни и царствованию Ричарда III, - от апологетических⁵ до критических⁶. Однако никто из историков до сих пор не пытался свести эти два направления воедино, проанализировав коронацию Ричарда III как начало его царствования и одновременно этап в развитии церемонии коронации английских королей.

В данной статье автор планирует рассмотреть два основных вопроса: во-первых, как именно представляли себе власть короля англичане во второй половине XV в., во-вторых, как в их сознании сочетались черты идеального монарха и того человека, который в данный момент занимал трон, т. е. каково было соотношение реального и идеального в образе короля.

К моменту вступления Ричарда III на престол политическая ситуация в королевстве была далека от стабильности. Его предшественник Эдуард IV умер 9 апреля 1483 г. в расцвете сил, оставив после себя дофина, который еще не вышел из младенческого возраста, и множество нерешенных политических проблем. Наиболее существенной из них было противостояние клана Вудвилей, выдвинувшегося в связи с женитьбой Эдуарда IV на Елизавете Вудвиль, и родовой аристократии, признанным главой которой был брат короля -

Ричард Глостер. Партия королевы была фактически лишена общественной поддержки, что сделало возможным быстрый и практически бескровный захват регентства Ричардом Глостером, который вскоре сам предъявил права на престол. Он объявил своих племянников (детей Эдуарда IV) незаконнорожденными на том основании, что к моменту женитьбы на их матери Эдуард IV уже был помолвлен с другой женщиной (в те времена помолвка фактически приравнивалась к бракосочетанию), и, кроме того, что церемония свадьбы их родителей была проведена с нарушением обряда. Установить истинность этих обвинений на базе сохранившихся источников не представляется возможным⁷.

Любопытно, что англичане восприняли эти события почти безразлично, что означало фактическую победу Ричарда. Думается, не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что к 1483 г. все общество устало от продолжавшихся уже более 30 лет беспорядков, которые в историографии принято именовать "Войнами Роз". В эту пору обычными стали грабежи, убийства, захват силой спорной собственности, чудовищные злоупотребления местной администрации⁸. В этой ситуации подданные желали только одного - порядка. Это делало взрослого, искушенного в политике человека, сумевшего превратить ранее непокорный Север страны в надежную опору Йоркской династии⁹, бесспорно более предпочтительным кандидатом на престол, чем ребенка, до совершеннолетия которого будет происходить постоянная борьба за регентство.

В этой непростой ситуации Ричард III поспешил короноваться как можно быстрее: 22 июня Ричард Глостер впервые заявил о своих правах на престол¹⁰, коронация же произошла 6 июля того же года¹¹, то есть всего через 16 дней после того, как англичане узнали о притязаниях Ричарда. Это свидетельствует о крайней неуверенности будущего монарха в своих правах, который, быть может, и сам воспринимал свои действия как узурпацию престола.

Итак, какой же осталась в памяти современников коронация Ричарда III? Коронационные торжества начались 5 июля 1483 г. В этот день жители Лондона были свидетелями торжественной процессии, проследовавшей из Тауэра в Вестминстерский дворец. В ней принимали участие не только множество приглашенных на коронацию дворян, но и наиболее видные представители третьего сословия, в частности мэр Лондона. На фоне обычной для XV столетия пестро-

ты нарядов королевская чета выделялась однотонными одеждами, красными у короля и белыми у королевы¹². День коронации (6 июля) начался с пешего шествия королевской четы, баронов и высшего духовенства из Вестминстерского дворца в собор св. Павла, в котором проходила коронация английских королей. Непосредственно коронационная церемония состояла из следующих частей: выражения баронами согласия на вступление на престол Ричарда III, клятвы короля, помазания на царство, вручения меча, возложения короны, вручения скипетра и жезла, принесения баронами оммажа и торжественной мессы¹³. За коронацией следовал пир, на котором присутствовали все те, кто принимал участие в процессии накануне коронации¹⁴. Одновременно за стенами дворца были накрыты столы для простого люда. Завершением коронационных торжеств служило подобие рыцарского турнира, на котором сэр Роберт Диммок в соответствии с обычаем вызвал на поединок каждого, кто посмел бы возразить против законности прав на престол короля Ричарда. После этой церемонии законность его прав была трижды провозглашена герольдами¹⁵.

Отдельные элементы церемонии коронации предоставляют обширный материал, касающийся тех качеств, которыми должен был обладать идеальный король. Фактически ему следовало быть собранием всех добродетелей, поскольку в те времена люди были склонны приписывать королю все положительные качества, пока жизнь не доказывала обратного. Монарх воспринимался как воплощение всего королевства. Соответственно от правильности его действий, под которой подразумевалось не только принятие верных решений, но и строгость соблюдения необходимых ритуалов, зависело благополучие его подданных. Одним из самых важных ритуалов, в которых король принимал участие, была церемония коронации.

В облике государя, каким он виделся англичанам второй половины XV в., можно выделить три составляющих: образ короля-рыцаря, короля-священника и короля - правителя собственной державы. С течением времени соотношение этих образов менялось. В качестве наиболее яркого примера монарха, в восприятии которого потомками явно преобладала рыцарская составляющая, можно назвать короля Артура. В целом на протяжении Средневековья можно проследить постепенное усиление значимости образа короля-правителя. К XV столетию его значение стало определяющим. Попытаемся более подробно рассмотреть эти три элемента.

Рыцарская составляющая образа идеального государя представляла собой позднюю трансформацию образа короля-воителя, истоки которого можно увидеть во временах родоплеменного строя. Атрибутами этого образа в коронациях королей второй половины XV в. были мечи. В торжественной процессии из Вестминстерского аббатства в собор св. Павла непосредственно перед коронацией мы видим два меча - обнаженный меч по имени Куртана и королевский меч в ножнах - их несут за королем светские лорды¹⁶. Куртану несли впереди королевского меча; это, так же как и то обстоятельство, что в остальной части церемонии Куртана не фигурирует, может символизировать передачу военной власти от прежних королей нынешнему. Меч, имеющий имя, являлся атрибутом более древней эпохи, и к XV в. кроме королевской коронации фигурировал только в рыцарских романах. Куртана, таким образом, выступал как оружие незримо присутствовавших на церемонии предшествующих королей.

К XV столетию образ короля-рыцаря стал, пожалуй, наименее важной частью образа идеального монарха. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в упомянутой выше процессии мечи несут последними, вместе с еще одним атрибутом рыцарского достоинства - шпорами. Порядок внесения атрибутов королевской власти в собор св. Павла не являлся частью непосредственно коронационной церемонии, а значит, от него не требовалось неизменности. Таким образом, он отражал представление о значимости королевских регалий непосредственно на момент восшествия на престол Ричарда III. В течение же самой коронационной церемонии меч вручался королю после помазания¹⁷, что предполагает большую значимость образа короля-воина в предыдущие столетия.

В церемонии коронации присутствовал еще один рыцарский момент - принесение баронами присяги верности королю¹⁸. В этом обряде на первый план выступает элемент личной связи короля и его вассалов, имевший огромное значение во второй половине XV в. Британские историки отмечают, что в этот период классические отношения типа сеньор - вассал уступили место именно режиму личных связей, позволявших баронам напрямую взаимодействовать со своими арьер-вассалами через институт вооруженных свит¹⁹. Соответственно, принесшие присягу королю становились "его людьми", т. е. свитскими, что подразумевало отношения взаимной поддержки. Эта гипотеза подтверждается тем, что присутствовавшие на церемонии коронации

дворяне были одеты в "королевские ливреи"²⁰, подаренные им королем по этому случаю²¹. Думается, что для Ричарда III эта часть церемонии имела особенное значение, поскольку во второй половине XV в. то, насколько крепкой будет власть короля, во многом зависело от поддержки баронов, т. е. тех, кто приносил королю присягу во время коронации.

Не менее древней, чем образ короля-воина, является и сакральная составляющая облика монарха, восходящая к образу короля-жреца германской и кельтской традиций. После принятия христианства он постепенно трансформировался в обрисованный еще Марком Блоком образ короля божьей милостью, который должен был обладать всеми христианскими добродетелями, а во время коронации приобретал некоторые элементы духовного сана²². Внешне это выражалось в перенесении в коронационный обряд элементов церемонии посвящения в сан духовных лиц, как то: помазание, и облачение в одежды, напоминавшие облачение священников²³.

Среди этих процедур помазание на царство имело определяющее значение. Оно служило если не аналогией крещения, то, во всяком случае, символом радикального изменения сущности монарха. Не случайно перед помазанием его раздевали²⁴, что было равносильно снятию с него прежнего социального статуса, а затем облачали в новые одежды и повторно посвящали в рыцари²⁵. Хотя церковь отнюдь не была согласна с претензиями королей на духовный статус, подданные признавали его за ними, о чем свидетельствует хотя бы безоговорочная вера в чудодейственные способности королей²⁶. Для XV в., как отмечает Ю.П. Малинин, было характерно усиление тенденции обожествления королевской власти²⁷, вызванное ее постепенным усилением.

Что касается качеств короля как правителя государства, то наиболее полно о них можно было судить по произносимой королем клятве. Прежде всего, король обещал сохранять справедливые законы и обычаи²⁸. Этим обещанием он ставился в длинный ряд своих предшественников, что значительно ограничивало его свободу действий в области законодательства, зато гарантировало столь желанную для средневекового общества стабильность.

Следующим обещанием было сохранять мир и порядок в обществе²⁹, что во второй половине XV в. считалось главной функцией короля. Любопытно, что эти мир и порядок в представлении англичан

того времени в значительной степени ассоциировались с личностью короля, что делало ее полусакральной. Так, Томас Мор в своей "Истории Ричарда III" писал, что сын Эдуарда IV был послан на запад Англии, "чтобы своим присутствием обуздывать злонамеренных лиц в их привычных злодеяниях"³⁰.

Король также обещал обеспечить "равное, справедливое и правдивое правосудие"³¹, что отражало стремление королевской власти контролировать территорию государства при помощи разветвленной системы королевских судов. В обещании "защищать законы, которые будут приняты народом в парламенте"³², выражалось представление о необходимости участия подданных в управлении государством.

Для англичан второй половины XV в. большое значение имел и внешний облик короля, который должен был быть здоровым и обладать как минимум приятной внешностью, поскольку внешний облик человека считался отражением его душевных качеств. Думается, что именно поэтому Ричард III в интерпретации придворных историков эпохи Тюдоров приобрел такие черты внешности, как горб на спине, кривые руки, хромоту и дьявольское выражение лица. По версии Томаса Мора, он даже появился на свет неестественным образом: "герцогиня, его мать, так мучилась им в родах, что не смогла разрешиться без помощи ножа... он вышел на свет ногами вперед... и с зубами во рту"³³, что в глазах читателей должно было придать ему еще более отчетливое сходство с дьяволом.

Для тех, кто приехал в Лондон специально для того, чтобы посмотреть на коронационные торжества, самой важной их частью была не сама коронация, на которой они не присутствовали, а торжественная процессия накануне коронации и завершавший ее пир. На этих торжествах они видели окружавших монарха дворян в блестящих одеждах, представлявших как бы единое целое, а также наиболее значительных представителей богатейших городов Англии, которым дозволено было нести балдахин над головой королевской четы³⁴. Они становились свидетелями богатства и щедрости короля, его рыцарственности и благочестия; они слышали, как в заключение пира бесспорность прав короля на престол была трижды провозглашена герольдами³⁵.

Мы можем предположить, что присутствие на коронации делало убежденность в законности прав Ричарда III на престол непоколебимой хотя бы потому, что все без исключения сохранившиеся описания

церемонии составлены в восторженном духе. Если принять во внимание скорость распространения слухов в обществе второй половины XV в. и любовь людей того времени к празднествам, то можно констатировать, что коронация являлась мощным психологическим оружием, которым Ричард III умело воспользовался. Во всяком случае, если до коронации аргументация сторонников Ричарда относительно законности его прав на престол была встречена молчанием толпы³⁶, то после церемонии в ней не было уже никаких сомнений; напротив, как дворянами, так и горожанами было составлено множество восторженных описаний коронационных торжеств.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что личность конкретного короля весьма мало интересовала основную массу его подданных. Зато огромное значение имело, обладает ли данный монарх суммой требуемых от него качеств. К таким качествам относились прежде всего управленческие навыки, т. е. способность поддерживать в королевстве мир и порядок, затем благочестие, рыцарственность и, наконец, приятная внешность. Коронация Ричарда III имела столь большой успех именно потому, что ему удалось продемонстрировать все вышеперечисленные качества.

Попытаемся чуть более подробно проанализировать причину столь явного успеха коронации Ричарда III. Выше мы рассмотрели неизменную часть коронационной церемонии, однако каждый монарх при вступлении на престол мог внести в ее детали определенные изменения и тем самым, не затрагивая сущность церемонии, расставить акценты и подчеркнуть наиболее выгодные с его точки зрения моменты. Что же привлекло внимание современников в коронации последнего из Йорков?

Прежде всего, все сохранившиеся описания коронации Ричарда III упоминают о большей, по сравнению с предшественниками, пышности церемонии. Причина этой пышности, по всей видимости, кроется в неуверенности Ричарда в своих правах на престол. Во всяком случае, Ричард III счел необходимым вызвать на свою коронацию с севера Англии, где он пользовался безоговорочной поддержкой, пять тысяч человек³⁷. Следует заметить, что во второй половине XV в. пышность королевского двора убеждала подданных в цветущем состоянии королевской казны и непререкаемости авторитета короля и его церемониймейстеров, необходимом для поддержания порядка на столь сложных церемониях. Кроме того, богатство в Средние века

было атрибутом любой власти³⁸, а значит, чем богаче была церемония, тем больше, в понимании современников, было в ней царственного.

Еще одним новшеством было то, что клятва короля, до того времени произносившаяся на французском, была переведена на английский язык. Это изменение носило популистский характер. Во второй половине XV в. французы в связи с событиями Столетней войны воспринимались англичанами как враги, соответственно перевод клятвы с языка враждебной страны на собственный мог вызвать лишь положительный общественный резонанс. Следует заметить, что это новшество было вполне в русле происходивших в то время изменений. Так, именно в XV в. английский становится языком писем, королевских указов и т. п., до того времени писавшихся либо по-французски, либо по-латыни³⁹.

Необычным было и появление в свите Ричарда III во время торжественной процессии накануне коронации двух сквайров, символизировавших герцогства Нормандию и Гиень⁴⁰. Видимо, это также было жестом, рассчитанным на публику и долженствующим сплотить ряды йоркской партии, которая пришла к власти, именно выдвинув программу отвоевания потерянных незадолго до этого земель на континенте⁴¹. На самом деле король совсем не собирался воевать с Францией, а лишь придерживался традиционной для него самой политической линии, уже принесшей ему значительные политические дивиденды. Еще во время высадки армии под предводительством Эдуарда IV во Франции, которая окончилась принятием выкупа от французского короля Людовика XI и проектом закрепления мира через брак королевских детей⁴², Ричард открыто выступал против заключения мирного соглашения. Он заявлял, что отступление без сражения противоречит не только рыцарской чести, но и союзническим обязательствам по отношению к Бургундии, а также интересам большинства англичан, ожидавших от этого похода материальных выгод и умножения славы английского оружия. Антифранцузская позиция Ричарда III усиливалась еще и тем, что при французском дворе нашел пристанище Генрих Тюдор - претендент на корону Англии на основании отдаленного родства с Ланкастерами по материнской линии. Таким образом, декларирование намерения отвоевать Нормандию и Гиень эксплуатировало весьма популярную в обществе идею. Кроме того, внимание англичан акцентировалось на образе короля-воина, защитника своего народа.

Из вышеперечисленного мы можем сделать вывод, что коронация Ричарда III имела столь большой успех потому, что этот король продемонстрировал не только все требуемые качества государя, но и богатство государства, цветущее состояние его казны и патриотизм, а также поддержал традиционный лозунг йоркистов - продолжение войны с Францией. Соответственно, после коронации в умах англичан запечатлелся образ короля-патриота, от которого ожидали приумножения богатства и славы королевства, а значит, всеобщего благополучия.

¹ The coronation of Richard III: the extent documents / Ed. by A.F. Sutton & P.W. Hammond. N-Y, 1983. 567 p.

² The Little Device for the coronation of Richard III // The coronation of Richard III: the extent documents. N-Y, 1983. P. 213-228.

³ Great Wardrobe accounts for the 9 April 1483 - 2 February 1484 // The coronation of Richard III: the extent documents. N-Y, 1983. P. 70-160.

⁴ Hughes A. The origins and descent of the fourth resention of the English coronation // Coronations / Ed. by Barkley. N-Y, 1990. P. 123.

⁵ Clements M. Richard III - his life and character. Portway-Bath, 1968. 327 p.

⁶ Kendall P.M. Richard the Third. L., 1972. 514 p.

⁷ Барз М.А. Ричард III сценический и исторический // Новая и новейшая история. 1972. №4. С. 140.

⁸ Beer B. L. Rebellion and riot: Popular disorder in England during the Reign of Edward IV. Kent, 1982. 259 p.

⁹ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в. (к проблеме возникновения английского абсолютизма). М., 1958. С. 56.

¹⁰ Мор Т. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1998. С. 284.

¹¹ Там же. С. 295.

¹² The Little Device. P. 213-214.

¹³ Ibid. P. 217-227.

¹⁴ The coronation of Richard III // The coronation of Richard III: the extent documents. P. 279-281.

¹⁵ Ibid. P. 281-282.

¹⁶ The Little Device. P. 217.

¹⁷ Ibid. P. 222.

¹⁸ Ibid. P. 223.

- ¹⁹ *Mc. Farlane K.B.* The nobility of later medieval England. The Ford Lectures for 1953 and related studies. Oxford, 1973. P. 128.
- ²⁰ The Little Device. P. 213.
- ²¹ Great Wardrobe accounts. P. 71-84.
- ²² Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1997. С. 134.
- ²³ The Little Device. P. 222.
- ²⁴ Ibid. P. 221.
- ²⁵ Ibid. P. 222.
- ²⁶ Блок М. Указ. соч. С. 34.
- ²⁷ Малинин Ю.П. Королевская троица во Франции в XIV-XV вв. // Одиссей. 1995. С. 24.
- ²⁸ The Little Device. P. 219.
- ²⁹ Ibid. P. 220.
- ³⁰ Мор Т. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III, М., 1998. С. 242.
- ³¹ The Little Device. P. 220.
- ³² Ibid.
- ³³ Мор Т. Указ соч. С. 238.
- ³⁴ At the coronation of king Richard and queen Anne // The coronation of Richard III: the extent documents. P. 198-199.
- ³⁵ The coronation of Richard III // The coronation of Richard III: the extent documents. P. 282.
- ³⁶ Мор Т. Указ соч. С. 285.
- ³⁷ *Fabian R.* The new chronicles of England and France. L., 1811. P. 670.
- ³⁸ Гуревич А.Я. Нескромное обаяние власти // Одиссей. 1995. С. 49.
- ³⁹ *Bolton W.F.* A living language. The history and structure of English. N-Y, 1982. P. 283.
- ⁴⁰ The Little Device, P. 213.
- ⁴¹ Басовская Н.И. Политическая борьба в Англии и Франции первой половины XV в. и Столетняя война // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984. С. 135.
- ⁴² Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986. С. 150.

КУЛЬТУРА - ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ЭПОХУ РИШЕЛЬЕ

Тех, кто желал мне поражения
Своим всецельем подавил:
Чтоб покорить испанцев гордых,
Я Франции не пощадил.
Безгрешный ангел или демон —
Судите сами, кем я был.

Поль Скаррон

“У камина стоял человек среднего роста, гордый, надменный, с широким лбом и пронзительным взглядом. Худощавое лицо его еще больше удлиняла остроконечная бородка, над которой закручивались усы”¹. Таким предстает перед нами кардинал Ришелье со страниц знаменитого романа “Три мушкетера”. Благодаря роману А. Дюма кардинал Ришелье стал известен каждому. Но этот человек был далеко не так однозначен, как его образ в “Трех мушкетерах”. Он был личностью сложной и многогранной. Выдающийся государственный деятель, его современник герцог Франсуа Ларош-Фуко писал в своих мемуарах: “Кардинал Ришелье управлял государством и был обязан своим возвышением королеве-матери. Он обладал глубоким и проницательным умом, жестким и трудным нравом; был либеральным, смелым в своих проектах, сдержанным в отношении себя лично. Он хотел утвердить власть короля и свою собственную власть, разгромив гугенотов и известные аристократические семьи королевства, а затем напасть на Австрийский дом и подорвать его мощь, столь опасную для Франции. Все, что не подчинялось его воле, вызывало его ненависть: он не знал границ как в возвышении своих ставленников, так и в уничтожении своих врагов”². Именно в годы правления Ришелье (1624-1642) произошло окончательное укрепление абсолютизма во Франции. Под его руководством завершилось создание новой государственной системы, позволившей королевской власти в этой стране удержаться еще 150 лет.

МIRONЕНКО Анастасия Анатольевна - аспирантка кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ. Тема диссертации - “Идея королевской власти в общественной мысли Франции XV-XVII вв.”

Кардинал Ришелье принадлежит к числу исторических деятелей, вокруг которых до сих пор идут острые дискуссии. В оценке Ришелье на протяжении последних трехсот лет преобладали не столько научные, сколько политические соображения - столь глубокой оказалась след, оставленный им в истории Франции и Европы. Деятельность кардинала имела слишком серьезные последствия, чтобы с ним могли примириться не только современники, но и последующие поколения политиков, историков и литераторов. Достаточно сказать, что 5 декабря 1793 г. могила Ришелье в церкви Сорбонны была разрушена толпой как "гробница тирана", а парижские мальчишки катали по улицам голову кардинала словно мяч. Впоследствии император Наполеон III приказал восстановить гробницу и поместить в нее то, что осталось от "одного из самых великих людей Франции". Наш соотечественник, историк П.П. Черкасов, издавший в 1990 г книгу о Ришелье, пишет об этом историческом персонаже так: "Трудно найти в истории нового времени другой такой пример полярности оценок исторической личности. Может быть, Кромвель в Англии, Петр I в России или Наполеон Бонапарт в той же Франции?"³.

Любопытно, что на родине Ришелье долгое время акцент делался не на позитивной, а на негативной стороне деятельности министра-кардинала. Его боялись и ненавидели как аристократы, так и народ. Аристократия связывала с Ришелье причину упадка своего политического влияния, выставя его врагом дворянства. Просветители, от Монтескье до Вольтера и Руссо, обвиняли Ришелье в насаждении деспотизма и подавлении всякого свободомыслия. Великая французская революция объявила его тираном, а якобинцы даже надругались над его прахом.

Резкое осуждение Ришелье прочно утвердилось во французской литературе XIX в. благодаря Альфреду де Виньи, автору пьесы "Сен-Мар", Виктору Гюго, написавшему драму "Марион Делорм" и, конечно, Александру Дюма и его "Трем мушкетерам".

Историки долгое время шли за литераторами. Некоторые из них, правда, находили в деятельности кардинала отдельные положительные стороны, например одобряли его внешнюю политику. Размежевание в оценке личности Ришелье произошло по принципу политических убеждений. Левые склонны видеть в нем деспота, душителя свободы. Правые же, наоборот, готовы были объявить кардинала национальным героем, "спасителем Франции" и поставить в один ряд с

Жанной д'Арк. Надо сказать, что вплоть до XIX в. литературно-политические споры о Ришелье велись без достаточно полного знания как самой личности кардинала, так и его политики. Только к концу столетия, когда появилась и была историографически оформлена восьмитомная публикация деловых бумаг Ришелье, ученые смогли исследовать его политическую биографию. В результате прежняя маска злодея уступила место более привлекательному образу министра-кардинала.

Литература, посвященная личности Ришелье, достаточно обширна. Главной темой исследований ученых является основное достижение Ришелье - создание централизованного государства во Франции. Исследователи уделяли большое внимание его преобразованиям в области экономики, внешней и внутренней политики, его вкладу в развитие культуры и образования.

Личность Ришелье настолько многогранна, что в данной работе я могу осветить лишь один ее аспект, а именно, его преобразования в сфере культуры. Большинство авторов, писавших на эту тему, отмечали вклад Ришелье в развитие французской культуры без всякой связи с политикой⁴. Но, на мой взгляд, его действия, чем бы они ни были продиктованы, имели политические цели. Задача данной статьи - исследовать достижения Ришелье в области развития французской культуры и показать, каким образом он поставил культуру на службу своей политики с целью укрепления сильной центральной власти.

Источниками при написании данной статьи послужили "Политическое завещание" Ришелье, произведения Г. де Бальзака - писателя, современника Ришелье, поддерживавшего премьер-министра, а также памфлеты, написанные во время правления Ришелье⁵. "Политическое завещание" представляет собой практическое руководство для достижения главной цели - создания сильного, абсолютистского государства. Описание комплекса конкретных мер кардинал чередует с теоретическими выкладками. Этот источник можно отнести к мемуарам с ярко выраженной сверхзадачей. "Завещание" - не совсем обычное произведение. Это своеобразное обращение к королю с советами, поэтому автору нужно было деликатно, не прибегая к поучительству, изложить свои взгляды на основные аспекты государственной деятельности. В "Завещании" кардинал обобщил весь свой политический опыт и изложил основы своей политики. Другие источники можно отнести к жанру публицистики. Они были созданы с целью

влияния на общественное мнение и пропаганды политики Ришелье. Pamфлеты предназначались для широкой аудитории. Они оправдывали правительство Ришелье исходя из религиозных, практических и исторических оснований. Авторы памфлетов ссылались на тот факт, что его политика была одобрена королем, чья власть является божественной. Теоретические работы одного из основателей Французской академии Г. де Бальзака предназначались для более взыскательного читателя. На основе этих источников и под таким углом зрения данный вопрос ранее не рассматривался.

Как известно, ни один режим и ни одно правительство не основывали свою политику только на силе принуждения; они стремились обеспечить себе идейную поддержку в обществе, поскольку нуждались в идеологическом обосновании власти. Необходимость этого ощущал и Ришелье. В своей энергичной борьбе за национальное единство страны он широко использовал не только административные меры и силу оружия, но и не менее эффективные средства культурно-идеологического воздействия. "Ришелье взялся за эту задачу, используя на благо короля науку, литературу и искусства, с настойчивостью и прозорливостью заботясь о необходимых преобразованиях, которые, как представляется, превратили его в одного из виднейших поборников единства нации...", - подчеркивал член Института Франции Ролан Мунье на открытии международного научного colloquium "Ришелье и культура", состоявшегося в Париже в ноябре 1985 г.⁶

Возможно, кардинал был первым французским государственным деятелем, распорядившимся о составлении записок и отчетов, которые могли использоваться для определения политики государства и для ее оправдания перед потомками. В настоящее время во Франции о Ришелье чаще всего вспоминают как об основателе Французской академии, чьей главной задачей было сохранение чистоты французского языка.

Видимо, по этой причине, когда в ноябре 1985 г. во Франции отмечалось 400-летие со дня рождения Ришелье и 350-летие основанной им Французской академии, в организованных по этому случаю торжествах был выделен лишь один аспект многогранной деятельности кардинала - культура.

Ришелье одним из первых, если не самым первым в Европе, пытался осуществлять государственное руководство культурой, направляя ее развитие в нужном правительству русле. Это можно про-

следить буквально во всем: в печати, в сфере образования, науке и театре, живописи и архитектуре.

Сам Ришелье писал стихи. Это, по собственному признанию кардинала, доставляло ему наибольшее удовольствие. Возможно, он был автором нескольких пьес, которые с успехом шли в театре: “Большая пастораль”, “Мирам”, “Смирнский слепой”, “Европа”.

Ришелье настоял на строительстве театра в Пале-Кардиналь, желая, чтобы это был самый роскошный и наиболее технически оснащенный театр за всю историю Франции⁷. В 1641 г. в ознаменование открытия этого театра состоялась премьера трагикомедии Демаре “Мирам”, к которой, возможно, приложил руку и Ришелье. Навеянная, очевидно, делом Анны Австрийской и герцога Бекингема, она была явно рассчитана на то, чтобы высмеять происпанское лобби, свившее гнездо при дворе. Другая пьеса Демаре, авторство которой также приписывают Ришелье, “Еугоре”, представляла собой аллегорическое прославление внешней политики Людовика XIII⁸. Театр также попал под влияние кардинала, получив поддержку государства. В 1635 г. король учреждает три постоянные компании актеров и в 1641 г. издает декларацию, провозглашающую общественное уважение к актерской профессии⁹. Ришелье первым начал осуществлять государственные дотации театру. Эта традиция жива до сих пор и не только во Франции¹⁰. Оказывать покровительство театру было таким же смелым поступком со стороны кардинала, как и объединение с протестантскими державами в области внешней политики. Католическая церковь продолжала относиться к пьесам и актерам с предубеждением¹¹.

Ришелье стремился подчинить театр, как и другие сферы культуры, своему контролю. Пример тому - судьба пьес знаменитого французского драматурга Пьера Корнеля. После премьеры его пьесы “Сид” в 1637 г. Корнель был обвинен в нарушении правил трагедии. Ему пришлось представить эту пьесу на рассмотрение Французской академии. После многих отсрочек Академия опубликовала свое окончательное решение: защищая “истинное знание” от “сладкой иллюзии”, она признала, что “Сид” обладает “редкими достоинствами”¹². Однако кардинал нашел этот вердикт слишком мягким. Он усмотрел в “Сиде” завуалированную попытку защитить идеалы и обычаи феодальной эпохи, когда гранды осмеливались противостоять королевской власти, к тому же действие пьесы происходило в Испании,

а Франция в это время уже находилась в состоянии войны с Испанией. И все же Ришелье сумел подняться выше узкополитических соображений, оценив талант драматурга¹³. В течение месяца, прошедшего со дня премьеры, "Сид" был три раза представлен в Лувре и дважды во дворце кардинала¹⁴. Ришелье взял Корнеля под свое покровительство, определив ему солидную пенсию.

В 1641 г. Корнель посвятил Ришелье "Горация". Комиссия, состоявшая из пяти академиков, потребовала от автора переделать конец пьесы. Но Корнель после некоторых уступок все же вернулся к исходному тексту¹⁵. О кардинале он отзывался следующим образом: "Он сделал мне слишком много добра, чтобы я о нем плохо отзывался. Он причинил мне слишком много зла, чтобы я о нем хорошо отзывался"¹⁶.

Всю свою жизнь Ришелье питал слабость к литературе, считая себя знатоком в этой области. Он собрал великолепную библиотеку, насчитывающую более 6 тыс. томов, многие из которых были на итальянском, испанском, некоторых восточных языках и даже на древнееврейском. Ришелье завещал книги Сорбонне, где они оставались до тех пор, пока не нашли свое постоянное пристанище - в Национальной библиотеке.

Ришелье был первым человеком во Франции, начавшим коллекционировать произведения искусства. В их числе "Рабы" Микеланджело, "Вакханалия" Пуссена, полотна Мантеньи, Перуджино, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Караваджо и Лоренцо Косты. Основу его коллекции составляют портреты королей и королев, выдающихся государственных деятелей, полотна, где запечатлены эпизоды известных событий из античной и современной кардиналу истории. Сейчас многие из них находятся в музеях различных стран мира. "Трудно не признать,- писал историк Онор Леви,- что коллекция Ришелье представляла не столько эстетические вкусы кардинала, сколько желание продемонстрировать внешние атрибуты политической власти, питавшей его душу"¹⁷.

В 1635 г. известный художник Филипп де Шампань приступил к реставрации отдельных частей Дворца кардинала, а затем к украшению часовни Сорбонны. В обоих случаях он следовал пожеланиям Ришелье. Так, в Галерее великих людей художник намеревался показать, что величие Франции создавалось духовными лицами и воинами, а Ришелье отличался редким сочетанием качеств того и

другого. В Сорбонне Шампань избрал маньеристский стиль росписи купола в подражание работам, проводимым на куполе собора св. Петра в момент визита Ришелье в 1606-1607 гг.¹⁸

Почти на всех портретах кардинал изображен стоящим во весь рост. Как правило, духовные лица изображались на портретах сидя: только правители и государственные деятели были изображены во весь рост. Из этого становится очевидным, что Ришелье хотел быть причисленным к ним¹⁹.

Ришелье также оказывал покровительство некоторым художникам. Часто это покровительство было вызвано не только восхищением их творчеством, но и политическими мотивами. Например, кардинал заказал Рубенсу две картины для своего кабинета и пригласил художника для завершения галереи Генриха IV в Люксембургском дворце. Рубенс был убежденным сторонником Габсбургов, и кардинал имел основания предполагать, что мастерская художника являлась гнездом политических интриг.

Ришелье был убежден, что науку и культуру надо держать под неусыпным надзором государства, следя за тем, чтобы они не пошли по нежелательному направлению и не распространились в народе. По его мнению, "подобно тому, как было бы чудовищно тело, имеющее глаза на всех своих частях, так было бы чудовищным государство, если бы все поданные были образованными"²⁰. Ришелье полагал, что "нужные государству солдаты лучше воспитываются в грубости и невежестве, чем в утонченности науки"²¹.

Тем не менее, он высоко оценивал политическую значимость общественного мнения во Франции начала XVII в. Считалось общепризнанным, что государь так же управляет умами подданных, как и их телами.

Как отмечал в 1631 г. писатель, член Французской академии Франсуа де Коломби, "для государей недостаточно быть Божьими помазанниками, необходимо убедить в этом подданных"²². Для достижения этой цели королю требовалось привлечь не только проповедников, но и писателей, которые защищали бы его политику и служили его интересам. По мнению другого писателя, Ноде, двенадцать проповедников представляли большую ценность в достижении повиновения подданных своему государю, нежели две армии²³. Никто не понимал этого лучше, чем Ришелье, уделявший большое внимание пропаганде.

С начала своей карьеры Ришелье пытался по мере возможности выяснить, что люди говорят и думают относительно государственных дел. В "Политическом завещании" Ришелье упоминает о своей привычке "много выслушивать" и о "чудовищной осведомленности"²⁴. По словам кардинала де Реца, он был самым осведомленным министром в мире²⁵. Когда Ришелье получил власть, ему стало еще удобнее собирать всевозможные сведения и пропагандировать собственные идеи.

В этой пропаганде не было ничего случайного: она была тщательно продумана как по форме, так и по содержанию с тем, чтобы содействовать распространению идей или создавать нужное настроение в обществе. Значительная часть памфлетов, изданных при его непосредственном покровительстве, была нацелена на разжигание антииспанских настроений, а чтобы обеспечить всеобщую поддержку своей политике, Ришелье было необходимо задушить критику. И это он осуществил с большим успехом.

При Генрихе IV пресса была относительно свободна, но в эпоху Ришелье находилась под жестким контролем кардинала. В 1624 г. была ужесточена цензура. Эдикт от 10 июля запретил печатание "писем, мемуаров или инструкций, касающихся государственных дел" без разрешения государственного секретаря, скрепленного большой печатью²⁶. На собрании нотаблей (1626-1627) Ришелье предложил ввести суровое наказание за публикацию "поджигательной" литературы. Такие меры оказались довольно действенными. Большинство памфлетов, опубликованных во Франции при Ришелье, поддерживали правительство. Те же, которые выражали противоположную точку зрения, печатались только за границей, так как кардинал распространил толкование понятия *lese-majeste* (оскорбление величества) на любой текст, критиковавший правительство. Всякий, кто отваживался публиковать "безрассудное" сочинение о текущих событиях, рисковал очутиться в тюрьме или угодить на эшафот. И действительно, во время его правления два памфлетиста были обезглавлены.

Три основные темы прослеживаются во многих проправительственных памфлетах, появившихся между 1624 и 1627 гг.: восстановление авторитета королевской власти, а также осуждение Испании за границы и "святош" внутри страны.

Генрих IV провозглашался восстановителем королевской власти во Франции, а Людовик XIII - продолжателем этого благородного

дела, превратившего Францию из слабого государства в первоклассную державу. Король рассматривался как главный рычаг жизни нации, и его власть зачастую уподоблялась воплощению божественного разума. Испанцы критиковались за их гордыню, честолюбие и беспринципность. Они обвинялись в стремлении к мировому господству и в использовании религии ради достижения этой цели.

Памфлеты также нападали на тех "великих католиков, чья ревность в делах веры проявляется лишь в речах", - лицемеров, поддерживавших сторону Испании, заявляя в то же время о защите католицизма²⁷. Памфлетистами припоминались ужасы религиозных войн и прослеживалась прямая линия, связывающая Лигу с "кликлой" святош. Деятельность Лиги тесно связывалась с деятельностью иезуитов, которых обвиняли в убийстве Генриха IV.

Среди большого числа памфлетов, написанных в 1620-х гг. по заказу Ришелье, наибольший интерес представляет созданный в мае 1625 г. "Catolique d'Etat". Его главной задачей было опровергнуть мысль о том, что французская политика, особенно война против Испании и союзы с еретическими державами, являются противной христианству. Испанцы представлялись истинными врагами Господа. Автор утверждал, что они лишь притворяются защитниками веры, но на деле отделяют политику от религии, тогда как король Франции защищает веру, зная им истинную цену. "Враги наших королей, - писал автор, - являются врагами Господа; потому должны быть и нашими врагами"²⁸. По его утверждению, подданный обязан повиноваться королю, ибо того требует его вера; ему непозволительно даже высказывать критику в адрес монарха²⁹: "Подданные не могут быть ни цензорами, ни судьями, определяющими, справедлива или несправедлива война, которую ведут их короли; их обязанность состоит лишь в повиновении и верности"³⁰. "Catolique d'Etat" приводит библейские истории, чтобы убедить читателей в том, что еретические державы являются законными и католические правители могут вступать с ними в союзы, если того потребуют обстоятельства. В памфлете проводится четкое различие между общественной и личной моралью: "Справедливость в отношениях между королевствами основывается на иных законах, нежели та справедливость, которая существует между частными лицами. Лишь королю и его министрам разрешено решать, что правильно, а что ложно в делах государства; подданные находятся не в том положении, чтобы знать это"³¹. Памфлет оспаривал право коро-

левских подданных, в том числе и теологов, ставить под вопрос справедливость политики короля.

1630-е гг. ознаменовались созданием официальной прессы. К тому моменту, когда Ришелье пришел к власти, уже существовал французский журнал *"Le Mercure francais"*. Будучи основан в 1605 г., он представлял собой официальное собрание новостей, относящихся к придворной жизни и к особе короля. С 1624 г. вплоть до своей смерти в 1638 г. журнал возглавлял доверенное лицо и близкий друг кардинала - отец Жозеф де Трембле. Но его возможности влиять на общественное мнение были ограничены тем, что журнал появлялся лишь один раз в год.

Необходимость в газете, которая выходила бы чаще и более регулярно, привела в 1634 г. к созданию *"La Gazette"*, издателем которой был врач и филантроп Теофраст Ренадо. *"La Gazette"* выходила в свет каждую субботу. Она являлась пропагандистом внутренней и внешней политики Ришелье. Причем кардинал сам писал для нее статьи и отбирал материалы, подлежащие публикации. Современник Ришелье историк Антуан Обери отмечал, что *"La Gazette"* находилась в центре системы информации и пропаганды, которую создавал Ришелье: "Он вложил все в это произведение, чтобы прийти в конце концов к тому, что он желал. Небольшая искра могла стать причиной наиболее значительных проишествий. Поэтому он не пренебрегал сам посылать Ренадо сообщения, которые должны были быть помещены в *"La Gazette"*, чтобы таким образом помешать слухам, которые были подобны отравленному воздуху, которым дышат"³².

Во время пребывания у власти Ришелье усилил свой контроль над различными средствами влияния на общественное мнение, такими, как литература, пресса, театр, пропаганда. Но постепенно первый министр стал все больше полагаться не на памфлеты, а на труды юристов, историков и литераторов.

Ришелье покровительствовал писателям и поэтам, подчинившим свое творчество задачам его политики. Он понял, что влияние на общественное мнение может более эффективным благодаря теоретическим работам выдающихся писателей. Одной из самых важных среди них была *"Le Prince"* Геза де Бальзака, вышедшая в свет в 1631 г. Автор, помещая в центр своего произведения Людовика XIII, в то же время превозносит политику Ришелье: "Вслед за королем вы постоянно присутствуете в моих мыслях. Я с трудом когда-либо

смогу отвлечься от наблюдений за течением вашей жизни, и если у вас есть сторонники, более неутомимые, чем я... Уверен, что у вас нет ни более преданного слуги, ни того, чья любовь шла от самого сердца и была бы более пылкой и естественной”³³.

Г. де Бальзак видел в восстановлении французского государства после хаоса религиозных войн величайшее достижение Людовика XIII: “Я с трудом могу поверить своим собственным глазам и впечатлениям, когда смотрю на настоящее и припоминаю прошлое время. Это уже больше не та Франция, которую вплоть до недавнего времени раздирали распри, больная и слабая. Французы более не являются врагами своей страны, ленивыми в службе своим государям и презираемыми другими нациями. Теперь в их лице я вижу других людей и в том же самом королевстве - другую страну. Форма осталась прежней, но содержание обновилось”³⁴.

Ришелье привлекал на свою сторону также и историков³⁵. В 1631 г. Жан Сирмон написал биографию первого министра Людовика XII кардинала Амбуазского, которая в действительности была панегириком Ришелье.

В это время было принято проводить параллель между Ришелье и кардиналом Хименессом де Киенросом, премьер-министром Испании. Целью таких сравнений было оправдание Ришелье и доказательство превосходства последнего. Историки искали оправдания внешней политике Ришелье, приводя в пример короля Генриха IV³⁶.

После 1630 г. с основанием Французской академии в какой-то степени оформилась группа писателей, работавших на Ришелье. Несмотря на то, что создание Академии бесспорно было задумано для того чтобы повысить интеллектуальный и художественный престиж Франции, оно имело также и политический подтекст. По свидетельству поэта Ж. Шаплена, Ришелье был убежден, что лишь преданные ему люди должны быть членами Академии. Одним он поручал править его речи, другим - проверять теологические сочинения, третьим - писать памфлеты в его защиту³⁷.

Настойчивое стремление Ришелье к упорядочению государственной и политической жизни было распространено им и на культуру, где он попытался дисциплинировать не только язык, но и мысль. Он был убежден, что единое государство немислимо без единого языка, без единой культуры. 10 февраля 1635 г. стало днем рождения Французской академии, существующей уже более 360 лет. Кардинал Ри-

шелье был ее первым главой и покровителем.

Формально функции академии ограничивались совершенствованием французского языка. В действительности же с самого начала она стала общекультурным центром. Разрабатывая статут академии, Ришелье отказался от ее узкопрофессиональной ориентации в пользу общекультурной и даже политической. Он мыслил Французскую академию как своего рода интеллектуальный Олимп. Именно поэтому в числе "сорока бессмертных" наряду с литераторами Шапленом и Конраром оказались канцлер Сегье, дипломаты Ботрю и Сервьен, математик Баше и врач Лашамбр... При Людовике XIV во Французской академии получили представительство военачальники и деятели церкви. До сего дня детище Ришелье принимает в свой состав помимо наиболее крупных писателей также политических и военных деятелей, ученых... На исходе XX столетия Французская академия по-прежнему представляет собой своеобразное собрание нотаблей³⁸.

Способствуя выращиванию интеллектуальной элиты, Ришелье вместе с тем был далек от того, чтобы поощрять свободу мысли, устранить государство от контроля за духовным развитием общества. На всем протяжении своей политической деятельности он пытался направлять этот процесс в интересах абсолютистского государства. Он положил за правило, что литературные произведения, политическая благонадежность которых вызывала сомнения, направлялись на заключение во Французскую академию. В случае возникновения конфликтов окончательное решение о судьбе произведения выносил сам кардинал.

Бесспорен и огромен вклад Ришелье в развитие французской культуры. Он основал Французскую академию, покровительствовал писателям и художникам. Кардинал содействовал формированию классицизма как официального, общегосударственного литературного стиля. Ришелье поддерживал также зарождавшуюся периодическую печать и использовал для пропаганды своей политики основанную в 1631 г. Теофрастом Ренадо "La Gazette". Вместе с тем, как было показано в статье, он осуществлял "государственное руководство" культурой через создания Французской академии, государственные дотации театру, выплаты пенсий писателям и поэтам.

Вся его деятельность - внутренняя и внешняя политика, политика в области экономики и образования, формирование общественного мнения с помощью пропаганды - были подчинены одной цели -

созданию абсолютистского государства. Все средства активного воздействия на умы и души людей, такие, как литература, театр, пресса, использовались для идеологического обоснования политики Ришелье. В этом отношении властители последующих эпох в принципе не придумали ничего нового.

¹ Дюма А. Три мушкетера. М., 1991. Р. 149.

² *Grandes figures de France à travers l'histoire*. Р., 1968. Р. 41.

³ Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 7.

⁴ *Thiau E. Raison d'etat et pensée politique à l'époque de Richelieu*. Р., 1966. 412 р.; *Adam A. Richelieu*. Р., 1972. 370 р.; *Carmona M. La France de Richelieu*. Р., 1984. 463 р.; *Richelieu et la culture* / Ed. par R. Mousnier. Р., 1987. 287 р.; Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. М., 1990. 379 с.; Кнехт Р. Ришелье. М., 1997. 381 с.

⁵ *Maximes d'Etat*. / Ed. par J.-L.-C. Marin. En 2t. Р., 1764. Т. 1-2; *Les oeuvres de Monsieur de Balsac*. En 2t. Р., 1665. Т. 1-2; *Hay du Chastellot P. Recueil des livres pièces servir à l'histoire*. Р., 1643. 234 р.

⁶ Там же. С. 232.

⁷ Кнехт Р. Ришелье. М., 1997. С. 321.

⁸ Там же. С. 296.

⁹ Там же.

¹⁰ Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 234.

¹¹ *Couton G. Richelieu et le théâtre* // *Richelieu et la culture* / Ed. par R. Mousnier. Р., 1987. Р. 79-101.

¹² *Adam A. Richelieu*. Р., 1972. Р. 214-218.

¹³ Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 234.

¹⁴ Кнехт Р. Ришелье. М., 1997. С. 322.

¹⁵ Там же. С. 322-323.

¹⁶ Там же. С. 323.

¹⁷ *Richelieu et la culture* / Ed. par R. Mousnier. Р., 1987. Р. 175-184.

¹⁸ Кнехт Р. Ришелье. М., 1997. С. 334.

¹⁹ Там же. С. 334-335.

²⁰ *Maximes d'Etat* / Ed. par J.-L. C. Marin. En 2t. Р., 1764. Т. 1. Р. 282.

²¹ *Op. cit.*

²² *Thiau E. Raison d'etat et pensée politique à l'époque de Richelieu*. Р., 1966. Р. 169-174.

²³ *Op. cit.* Р. 175-177.

²⁴ Оp. cit.

²⁵ Оp. cit.

²⁶ Оp. cit. P. 177.

²⁷ Кнехт Р. Ришелье. М., 1997. С. 288.

²⁸ Hay du Chastellot P. Recuel des divers piéces servir à l' histoire. P., 1643. P. 88, 93.

²⁹ Оp. cit.

³⁰ Оp. cit.

³¹ Оp. cit.

³² Aubery A. Histoire du cardinal, duc de Richelieu. En 2t. P., 1660. Т. 2. P. 383.

³³ Les oeuvres de Monsieur de Balsac. En 2t. P., 1665. Т. 1. P. 323.

³⁴ Оp. cit. Т. 2. P. 50.

³⁵ Ranum O. Richelieu, l'histoire et les historiographes // Richelieu et la culture / Ed. par R. Mousnier. P., 1987. P. 125-137.

³⁶ Thuau E. Raison d'etat et pensée politique à l'epoque de Richelieu. P., 1966. P. 224.

³⁷ Оp. cit. С. 289.

³⁸ Черкасов П.П. Кардинал Ришелье. М., 1990. С. 233.

ИДЕЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ В ТРУДАХ РЕНЕ ЛУИ Д'АРЖАНСОНА

XVIII век во Франции отмечен рождением множества новых политических теорий и попытками претворить их в жизнь. Социальные процессы, начавшиеся еще в XVII в. и продолжавшиеся в эпоху Просвещения, во многом определили идейную борьбу вокруг вопроса о власти. Кроме того, на развитие общественно-политической мысли в этот период влияли представления, сформированные идеологией и практикой абсолютной монархии. Однако несмотря на приверженность монархическому строю, мыслители XVIII в. постепенно наполняют это понятие новым содержанием. Выдвижение третьего сословия, вхождение в политический словарь нового понятия "нация" заставляют их искать новые формы отношений в государстве. Соответственно с этим меняются и представления о королевской власти. Одна из теорий, порожденных этими новыми представлениями, получила название "демократической монархии".

Нельзя с уверенностью сказать, кто является автором этого термина, так как хотя это словосочетание можно встретить у Мабли, уже в начале века выражение "демократия, управляемая монархией" употребил маркиз д'Аржансон. Он же составил проект реформ, в результате которых форма правления во Франции становилась похожей на подобную "демократию". Кто же такой маркиз д'Аржансон и почему его идеи кажутся мне достойными внимания?

Рене Луи д'Аржансон, один из крупнейших государственных деятелей эпохи Людовика XV, известный писатель, мемуарист, экономист, все еще мало известен как политический мыслитель. Его знаменитые "Мемуары" постоянно цитируются историками. Тонкое понимание и оценка ситуации, замечательные портреты современников и дар предвидения грядущих событий, которым, несомненно, обладал д'Аржансон, делают его воспоминания действительно бесценным источником¹. Однако можно назвать очень мало исторических работ,

---

Кущёва Марина Валерьевна - аспирант кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ. Тема диссертационного исследования - "Представление о королевской власти в общественно-политической мысли Франции во второй половине XVII - XVIII в."

в которых встречается хотя бы упоминание о социально-политических трудах маркиза д'Аржансона. В общих трудах по истории общественной мысли глава или даже абзац, специально посвященные его взглядам, - большая редкость, а монографии о нем можно буквально пересчитать по пальцам². Кроме того, почти все такого рода исследования вышли в прошлом веке или в начале этого, и в основном они освещают его деятельность на посту госсекретаря и министра иностранных дел. Стоит отметить исследование французского специалиста по истории общественных идей А. Се, в котором д'Аржансону посвящена отдельная глава. Автор описывает сущность демократических реформ, предложенных д'Аржансоном, и делает попытку проследить эволюцию его идей после 1750 г. Однако Се опирается на очень ограниченный круг источников, фактически только на одну работу д'Аржансона и мемуары. Кроме того, он старательно пытается представить его деятельным либералом, эволюционировавшим к концу жизни в чистого демократа и сторонника революции³.

Единственной относительно современной работой, в которой сделана попытка исследовать не только политическую карьеру д'Аржансона, но и его общественные взгляды и связать их с интеллектуальными течениями и идеями XVIII в., является диссертация Гесселя, защищенная в Базельском университете и вышедшая в 1956 г. небольшим тиражом на немецком языке⁴. Эта работа полностью посвящена д'Аржансону. В ней использован широкий круг источников, в том числе все его основные произведения, изданные и рукописные. Однако, поскольку автор стремился исследовать различные аспекты политической деятельности и творчества д'Аржансона, многие вопросы оказались освещенными весьма поверхностно. Это касается и интересующей нас идеи демократической монархии. Гессель, как и его предшественники, пересказывает сущность реформ, предложенных государственным деятелем в его самых известных трудах, и достаточно подробно исследует влияние этих идей на последующую общественно-политическую мысль. Кроме того, заслугой Гесселя является изучение политической терминологии, используемой д'Аржансоном. Однако никто из авторов не исследовал теорию демократической монархии именно как воплощение монархического идеала. Авторы мало интересовались вопросами, связанные с новыми представлениями о королевской власти и причинами появления и распространения теории смешанной формы правления во Франции. Думаю, что именно

поэтому достаточно много написано о его проектах демократических реформ, но практически ничего не сказано о его защите монархического принципа, а без этого бессмысленной выглядит сама идея демократической монархии.

Современные ученые много внимания уделяют предреволюционной политической мысли, в частности дворянским идеологам типа Буленвиле и демократам-уравнителям, например Мабли. Бесспорно, они заслуживают отдельного внимания и еще не до конца изучены, но писатель, ставший связующим звеном между идеологами начала и конца века, оппонент Буленвиле, воспринявший при этом у него много идей, единомышленник многих просветителей, автор теории, развитой в многочисленных трудах Мабли, очень редко попадает в поле зрения современных исследователей.

Не вдаваясь подробно в причины такого невнимания со стороны историков, заметим, что письменное наследие Р.Л. д'Аржансона довольно значительно и располагает к подробному изучению. Выше уже было сказано о его популярных мемуарах, кроме того, маркиз д'Аржансон - автор нескольких литературных и политических произведений и обширной переписки⁵. Его адресатами были короли, министры, государственные деятели различного ранга, философы, писатели, родственники и просто близкие друзья. Мысли, высказанные в мемуарах, трактатах и эпистолярных произведениях д'Аржансона, дают довольно подробное представление о его политических представлениях и идеях, их формировании, развитии и влиянии на его государственную деятельность.

Главным политическим произведением Р.Л. д'Аржансона являются "Размышления о старинном и современном управлении Франции", законченные автором в 1737 г.⁶ Именно на эту работу мы будем прежде всего опираться в исследовании общественно-политической доктрины д'Аржансона. Она была создана в 30-х гг. XVIII в. и отражает взгляды автора этого периода. Конечно, они не оставались неизменными, его политические предпочтения менялись, особенно в 50-х гг., ближе к концу жизни. Но, к сожалению, в этот период он не написал ни одного значительного политического произведения, и мы можем использовать только небольшие статьи, письма и отрывки мемуаров.

Маркиз Рене Луи д'Аржансон за свою жизнь прошел классический путь государственного служащего французской монархии. Вся

его семья принадлежала к сословию так называемых "государственных дворян", которое сформировалось стараниями Людовика XIV. Отец и старший брат будущего министра сделали отличную карьеру на государственной службе. Сам Рене Луи до своей карьеры на посту министра был советником парижского Парламента, интендантом, штатным госсекретарем, послом в Португалии, канцлером герцога Орлеанского, советником Королевского финансового совета, госсекретарем иностранных дел и занимал еще ряд промежуточных постов. В общем, д'Аржансон не был чистым теоретиком, как многие писатели его эпохи. Он являлся активным участником политической жизни страны, административным функционером и политическим деятелем, формировавшим кредо своей страны во внешней и внутренней политике. Думаю, что это только повышает ценность его теоретических взглядов для исследователя. Кроме того, его государственная карьера не могла не оказать влияния на его политические представления. Все это определило основную направленность его произведений - защиту государства, которое у французов в рассматриваемую эпоху ассоциировалось с сильной королевской властью.

Но д'Аржансон по роду своей деятельности, особенно на посту интенданта, хорошо видел и недостатки системы, господствовавшей во Франции, кроме того, он не был чужд современным идеям, пришедшим из Британии либо рожденным на его родине. Все это подвигло его создать план реформирования французской монархии, сложившийся в достаточно цельную систему совершенно нового государственного устройства. Следы этой программы можно найти уже в ранних произведениях д'Аржансона⁷, но окончательно она выражена только в трактатах, заметках и письмах конца 30-х гг. Думаю, есть простое объяснение, почему именно на этот период приходится наибольшее количество его самых известных работ. В 1733 г. он стал почетным членом Академии изящной словесности, кроме того, с 1737-1742 гг. он не занимал сколько-нибудь значительного государственного поста, а значит, у него было время для систематического изложения своих взглядов. Предшествующая этому периоду служба посла в Португалии также не требовала столь напряженной работы, как раньше или потом, в министерстве иностранных дел. Кроме того, знакомство с португальской монархией давало обильную пищу для размышления.

Отход от традиционной идеологии в защите королевской власти стал характерной чертой политической теории XVIII в. Думаю, что

истоки этого нужно искать не только в распространении нового взгляда на миропорядок, определявшего еще с эпохи Ренессанса направление интеллектуальных движений. Для Франции не менее решающим явились и другие факторы: социальные процессы, о которых уже было сказано, политика Людовика XIV, "защищавшего государство от идеологии"⁸, широкое распространение взглядов религиозной оппозиции, выступавшей, как правило, за сильную королевскую власть, но против ее притязаний на "божественное право", английское влияние, которое в то же время старательно отвергалось большинством французов. Эти и некоторые другие, еще плохо изученные факторы объясняют тот особый интеллектуальный и политический климат, в котором рождались новые теории.

Д'Аржансон, бесспорно знакомый с главными трудами своих предшественников и современников, не мог не уловить этого движения, направленного на реформирование традиционной идеологии. Запускавшие новые представления выдвигали на первый план интересы нации, именно эта карта удачно разыгрывалась в будущей политической игре. Понятие нации, столь редко употребляемое в XVII в., становится ключевым в политической теории и практике следующего столетия, а в 1791 г. французы уже присягают в первую очередь Нации, а уже потом Закону и Королю. "Великое слово, бесконечно удобное, ибо с ним творят все, что захотят", - скептически заметил уже в конце века Ж. де Местр⁹.

Еще одна характерная примета времени, отразившаяся в произведениях д'Аржансона, - изменение терминологии по отношению к королю и его власти, ставшая следствием перемены в представлениях. Из монарха XVII в. - "абсолютного правителя, деспота" — он превращается в "суверена", а в дальнейшем просто в "шефа", главу страны или даже просто правительства. Такое постепенное умаление власти короля в общественно-политической теории явилось закономерным возвеличиванием прав нации, ее собственного суверенитета. Однако практически все французские писатели XVIII в. стремились как раз наладить связь между королем и нацией, установить кажущееся равновесие их власти либо сделать их незаменимыми друг для друга.

Главное произведение д'Аржансона, выдвигающее на повестку дня реформы государственного строя, посвящено французской истории. Это было характерно для той эпохи. В истории искали подтверждения собственным теориям, все выдвигаемые требования и предло-

жения претендовали на исторические права. Даже "естественное право", бывшее не менее популярным, имело корни в далекой истории. Поэтому так называемый "исторический метод" использовали все крупные писатели эпохи - Буленвилье, Дюбо, Монтескье, Вольтер, Мабли, Руссо и многие другие. Зарождавшаяся историческая наука активно использовалась в политических целях.

Маркиз д'Аржансон обращается к истории государственного управления во Франции, в центре его интересов - сущность, происхождение и генезис королевской власти. Приступая к решению проблемы природы королевской власти, д'Аржансон задается вопросом: "Каким образом один человек управляет 20 миллионами?" Его ответ: "Через мнение: оно выражает опыт чувств, знаний, и особенно обычая"¹⁰. Единицы, обладающие общественной властью, противопоставляют реальные интересы борьбе партий, которые желают раздела всего, что объединено в систему. Мнение охраняет величие монарха. Истинной поддержкой монархии, по мнению д'Аржансона, является свобода, и эта поддержка взаимна: "Свобода - опора Трона, порядок делает законной свободу"¹¹.

Часть этих рассуждений кажется вполне понятной. Отвергая божественное право королей и двойную природу их власти, д'Аржансон предлагает свой секуляризированный вариант королевского права. Мнение является тем посредником в управлении, который дает право на власть. В основе этого изменчивого гаранта лежит достаточно прочное основание - обычай. Но чье это мнение и каким образом оно выражено, т. е. как становится известным? И что понимает д'Аржансон под свободой? Судя по всему, д'Аржансон связывает два этих понятия, так как употребляет их рядом и считает, что они являются охраной трона. Тогда абстрактная свобода становится вполне реальной свободой выражения мнений, за которую ратовали многие просветители. Чтобы положить в основу трона свободу слова, нужно было иметь твердую уверенность в монархических пристрастиях французов. И у д'Аржансона, конечно, были основания для такой уверенности. Он надеялся, что подобная гласность не страшна королевской власти, а только упрочит ее. Однако свобода мнений не была пределом мечтаний этого государственного деятеля. Его действительным стремлением были смелые реформы, направленные на создание во Франции демократического режима под эгидой монархии. О них он пишет в своих произведениях, им посвящено большинство страниц его исторического исследования.

Монархические предпочтения д'Аржансона не подлежат сомнению. Даже после 1750 г., когда он весьма скептически высказывается по поводу современного управления и общего состояния дел во Франции, склоняется к необходимости созыва Генеральных штатов и создания конституции по английскому образцу, когда он предрекает революцию и диктатуру, его симпатии на стороне монархического управления, которое единственное может поддерживать нормальный порядок в стране и является самым привычным и естественным для французов. Труднее решить вопрос, какой тип монархии предпочитал д'Аржансон. Несомненно, что это должна быть монархия наследственная, исторически установившаяся во Франции. Маркиз д'Аржансон называет этот обычай "прекрасным правом". Он ревностно оберегает поддержание королевской фамилии браками и рождением наследников, связывая это с главнейшим призванием королей - миротворчеством. Только стабильная наследственная монархия исключает борьбу за трон, она охраняется от войн и мятежей, связанных со сменой династии. "Корона - наследственна. Не восходя к источнику этого прекрасного права, легко предположить, что для того, кто им обладает, самая большая обязанность - гасить возмущения и войны"¹².

Кроме того, истинная монархия должна иметь национальные корни, т. е. быть защищенной от иностранных претендентов. По мнению этого государственного деятеля, иностранцы вообще не должны допускаться к управлению страной, только француз может быть заинтересован в судьбе родины¹³. В подобных рассуждениях д'Аржансона явно просматриваются две вещи: следование традиции, осуждающей во Франции правление иностранцев, и идея национального значения монархии. Кардинал де Рецц, например, посвятил немало страниц дискредитации иностранцев, и д'Аржансон, несомненно, был знаком с его мемуарами. Но у писателей XVII в. никогда не было такой настойчивой привязки монархии к национальным интересам.

Кроме рассуждений о необходимости наследственной власти короля в своих произведениях д'Аржансон рисует образ идеального правителя. Он не отличается большой оригинальностью, однако не во всем совпадает с монархами, возвеличенными Вольтером или Монтескье. Как человек, близкий к трону, и государственный деятель, маркиз старается увидеть в реальных современных правителях черты, которые могли бы помочь им стать великими монархами. Часто он идеализирует регента или молодого Людовика XV, наделяя их каче-

ствами, необходимыми королю, или стараясь увидеть в чертах характера этих правителей признаки величия. "Кто же является наиболее способным для управления, как не человек, обладающий умом, деятельный, неутомимый в работе, обладающий здравым смыслом... любящий науки и искусство и обладающий добрым сердцем, радующийся счастью другого и умеющий сопереживать народу и частным лицам", - таков портрет герцога Орлеанского¹⁴. Несколько отличается от него образ Людовика XV, обрисованный в 1738 г.: "Король - человек, придерживающийся хорошего, немного ленивый в работе, но, тем не менее, многую работу способный вести хорошо. Он не притворяется более великим королем, чем он есть, он кажется человеком естественным без лишних усилий, и это великая наука королей"¹⁵. Ум, активность, доброта, просвещенность, естественность - таковы черты хорошего правителя, выделяемые д'Аржансоном. Он склонен подчеркивать чисто человеческие, личные качества в образе монарха, возможно потому, что не находил других у современных властителей. Интересно, что одной из необходимых черт государственного человека он считал здоровый образ жизни.

Итак, наследственность монархии и хорошие качества короля - залог стабильности правления и величия нации. Однако д'Аржансон вовсе не склонен возвеличивать современную абсолютную монархию. Должна ли вообще королевская власть быть абсолютной? С одной стороны, д'Аржансон практически никогда не оспаривал необходимости верховенства монарха. Он приветствует многие мероприятия, сопутствовавшие установлению сильной королевской власти, выступает против созыва Генеральных штатов и власти парламентов, резко осуждает феодальную оппозицию. Он поет дифирамбы неделимой и неотчуждаемой верховной власти, которая пользуется доверием народа и поэтому является самой естественной, прочной и гуманной. "Вся полнота публичной власти пребывает в монархе... не должно быть никакого раздела власти между ним и властью народа"¹⁶. С другой стороны, многие его рассуждения и предлагаемые реформы противоречат установившейся практике и самому духу абсолютной монархии. Он не только признает договорное происхождение власти, что дало повод историкам считать его сторонником народного суверенитета, но и предлагает фактическую децентрализацию управления, передачу многих общественных функций на места и организацию маленьких республик внутри монархического государства.

Вообще современный режим, утвердившийся со времени Людовика XIV, д'Аржансон считает порождением министерского деспотизма, узурпировавшим королевскую власть; именно с этой точки зрения он оценивает абсолютизм¹⁷. Возможно, такая точка зрения сформировалась у него под влиянием идеологов дворянского либерализма, но важно то, что он не считал современную французскую монархию абсолютной в смысле верховенства королевской власти. Думаю, можно с уверенностью утверждать, опираясь на вышеприведенные высказывания д'Аржансона, что абсолютная власть короля была его идеалом, тогда как современный режим был деспотией министров, отягощенной феодальным правом, отсутствием свободы и чрезмерной централизацией, а вследствие этого нуждался в значительном реформировании.

Какие же изменения предлагает д'Аржансон? В основе созданной им программы государственных реформ лежит полное разрушение феодального режима. Его критика исторической концепции дворянских идеологов и отрицание исторического значения дворянства и феодального режима проистекает из убеждения в том, что любая попытка либерализации современной государственной системы должна начинаться с отмены феодальных и финансовых привилегий сеньоров. Дворянство может и должно служить нации в армии и в администрации, но их права на землю должны быть упразднены. Феодальное право препятствует развитию экономики, либерализации управления, улучшению нравов, распространению свободы и укреплению королевской власти. Крупные сеньоры, обладая от рождения особыми правами, препятствуют выдвижению действительно талантливых людей, лишенных того старта, которым благодаря знатности, образованию и богатству обладают наследственные дворяне, особенно крупные. Программа д'Аржансона, направленная на разрушение феодального режима, довольно проста и радикальна: принудительный выкуп всех соответствующих прав (сюзеренитета, долговых рент, охоты и т. п.). По мнению автора этой идеи, окончательное падение дворянства - самая эффективная мера укрепления режима. "Нужно ли учитывать силу дворянства? Уверяют, что она поддерживает корону, но много доводов в пользу того, что она скорее расшатывает ее, чем поддерживает"¹⁸.

Другой важной стороной реформ, предложенных д'Аржансоном, является борьба с излишней централизацией власти. Он считает, что

часть общественных функций должна быть передана из ведения госучреждений местным органам самоуправления. Такая мера также должна будет способствовать укреплению королевской власти, поскольку все местное управление будет находиться под наблюдением и осуществляться с участием представителей королевской власти (интендантов). Коммунам не будет предоставлена какая-то часть реальной власти, она вся в руках короля. Местные органы только уполномочены выполнять некоторые общественные функции. В их ведении должны находиться полиция, организация промышленных и других общественных работ, сбор налогов¹⁹. Во главе каждой из общин или коммун д'Аржансон предлагает учредить "народные магистраты", однако их выборами руководит представитель королевской власти: жители выдвигают своих кандидатов, но окончательный выбор - за интендантами²⁰.

Чтобы применение демократических принципов не стало опасным для королевской власти, оно должно иметь границы. "Нужно четко определить сферы демократической власти, Генеральные штаты являются опасными, но провинциальные штаты - не столь опасны, общинные собрания районов должны быть разделены и не объединяться"²¹.

Какого положительного эффекта ждет д'Аржансон от этих мероприятий? Прежде всего экономического: "На общественные работы будет уходить меньше времени и средств, и они будут выполняться с большим прилежанием, через работу этих коммун налоги будут подниматься законно и выплачиваться королю беспрепятственно"²². Часть финансовых средств должна оставаться в ведении коммун, через которые король будет управлять их обращением. Местные органы имеют право голоса при обсуждении того, на что должны быть потрачены эти средства. Но они не смогут сами устанавливать налоги. Предоставляя общинам право руководства местными делами, королевская власть, естественно, добивается и политического эффекта.

Во-первых, эти меры способствуют борьбе с министерским деспотизмом. Во-вторых, они напрямую содействуют борьбе с остатками феодального права. В-третьих, подобная "демократия" должна ослабить недовольство королевской властью в провинции, не ослабляя, однако, самой власти. «Д'Аржансон декларирует, что ничего уже больше не спасет государство от упадка и гибели, кроме установления этих "маленьких республик", которые восстанавливают согласие между нацией и королевской властью»²³.

Подтверждение своей теории д'Аржансон находит во французской истории. 1304 г. явился переломным в завоевании реальных прав. Власть феодалов начинает постепенно разрушаться, укрепляется монархический авторитет. Это свидетельствует о том, что "демократия становится другом монархии, а аристократия - врагом"²⁴. Аристократия не может служить королевской власти, только народ всегда являлся ее естественным союзником, так как это соответствует взаимным политическим и экономическим интересам: "Процветание народа способствует обогащению монархии, и это великое дело разрушения дворянства является достаточным поводом, чтобы подчиниться королевской власти для общего блага королевства"²⁵. Королевская власть всегда была естественным защитником слабого, бесправного, незащищенного от бесчинства сеньоров народа, дворяне же "слишком близки к трону и могут не подчиняться"²⁶.

Обращаясь к истории других государств, древних и современных, д'Аржансон повсюду видит подтверждение своей теории. "Законодательство Ликурга устанавливало правительство, сочетавшее королевскую власть, аристократию и демократию", "императорский Рим основывался более на республиканских обычаях", современная Англия управляется правительством "приправленным всеми тремя видами"²⁶. Однако д'Аржансон считал, что хотя в этих государствах мы видим сочетания всех трех принципов управления, более эффективным для королевской власти во Франции является союз с народом и борьба с влиянием аристократии.

Помимо исторических примеров другим источником проектов д'Аржансона была политическая теория. Новая традиция в общественной мысли, изменившая некоторые господствовавшие представления о формах государственного устройства, сделала распространенным предметом обсуждения смешанные формы правления. Д'Аржансон сам достаточно часто ссылается на философов, "представивших возможность такого правительства"²⁷, но, как правило, не называя никого конкретно. Мы, однако, можем сказать, что точка зрения д'Аржансона на многие проблемы (происхождение и природа власти, формы правления, функции монарха) имеет явные корни в государственно-правовой теории Гоббса²⁸. Но английский философ, описав особую форму правления, которую он назвал "смешанной монархией", считал ее невозможной. Кроме того, Гоббс, как и многие его соотечественники, старался оправдать уже имевшуюся государственную практику,

родившуюся в результате революции, а д'Аржансон строил на этой основе новую для Франции государственную систему, пытаясь найти обоснования ей в собственной истории и придавая черты самобытности. Национальные корни теории "демократической монархии" - не выдумка д'Аржансона. Его построения - один из ответов на новую социальную ситуацию, породившую представления о национальном значении французской монархии. Д'Аржансон, в отличие от своих современников, отказывается от господствовавшего в первой половине века понятия о нации как общности, объединяющей разные сословия. Он четко разделяет ее на аристократию и народ, или третье сословие. Вступая в полемику с популярными в его время теориями, д'Аржансон не считает, что королевская власть должна играть роль надсословного органа, направляющего и примиряющего различные социальные силы. Он видит ее историческое значение и современную спасительную для государства задачу в союзе с третьим сословием и борьбе с аристократией. Основные пункты его программы, направленные на "спасение отечества": отмена феодальных привилегий, уменьшение власти министров и организация ограниченного самоуправления общин, предоставление свободы мнений. "Скажут, что принципы, представленные в трактате, благосклонны к демократии, стремятся к разрушению дворянства, и не ошибутся"²⁹.

Нетрудно заметить, что эта программа после ее обсуждения и разработки в общественной мысли на протяжении еще полувека была взята на вооружение во время Французской революции. Интересно, что д'Аржансон, несмотря на свою защиту монархического принципа и обоснования всей своей системы интересами укрепления королевской власти, не называет придуманную им систему "демократической монархией". Он ставит демократию на основное место при выборе определения: "подчиненная демократия", "демократия, управляемая королевской властью"³⁰.

После 1750 г. д'Аржансон часто высказывает мысль о необходимости ограничения королевской власти, за суверенитет которой он так ратовал раньше. Даже ранее, после его отставки в 1747 г., в его мемуарах звучат пессимистические нотки: Людовик XV уже не кажется ему способным к управлению страной, а английская конституционная система - неприемлемой для французов. Он более лояльно стал относиться к деятельности Парижского парламента и к возможности созыва Генеральных штатов. Видения грядущей революции

все чаще посещают этого защитника величия трона. Его откровения этого периода иногда трудно сочетать с более ранними высказываниями в защиту абсолютной монархии. Возможно, причина этого не только в личных разочарованиях, политических просчетах правительства и прогрессе общественной мысли, перевернувшей многие господствовавшие представления. Все это, конечно способствовало вполне естественной эволюции взглядов д'Аржансона. Но все-таки абстрактная монархическая идея никогда не была для него приоритетной, его взгляды всегда отличались известной рациональностью и вполне вписывались в систему государственного утилитаризма с его концепцией ограниченного деспотизма, либерализации экономики и свободы мнений. Монархическую систему он считал самой естественной и полезной для государства, поэтому и защищал ее долгое время.

Думаю, что несправедливо было бы назвать д'Аржансона чистым проектером и мечтателем. Он был вполне практичным государственным деятелем, стремящимся найти реальные пути выхода из кризиса французской монархии. Но серьезная болезнь требовала сильных средств, и выздоровления нельзя было добиться полумерами. Поэтому он изобретал новые формы управления, подсказанные ему современной политической теорией и исторически сложившейся практикой. Форма государства, сочетавшая демократические принципы с централизованной монархической властью, казалась ему самой естественной и подходящей для французов. Тем не менее, как и многие его современники, он часто писал о необходимости соблюдения большой осторожности в проведении любых, даже самых незначительных реформ и никогда не ратовал за немедленное осуществление своих проектов. В его государственных посланиях, докладах и записках очень редко встречаются предложения каких-либо серьезных изменений в государственном управлении, которые он описал в теоретических произведениях. Поэтому, конечно, не совсем верным является распространенное представление о д'Аржансоне как скрытом противнике монархической власти, сохранившем в своих ранних произведениях фасад королевской власти по недоразумению или из-за плохого знания сущности демократических принципов. Его выбор между монархией и республикой был компромиссный, как и у большинства современников, а вовсе не радикальный. Его теория была достаточно спорной и противоречивой, особенно для Франции, где все это выглядело отвлеченным от государственной практики, не было подкреплено

законами или опытом, но все же слишком соответствовало новым настроениям и представлениям, чтобы не стать популярным. Именно в этом мне видится основное значение идей д'Аржансона, и в этом русле они требуют, возможно, более подробного изучения.

После д'Аржансона теорию "демократической монархии" развивал в своих историко-политических сочинениях аббат Мабли, очень популярный во время революции. Один из ее деятелей и главных теоретиков Кондорсе, взяв на вооружение идеи д'Аржансона и Мабли, рассматривал Французскую революцию как попытку осуществления подобных проектов. Таким образом, достаточно отвлеченные построения стали основой политической практики. Но, претворив в жизнь мероприятия, предложенные д'Аржансоном и его последователями для укрепления монархии, сохранили ли деятели революции саму королевскую власть?

¹ Самое полное издание: *Argenson R.L. Journal et mémoires du marquis d'Argenson*. Par. E.J.B. Rathéry. 9 vol., Paris, 1859-1867.

² См.: *Ogle A. The marquis d'Argenson*. L., 1893; *Rankin R. The marquis d'Argenson*. L., 1901; *Sée H. L'évolution de la pensée politique en France au XVIII-e siècle*. P., 1925.

³ См.: *Sée H. Op. cit.* P. 85-99.

⁴ *Gessler P. René Louis d'Argenson. 1694-1757*. Basel, 1957.

⁵ Самую полную библиографию произведений д'Аржансона см.: *Gessler P. Op. cit.*; значительная часть его многочисленных статей, записок, рапортов и писем опубликованы в приложениях к мемуарам: *Argenson R.L. Journal et mémoires...*

⁶ *Argenson R.L. d'. Considérations sur le Gouvernement ancien et présent de la France*. Amsterdam, 1764.

⁷ См.: *Mémoire d'Etat // Argenson R.L. Journal et mémoires...* Т. 1. P. 368-379.

⁸ См. об этом: *Блюш Ф. Людовик XIV*. М., 1998.

⁹ *Местр Ж.М. де. Рассуждения о Франции*. М., 1997. С. 62.

¹⁰ *Argenson R.L. d'. Considérations...* P. 303, 314.

¹¹ *Ibid.* P. 316.

¹² *Argenson R.L. d'. Réflexions sur le dessein que pourrait avoir Mgr le duc d'Orléans de prendre l'ordre de prêtrise, présentées a lui-même // Argenson R.L. d'. Journal et mémoires...* Т. 3. P. 441.

¹³ См.: Ibid. P. 440.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Argenson R.L. Journal et mémoires... Т. 2. P. 1.

¹⁶ Argenson R.L. d'. Considérations... P. 2, 303.

¹⁷ Ibid. P. 175.

¹⁸ Ibid. P. 303.

¹⁹ См.: Ibid. P. 221-233; Argenson R.L. Journal et mémoires... Т. 1. P.

²⁰ См.: Argenson R.L. Considérations... P. 215, 219-220, 245-248.

²¹ Ibid. P. 238-240. См. также: Argenson R.L. Journal et mémoires... P. 374.

²² Argenson R.L. d'. Considérations... P. 230.

²³ Sée H. Op. cit. P. 89.

²⁴ Argenson R.L. d'. Considérations... P. 148-149, 190.

²⁵ Ibid. P. 149.

²⁶ Ibid. P. 3.

²⁷ Ibid.

²⁸ Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М., 1989-1991.

²⁹ Argenson R.L. d'. Considérations... P. 303.

³⁰ Argenson R.L. Journal et mémoires... Т. 2.

РОБЕРТ ЛАЙЭЛЛ И ЕГО “НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР РУССКИХ”

*Если я кажусь по своим политическим
настроениям врагом России, то только
потому, что я друг человека.*

Роберт Лайэлл

Роберт Лайэлл прожил в России около 8 лет, с 1815 по 1823 г. Этот человек с интересной судьбой и непростым характером попробовал себя в разнообразных сферах деятельности и стал автором нескольких научных работ, кроме того, он оставил после себя мемуары. Его первая книга, посвященная России и русским, носит с довольно необычное для первой половины XIX в. название “Национальный характер русских”¹.

Живя долгое время в России, чей статус на мировой арене претерпел огромные изменения именно в первой половине XIX в., Лайэлл поставил перед собой задачу объективно и непредвзято описать национальный характер русских, указав на допускавшиеся его предшественниками ошибки. Стремясь к объективности и достоверности, он хотел создать научный труд на основе источников и их анализа, оставив в стороне собственные стереотипы и первые впечатления. Сделать это ему не удалось, что неудивительно: вряд ли вообще когда-нибудь возможно дать непредвзятый портрет какой-либо нации. Неудача была заложена в самой постановке задачи, тем не менее такая попытка дать оценку целому обществу, претендуя на научный подход, безусловно, интересна с точки зрения проблемы возникновения образа Другого, темы, которая в последнее время привлекает все больше и больше внимания не только ученых, но и широкой общественности. Книга Лайэлла практически неизвестна как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Ее анализ можно найти только в работах английского историка Энтони Кросса, который рассматривает проблему возникновения образа Другого с целью выявления общих тенденций развития взаимоотношений между двумя странами. Я же, наобо-

---

Корзун Ирина Евгеньевна - выпускница историко-филологического факультета РГГУ 2000 г. Тема дипломной работы «Британцы в России начала XIX в. - образ “Другого”».

рот, собираюсь раскрыть ее через конкретную ситуацию складывания этого образа. Естественно, что по-разному поставленные задачи определяют выбор подхода и методов работы с источником.

Прежде всего необходимо сказать о самом авторе "Национального характера русских". Роберт Лайэлл родился в 1790 г. в Шотландии. Между 1801 и 1810 гг. он учился и закончил Эдинбургский университет, став ботаником по образованию. Первое время после окончания обучения занимался изучением растений и грибов в Манчестере. Его публикации привлекли внимание других ботаников. Также известно, что он стал членом нескольких научных обществ в Лондоне, Эдинбурге и Манчестере. Но, как он сам считал, его постигли неудачи в профессиональной деятельности, и убежище от невзгод он нашел в России. Никаких подробностей о причинах отъезда Лайэлла в Россию неизвестно, но так или иначе в 1815 г. он оказался в Санкт-Петербурге в качестве врача в одной дворянской семье, а несколько позднее совершил путешествие с Полторатским в Калугу и Орел через Москву. С 1816 по 1820 г. Лайэлл проживал в услужении у графини Орловой-Чесменской, зимой в ее поместье в 16 милях от Москвы, летом - в старой столице. В 1821 г. он посещал генерала Нащокина в Семеновском под Москвой. С 22 апреля по август 1822 г. Лайэлл предпринял еще одно путешествие уже как курьер, гид и врач с двумя итальянцами и англичанином по Крыму, Грузии и южным губерниям России. Вероятно, во время своего пребывания в нашей стране он женился. Лайэлл был близко дружен с царским врачом, сэром Александром Чичтоном².

В Лондон Лайэлл вернулся через Санкт-Петербург в 1823 г., будучи к этому времени членом императорских научных обществ — сельского хозяйства, естественной истории и медицинского. В Англии в том же году он опубликовал книгу под названием "Национальный характер русских и детальная история Москвы", включавшую в себя также диссертацию о русском языке. Необходимость этой книги автор объясняет неверным представлением о России, существующим за ее пределами. В предисловии он пишет: "С глубоким уважением я представляю этот том на рассмотрение британской публики, чьи непоколебимые добродетели я научился ценить ежедневно в чужих странах, чье мнение и характер я искренне почитаю, чье суждение должно решить, продолжать ли мне свои литературные

труды, и чье одобрение или осуждение повлияют на дальнейший ход моей жизни”³. По всей видимости, эта работа имела успех, потому что за последующие два года Лайэлл издал еще две книги, посвященные России.

В 1826 г. Роберт Лайэлл уехал на Мадагаскар в качестве английского агента, где ездил по окрестностям и собирал растения, которые до сих пор можно найти в садах Кью в Лондоне. 23 мая 1831 г. он скончался от малярии, обычной для того климата.

Судя по всему, в Англии Роберт Лайэлл принадлежал к среднему классу. В России он встречался с людьми разных кругов, но имел доступ и в высший свет. Также можно сказать, что это был высокообразованный человек. Он знал несколько иностранных языков, по крайней мере французский и русский, был хорошо знаком с русской культурой, читал Ломоносова, Татищеву, Болтина, Карамзина и других.

В качестве источника я выбрала первую изданную им книгу, ту ее часть, которая посвящена национальному характеру русских. Во-первых, она кажется мне наиболее интересной, во вторых, это первая книга Лайэлла, который еще не знал, как будет воспринят его труд читателями. Между тем с публикацией этой книги связана скандальная история. Лайэлл посвятил “Национальный характер русских” императору Александру I. Однако содержание книги было воспринято в Санкт-Петербурге как оскорбительное. Было заявлено, что книга написана во враждебном духе по отношению к России, правительству и вообще русской нации. Александр был разгневан посвящением и потребовал через своего посла в Лондоне его отменить. Посол написал письмо в газету “Таймс” с выражением протеста против публикации неавторизованных посвящений. В результате было решено, что ни один зарубежный автор не имеет право издавать какую-либо работу, посвященную его Императорскому Величеству, без официального разрешения министра иностранных дел, которое можно было получить через русского посла.

Сам Лайэлл ответил на протест публикацией “Отчета об организации, администрации и настоящем состоянии военных колоний в России” (Л., 1823). А в третьей книге “Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии” (Л., 1825) автор возвращается к этой истории, заявляя, что только он несет ответственность за каждое слово в своей первой книге и что он никогда не относился к русским враждебно и всегда стремился судить о них справедливо⁴.

Определить жанр моего источника довольно сложно. Без сомнения, при его написании автор использовал дневники или записи, которые он вел во время своего пребывания в России, и основывался прежде всего на собственных воспоминаниях и умозаключениях. Тем самым его произведение можно отнести к источникам личного происхождения. Но вместе с тем мы знаем, что Лайэлл использовал более двадцати источников, содержащих воспоминания и письма английских и французских путешественников, побывавших в России в конце XVIII - начале XIX в. Назовем лишь несколько имен: Мадам де Сталь, Джон Карр, доктор Кларк, Кер Портер, Кокс и другие. Критический подход к приводимым цитатам показывает, что его труд претендует на научность, как историко-культурное произведение о русском национальном характере. То есть оно сознательно лишено непосредственного изложения событий и впечатлений: "Я надеюсь, первые впечатления, случайные замечания, моменты раздражения будут исключены тщательной проверкой, терпеливым исследованием и непредвзятым отношением"⁵. Это прибавляет объективности, но, возможно, уменьшает достоверность, поскольку автор сделал такую подборку материала, какую счел по каким-либо причинам необходимой.

Главной целью Лайэлла в его работе было дать читателям верное представление о нашей стране: "Автор этого труда, проживший несколько лет в России и имеющий поэтому возможность делать общие выводы из наблюдений, считает себя обязанным представить свои взгляды о состоянии общества в этой империи прежде всего из-за существующих за границей заблуждений, неправильного представления и непонимания этой страны"⁶. Таким образом, он решил рассказать о том, каковы русские на самом деле, как можно более объективно, абстрагируясь от своей ситуации и конкретных людей и лишь изредка вставляя примеры из жизни, по которым читатель мог бы составить свое собственное мнение. Автор использует мемуары, письма, записки путешественников по России, опубликованные в конце XVIII - начале XIX в., приводя цитаты для иллюстрации своих мыслей или же, напротив, объясняя ошибочность наблюдений других авторов. "Я собираюсь приводить цитаты из некоторых последних работ писателей, чьи взгляды оказали наибольшее влияние на общественное мнение о России. Я также позволю себе критиковать или дополнять их сведения, и таким образом у меня появится идеальная возможность показать некоторые детали, другим путем оставшиеся

бы неосвященными”⁷. Так Роберт Лайэлл поставил еще одну задачу - представить русский характер в развитии, показать, что изменилось и что нет за первую четверть XIX в.

Охарактеризовав цели и структуру произведения, которые оказывают значительное влияние на отбор и достоверность материала, рассмотрим условия пребывания автора в стране, неизбежно отразившиеся непосредственно на содержании. Лайэлл, безусловно, понимал, что обстоятельства путешествия оказывают огромное воздействие на формирование отношения человека к стране. Как раз с этим он связывает существующие в литературе противоположные оценки России: иностранец, который приезжает туда с рекомендательными письмами, посещает либо Санкт-Петербург, либо Москву (а если и ездит куда-то еще, то к знакомым, по указанным районам с рекомендательными письмами и подорожными), и встречается лишь с дворянами, в конечном итоге оставаясь в восторге от своей поездки. Иностранец же, не имеющий знакомств, писем и т. д., не знающий языка и обычаев страны, везде сталкивается с неприятностями и всем недоволен. Главную же ошибку в восприятии России иностранцами Лайэлл видит в изначальных неверных принципах их подхода. “Поскольку образ жизни, правительство, религия, обычаи и привычки в России так контрастируют с теми, которые существуют в их стране или в других давно цивилизованных странах Европы, мнения о ней в результате оказываются крайними, положительными или отрицательными, в то время как причины, которые должны были бы их сформировать, остаются без внимания”⁸. Сам же автор подчеркивает, что видел разные слои общества, много путешествовал, знаком с языком, обычаями и, следовательно, может представить полную картину.

Однако своего личного отношения к стране Лайэлл не скрывает. Для него Россия - это государство, уровень развития которого бесспорно ниже европейского, которое лишь недавно вступило на путь цивилизации, но при этом уже не является варварским, как было принято считать в Англии, и он настаивает на том, что даже крестьян уже нельзя назвать варварами. Варварство отошло в прошлое, но продолжает проявляться в некоторых чертах национального характера: “Хотя гостеприимство русских является пережитком варварских времен, позорит ли оно их?”⁹. Однако в целом в его сравнениях России с западными странами (Великобритания, Франция, Германия и др.) практически всегда, как и у его предшественников, последние выступают эталоном, точкой отсчета, стандартом.

Между тем эпоху Александра I Роберт Лайэлл воспринимает как самую прогрессивную в истории России. Он, как и многие другие путешественники, предполагал, основываясь на прочитанных книгах, что уровень развития страны намного ниже, чем оказалось на самом деле. Он говорит, что Александр сделал очень много для реформирования страны несмотря на сопротивление дворян. При этом автор отмечает осторожность императора, объясняя это довольно любопытным образом: тот, кто знает страну и ее обитателей, не будет спешить решать проблемы самым простым, как кажется со стороны, образом, так как побоится вызвать скорую революцию (*speedy revolution*) и быть сверженным с престола¹⁰. Однако помимо этого замечания в тексте нет никакого упоминания о политической ситуации или конкретных экономических мерах. Вряд ли автор не был в курсе событий, видимо, он сознательно упускал их из виду, потому что думал, что они не касаются национального характера и не оказывают на его изменение большого влияния.

Вообще в его работе очень мало фактических данных: упоминается 1812 год, Александр I и еще не более двух имен (Полторатский и графиня Орлова-Чесменская). В своей последующей книге Лайэлл написал, что "упоминать имена было бы неблагоприятно"¹¹.

Россия - страна контрастов во всех аспектах, будь то природа, климат, производство, обитатели или национальный характер, считает Лайэлл. И действительно, говоря о той или иной черте характера, он часто добавляет, что бывает так, а бывает и по-другому. Несмотря на все стремление автора быть объективным, мы не можем считать его произведение непредвзятым. В ходе повествования он намекает на свое зависимое положение во время пребывания в России, неудовлетворенность им, на отсутствие друзей и свою неприязнь к русским в целом. "Судьба завела меня в Россию и, вследствие моей профессии, поставила меня в зависимое положение от страны, к обитателям которой я за небольшим исключением чувствовал мало симпатии"¹². А поскольку такое отношение сквозит почти в каждой фразе, за исключением, может быть, характеристик Александра и его правления, неудивительно, что эта книга была не одобрена императором.

Выбранные Лайэллом тема и жанр произведения, естественно, ограничивают угол зрения и затронутые в нем проблемы таким образом, что практически все, что касается политики и экономики страны, осталось за пределами повествования. В центре внимания автора -

характер русских, т. е. совокупность психических и духовных свойств людей, обнаруживающихся в их поведении¹³. Анализируя те или иные черты характера, Лайэлл неизбежно описывает ситуации, в которых они проявляются, а проявляться они могут во взаимодействии с другими людьми, общественными институтами или по отношению к таким общечеловеческим понятиям и ценностям, как отечество, дружба, нравственность, честность и т. д. Иначе говоря, отношения людей с внешним миром в данном случае оказываются стержнем в выстраивании его образа России и русских.

Лайэлл старался описать характер всех слоев российского общества, тем не менее наиболее полная информация касается все-таки дворянства. Для него этот слой по уровню развития больше других приближен к цивилизованному. По манерам и поведению российские дворяне не отличаются от европейцев, разве что менее образованы (*not so learned*). Другие слои общества, не имея возможности путешествовать, с одной стороны отстали в своем развитии, с другой стороны, поскольку их жизнь гораздо сильнее связана с национальными обычаями, сохранили самобытные черты национального характера, которые уже почти незаметны у дворянства. Способность русских к иностранным языкам автор объясняет не какой-то особой одаренностью, а обыкновением приглашать иностранных учителей с раннего детства.

Однако не образование определяло отношения человека с властью и другими людьми. Очень большую роль в этом играли деньги и положение в обществе. К этому Лайэлл относится спокойно и без удивления. В стратификации общества он обращает внимание на отсутствие в России среднего класса, который в Великобритании является опорой, источником богатства и славы страны. Русские, если они богаты, очень расточительны: дворяне неумеренно тратят деньги на разные новинки, которые обожают; они любят выставлять свое богатство напоказ, потому что хвастливы. Бедные, однако, скупы и алчны. Поскольку в России почти не существует заработной платы, взяточничество и коррупция вошли в норму, взятки получили название подарков и стали основным доходом служащих. Если в западных странах они используются с целью изменить ход дела, то тут просто для того, чтобы люди начали выполнять свои прямые обязанности. Лайэлл приходит к выводу, что справедливость, как и честность, в России - редкость, но нельзя сказать, что ее совсем не существует¹⁴. Вообще русских интересует внешняя сторона вещей, и с

этим связано еще одно качество - тщеславие: система почестей (ордена, кресты, знаки отличия) очень распространена. Ради получения ленты Владимира один генерал построил бесплатный госпиталь для бедных, в котором его слуги изображали больных, когда туда приехал Аракчеев¹⁵.

В отношениях друг с другом русские, по мнению автора, могут вести себя очень по-разному. С равными себе они приветливы, легко заводят знакомства, имеют много друзей, но в своей дружбе неискренни и лицемерны. Они склонны клеветать и злословить просто ради времяпрепровождения. А столь хорошо известное гостеприимство объясняется тем, что оно ничего не стоит хозяину, потому что все продукты производятся в его поместьях, а слуги, приготовив угощения, превращаются в певцов, танцоров или актеров. Лайэлл считает, что с распространением цивилизации в стране эта черта станет менее заметной.

Практически все положительные качества в конечном итоге приобретают в тексте отрицательный оттенок, что мы можем объяснить стремлением автора показать действительность с разных сторон, его личным недовольством, связанным с опытом, приобретенным при общении с русскими, а также склонностью воспринимать окружающее в темных тонах. Так, веселость, чувствительность оказываются нездоровой эмоциональностью, для которой характерны очень быстрые изменения настроения. Открытость характера называется бестактностью и бесцеремонностью. Благотворительность, хотя и признается одним из главных достоинств русских, объясняется желанием замолить свои грехи. При этом нельзя не согласиться с автором в его оценках некоторых ситуаций. Наибольшее возмущение вызывало у него любопытство русских, которое часто выражалось в неуместных вопросах о его семье, личных делах, состоянии, которые задавались не только ему, но и кучерам, лакеям, слугам. Отказ удовлетворить их любознательность обижает их. Лайэлл рассказывает также о том, что у некоторых дворян имеются специальные слуги, которые шпионят за гостями, например во время приемов.

Отдельно стоит проанализировать представление Лайэлла о браке и семье в России. Он считает, что большинство браков заключается по расчету и что брачные узы очень слабы. Автор знал много случаев, когда супруги сквозь пальцы смотрели на супружескую неверность или разъезжались и жили порознь. Вследствие того, что русские порывисты в своих чувствах, верность и постоянство не являются их

главными достоинствами. По этой же причине они в отличие от молчаливых, меланхолических англичан редко впадают в отчаяние или кончают жизнь самоубийством. Семейные узы в России не так сильны, как в Англии, но существование родительской и сыновней привязанности все-таки не вызывает сомнений. Лайэлл также называет некрепкой привязанность русских к дому и объясняет это их постоянными разъездами из столицы в столицу, из поместья в поместье. Однако он вовсе не исключает их огромной любви к Родине и к соотечественникам, которых они превозносят¹⁶.

По приведенному выше представлению автора о семейной жизни и еще нескольким косвенным данным мы можем судить о восприятии Лайэллом женщины и ее места в обществе. ("Мне говорили о невежливости английской манеры отсылать женщин из-за стола прежде мужчин"¹⁷; "Свобода тем разговоров, хотя и присуща не только русским дамам, не может не привлечь внимание. Открытость, с которой замужние женщины, и даже незамужние, обсуждают беременность... в присутствии мужчин часто поражала меня и внушала отвращение"¹⁸). Видимо, по сравнению с английским обществом женщины в России пользовались большей свободой и независимостью.

Вообще Лайэлл считал русских женщин непривлекательными. Так, анализируя мнение одного английского путешественника конца XVIII в., доктора Кларка, он добавил с иронией: "Доктор Кларк должно быть был в необычайно хорошем настроении или в довольно странном заблуждении, когда заметил, что женщины России обычно красивы, поскольку ... такими их назвать нельзя. Напротив, это редкое качество среди них"¹⁹.

Итак, русское дворянство для Лайэлла - слой аморальный, для которого деньги и личные интересы важнее всех человеческих норм бытия. Добрые же на первый взгляд качества русских дворян все равно имеют под собой прагматическую основу.

Вот таким представляется нам образ страны, в котором так или иначе отразились мировоззрение и личность автора, английская и русская действительность. Попробуем теперь проанализировать их влияние на интерпретацию источника.

Думаю, что наибольший отпечаток на этот образ наложили обстоятельства поездки Лайэлла, а также его личность и мировоззрение. Как уже было сказано, он оказался в зависимом положении, ему не понравились страна и ее обитатели, у него здесь почти не было друзей.

Вместе с тем автор хотел дать объективную оценку национальному русскому характеру: "Моя цель в публикации характера русских не связана с желанием вылить накопившуюся злость, отомстить за множество несправедливостей по отношению ко мне, а также с желанием унижить их перед глазами всего мира"²⁰. Оценку стране он дает исходя из своих жизненных принципов, что особенно чувствуется в его отношении к церкви. Роль церкви и ее влияние в стране он видел двояко. С одной стороны, это не вызывающие симпатии служители церкви, грандиозные богатые церемонии, многочисленные обряды, невежество и суеверие населения, что оценивается как неоправданное внимание к внешнему за счет внутреннего. "В этом много зрелищности, но слишком мало истинного сознания греховности, это подогревает страсть, возбуждает чувства и пленяет воображение, но, увы, слишком мало влияет на моральное поведение верующих"²¹. С другой стороны, его восхищает религиозность страны. Вера объединяет все население - от монарха до крестьянина. Таким образом, если проанализировать, что именно вызывает симпатию и антипатию автора в религиозном вопросе, мы приходим к выводу, что богатство и внешние атрибуты церкви кажутся ему наиболее неприятными. А ведь это те самые причины, по которым протестанты отделились от католической церкви. Поэтому мне кажется, что Лайэлл принадлежал к одной из ветвей протестантской церкви - возможно, к пресвитерианской, потому что был родом из Шотландии. Судя по всему, это был верующий человек, и вполне вероятно, что его участие в религиозной жизни России не исчерпывается нашими знаниями об этом.

Заметно также восприятие "своего" со знаком плюс и "чужого" со знаком минус. Лайэлл оценивает Великобританию как высокоразвитую страну, говоря, что общество в России напоминает ему варварские дни и феодальные времена в его стране²². И хотя это высказывание противоречит некоторым другим (о быстром развитии страны в правление Александра, о равенстве дворянской культуры с английской, о более развитом в России печатном и книжном деле и т. д.), негативная позиция превалирует в его оценках. Практически все, что самобытно и не имеет аналогов в западных странах, рассматривается как "нецивилизованное", как пережиток варварских времен (одежда, борода...). Однако и здесь нужно оговориться. В редких случаях автор отличает отсталость в развитии от обычая. Например, он критикует мнение доктора Кларка о том, что русский напиток квас

несет в себе нечто варварское, полагая, что для русских квас то же самое, что пиво или портер для англичан²³. Но при этом употребление вина для Лайэлла - явный признак цивилизации.

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание, - взаимовлияние стереотипов о России и созданного в этом источнике образа. Как уже было сказано, основная цель автора была показать истинную сущность русских, изменив уже имевшиеся о них представления. Среди стереотипов можно назвать: низкий уровень развития России, варварство ее обитателей, деспотичное правление и жестокое рабство. Мне кажется, Лайэлла удалось избавиться от их давления на его оценки. Но при этом вряд ли при чтении его книги они исчезли у его читателей, поскольку в тексте нет убедительных примеров, которые заставили бы человека усомниться в своих позициях, напротив, я думаю, его работа даже усугубила их, прибавив негативное отношение к обитателям этой страны.

Поэтому в целом мы можем заключить, что образ страны получился противоречивым не из-за противоречивости русского уклада жизни, а из-за несоответствия личного отрицательного отношения автора к России той задаче представить объективную картину, которую он перед собой ставил. Это несоответствие прикрывается желанием Лайэлла просветить русских, открыть им глаза: "Если когда-либо эта книга будет прочитана русскими, я бы хотел, чтобы она сделала видимыми их недостатки и безнравственность, поощрила их сохранить достоинства, которыми они уже обладают, и стимулировала приобрести те, которые им пока совсем несвойственны. Но, более того, может быть, она откроет им реальную ценность моральных принципов и нравственного поведения в гражданском обществе и побудит их избавиться от помпезности церемоний и формальных служб, заменив их безмятежной и медитативной религией души!"²⁴. Автор выбирает такую форму изложения своих идей, с помощью которой он сможет разоблачить русских в отсутствии морали и наставить их на путь истинный. Этот почти проповеднический подход Лайэлла объясняется, как мне кажется, его мировоззрением, характером и отчасти вероисповеданием, форма же, по всей видимости, была подсказана профессиональными навыками.

В заключение разговора о создании образа Другого необходимо сказать о его развитии уже после публикации. Этот образ оказывал влияние на развитие стереотипов о России и русских в Велико-

британии, отражаясь на представлениях читателей. И чем популярнее был труд Лайэлла, тем в большей степени он смог повлиять на эволюцию стереотипных представлений стран друг о друге. Мы можем утверждать, что его книга не осталась без внимания. Во-первых, с ее появлением связан скандал (недовольство русского императора за посвящение труда ему), а любой скандал уже привлекает внимание читателей. Во-вторых, в предисловии Лайэлл пишет, что продолжит свою литературную деятельность только в случае, если его книга будет иметь успех. А мы знаем, что вслед за этим томом последовало еще два, также посвященных пребыванию автора в России. И последнее свидетельство интереса общественности к его работе я нашла в книге М.П. Алексеева: "Клер Клермонт пишет в своем дневнике, что беседовала с Бакстером и Киреевым об английской литературе: книге Лайэлла"²⁵. Таким образом, мы видим, что она обсуждалась даже в российском обществе.

¹ *Lyall R. The character of the Russians and a detailed History of Moskow. L., 1823.*

² *Dictionary of National Biographies. L., 1917. V. 12. P. 304.*

³ *Lyall R. The character of the Russians... Preface.*

⁴ *Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia. L., 1825. V. 1. P. VII.*

⁵ *Lyall R. The character of the Russians... P. VI.*

⁶ *Lyall R. The Character of the Russians and a detailed History of Moskow. L., 1823. P.i.*

⁷ Там же. P. XIV.

⁸ Там же. P. II.

⁹ Там же. P. XXXII.

¹⁰ Там же. P. CXLIX.

¹¹ *Idem. Travels in Russia... V. 1. P. XI.*

¹² *Lyall R. The Character of the Russians... P. LXX.*

¹³ *Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 702-703.*

¹⁴ *Lyall R. The Character of the Russians... P. CXII, CXLI-CXLVI.*

¹⁵ Там же. P. XCVII.

¹⁶ Там же. P. XXVII, XXVIII, LXX, XXXV, XXX.

¹⁷ Там же. P. LXXXIX.

¹⁸ Там же. P. CXXI.

¹⁹ Там же. Р. XXVII.

²⁰ Там же. Р. XCI.

²¹ Там же. Р. XI.

²² Там же. Р. LXXXII.

²³ Там же. Р. XXIII.

²⁴ Там же. Р. XCII.

²⁵ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII - первая половина XIX века). М., 1982. С. 574.

ПИСЬМА С ОСТРОВА ЗИПАНГУ: ШТУРМАН УИЛЬЯМ АДАМС О СЕБЕ И О ЯПОНЦАХ

(перевод, комментарии и публикация С. Гришачева)

Человеку при рождении не суждено знать, какое будущее его ждет. Когда умирает прославленный человек, современники удивляются: как же удивительно сложилась его судьба! Порой легче поверить в выдуманную историю жизни, чем с должным вниманием отнестись к рассказу о реальной личности.

Примером удивительной и абсолютно непредсказуемой биографии является история Уильяма Адамса, первого англичанина, ступившего на землю Японии. Он оставил в истории этой страны такой глубокий след, что сами японцы, обычно снисходительно относящиеся к иностранцам, с уважением чтут память о нем: на его могиле стоит памятник, а один из кварталов Токио носит его имя.

В истории Японии период с середины XVI до 30-х гг. XVII в. часто называют "христианским столетием". Это была эпоха первых контактов между Европой и Японией. Миссионеры-иезуиты Франциск Ксавье, Алессандро Валиньяно, Луис Фройс очень много сделали для того, чтобы познакомить японцев с христианством и, шире, с европейской культурой. Вслед за ними, продолжая нести с собой новую культуру (в самом широком смысле этого слова: от грубой матросской лексики до христианских заповедей), последовали голландские и английские моряки и торговцы, к числу которых и принадлежал Адамс.

Случилось так, что в это же время страна прошла жесточайший путь от феодальных междоусобиц к централизованному государству. На исторической арене появились три, наверное, самых знаменательных фигуры старой Японии - Ода Нобунага, Тоётоми Хидеёси и Иэясу Токугава - объединители страны. Внутренняя война между враждующими даймё, интриги, заговоры и предательства; борьба за влияние в торговле между португальцами, испанцами, голландцами и

Гришачев Сергей Викторович - студент пятого курса факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ. Занимается историей Японии. Тема дипломной работы - "Формирование представления о Японии в России в XIX веке".

англичанами; противостояние иезуитов и францисканцев и религиозная неприязнь между католиками и “пиратами-еретиками”; восстания крестьян, обращенных в католичество, и христианизация многих знатнейших феодалов; закрытие страны для иностранцев - в такой поток “роковых страстей” попал Адамс, став одним из главных его героев. Но начиналось знакомство европейцев и японцев вполне мирно.

Таинственный остров Зипангу из книги Марко Поло давно манил к себе европейцев, и первыми из тех, кто достиг островов Японии, были португальцы. В 1542 г. авантюрист Мендес Пинто, матрос китайского торгового судна, застигнутого бурей, попал на один из островов на юге архипелага. (Японцы называли европейцев “нанбандзин” - “южные варвары” или “варвары, пришедшие с юга”, так как испанские и португальские корабли, шедшие из Макао и Мексики, действительно появлялись с юга.) Туземцы приняли гостей радушно, и вскоре к берегам Японии стали приходить португальские торговые суда. Местом основной их дислокации стал порт Нагасаки.

Вслед за купцами потянулись и христианские миссионеры. Франциск Ксавье попал в страну в 1549 г. и провел там около двух лет. Он наладил деятельность иезуитской миссии и оставил одно из первых сообщений о японцах. Всеми правдами и неправдами иезуиты вытеснили своих соперников - францисканцев - и стали единственным орденом, проповедовавшим в Японии. Особенно сильно христианство распространилось на юге страны, на Кюсю. Но помимо дел духовных они не забывали и о делах мирских, занимаясь торговлей и проникая в “верхние слои политики”. Обращая влиятельных даймё в христиан, они служили посредниками в сделках при покупке огнестрельного оружия, необходимого для ведения войн.

Политическому успеху иезуитов способствовало также и то, что они стали союзниками феодалов в борьбе с буддийскими монастырями. Ода Нобунага и поначалу Тоётоми Хидеёси относились к ним благосклонно. Так, иезуит Родригес стал доверенным переводчиком Хидеёси, влиятельнейшего даймё, который покорил почти половину страны и даже начал военные действия в Корее, но неудачно. Но к концу 1580-х гг. отношение Хидеёси к иезуитам изменилось. Он видел рост их влияния и поэтому издал первые указы, ограничивавшие их деятельность. Однако, поскольку они были единственными посредниками в торговле с Китаем, откуда поставлялся шелк, указы выполнялись не очень усердно. Окончательно поправил положение

Алессандро Валиньяно, прибывший очередной раз в Японию в 1590 г. Умный и проницательный генерал-викарий ордена иезуитов, написавший “Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии”, наметил новые принципы работы миссии, как то: невмешательство в местную политику, приспособление к местным обычаям и воспитание собственно японского духовенства для ордена.

Единожды скомпрометировав себя, иезуиты имели в своем активе “штрафное очко”, которым впоследствии умело воспользовались голландцы и англичане, в том числе и Адамс.

В 1598 г. умирает Тоётоми Хидеёси. Незадолго до этого он провозгласил своего трехлетнего сына Хидеёри кампаку, т. е. советником при императоре. Но до его совершеннолетия страной управляет совет регентов, состоящий из пяти крупнейших военачальников, которых назначил Хидеёси. В их число вошел и Иэясу Токугава, который не очень заботился о соблюдении завещания своего господина.

В стране опять назревал крупный конфликт, противостояние двух лагерей. На востоке - Токугава, на западе - Исида Мицунари, выступавший в качестве поборника прав наследника. Началась дипломатическая игра - переманивание сторонников на свою сторону. В этой ситуации даже иезуиты, чей чуткий политический слух улавливал малейшие вибрации, заняли выжидательную позицию, в душе надеясь на победу Исиды, за которым стояли южные даймё-христиане...

В этот напряженнейший момент, в мае 1600 г., у восточных берегов Японии появилось сильно потрепанное бурей военно-торговое судно. Оно было построено в Голландии и входило в состав военной эскадры из пяти кораблей, снаряженных и отправленных в Азию с торговыми целями.

Обычный путь в Азию, которым пользовались португальцы, шел вдоль побережья Африки. Обогнув мыс Доброй Надежды, они достигали Индии и Китая. На всем этом пути были расположены фактории, которые обеспечивали безопасные стоянки, а также провиант для судов. Менее безопасным был маршрут через Атлантику и Тихий океан. Существование Магелланова пролива долгое время тщательно скрывалось. Голландская эскадра была одной из первых, кто нарушил секрет испанской короны. Голландцы, пройдя вдоль западного побережья Африки, пересекли океан в самом удобном месте - где расстояние до побережья Америки было самым коротким. Затем, дождав-

шись попутного ветра, пересекли экватор и прошли вдоль побережья до Магелланова пролива. Выйдя в Тихий океан, они поднялись до того места, где течения позволяли пересечь его, и направились в Азию. Это был наиболее оптимальный маршрут, по которому ходили испанские суда. Преследуемый испанскими галионами, "Лифде" (так назывался корабль) и еще один корабль, добравшийся до чилийского побережья, устремилось на запад, в Японию. Штурманом на "Лифде" был Уильям Адамс, нанятый в эту экспедицию голландцами.

С самого раннего детства страстью Уильяма было море. В двенадцать лет он стал обучаться корабельному делу, а в 1588 г. уже был капитаном небольшого судна, подвозившего боеприпасы в битве с испанцами в проливе Ла-Манш, где погибла знаменитая "Непобедимая армада". Он был настолько поглощен мыслями о плавании к неизведанным землям, что даже пытался, еще будучи мальчишкой, попасть в юнги в экспедиции Ф. Дрейка. В 1598 г., влекомый теми же стремлениями, он согласился принять участие в голландской военно-торговой экспедиции. Мечта быть похожим на своего кумира сыграла свою роковую роль в его судьбе.

...Положение на корабле было критическим: большая часть команды погибла от голода и цинги. Судно пристало к берегу в провинции Бунго, на северо-востоке Кюсю. Губернатор послал известие о появлении варваров к Токугава, который в это время находился в Осаке, т. е. в стане врага - Исиды. Через некоторое время Адамс, выполняя функцию капитана, который находился при смерти, был доставлен в Осаку, где предстал перед Токугава. Англичанин сумел произвести положительное впечатление. Он рассказал, что корабль приплыл с торговыми целями, описал весь путь из Европы через Магелланов пролив и Тихий океан. Адамс отвечал на все вопросы, интересовавшие "великого короля".

Чем дальше, тем больше Токугава понимал, какой бесценный подарок преподнесла ему судьба. Если бы к берегам Японии прибыла вся флотилия, то неизвестно, как сложилась бы политическая судьба страны. И тогда возник бы вопрос, станут ли голландцы поддерживать Иэясу. Наверняка португальцы были бы разбиты, но смогли бы голландцы сделать безошибочный политический выбор или нет — остается под сомнением. Однако случилось так, что в руки хитрейшего и коварнейшего человека в стране попал козырной туз - владеющий "новейшими европейскими технологиями" и знаниями моряк и в

придачу - корабль с трюмами, набитыми различным товаром и запасами огнестрельного оружия. Токугава быстро позаботился о том, чтобы при первой же возможности перегнать "Лифде" в Эдо - свою вотчину. Затем он объявил, что никто из членов команды не может покинуть страну. А Адамсу велел построить большое морское судно по образцу "Лифде".

В том же 1600 г., 15 сентября, в битве у Сэкигахара в провинции Мино Иэясу Токугава разгромил своих противников. Важную помощь ему оказали оружие и боеприпасы, взятые с голландского корабля. Конечно, это была еще не окончательная победа, но решающая. В 1603 г. император "попросил" Иэясу принять титул сёгуна. На сторону Токугава перешли откровенно выжидавшие результата противостояния даймё. Только в 1615 г., когда был взят штурмом Осакинский замок, а Хидеёри и его мать покончили с собой, оппозиция новому сёгуну сошла на нет.

Что же касается Адамса, то дела его шли успешно. Он стал доверенным лицом и переводчиком Иэясу, потеснив на этом посту иезуита Родригеса, служившего еще у Хидеёси. Теперь португальцы считали за честь быть знакомыми с англичанином. Неприязнь его к католикам для Иэясу была как сито, через которое пропускались слова и поступки иностранцев. И тем более им теперь было трудно вести закулисные игры против сёгуна. Здесь он уже использовал не силу, а ум Адамса.

Адамс воспринял японские обычаи и культуру и, по словам Д. Сэриса, капитана английского корабля, прибывшего в Японию в 1613 г., стал "настоящим японцем". Андзин-сан - его японское имя - переводится как "штурман". Ему было даровано поместье в Хэми, он купил себе дом в Эдо и продолжал заниматься морской торговлей. Его торговые дела также шли в гору. Наконец, Адамс женился на японке. У него родились сын и дочь. Но он все время тосковал по родине, по оставленной в Англии жене. Не раз он просил у сёгуна разрешения вернуться домой, но не был отпущен.

И вот в 1609 г. в Японию приплыли первые голландцы. Адамс настолько обрадовался, увидев моряков из дружественной Голландии, что тут же принялся ходатайствовать перед сёгуном о предоставлении им прав на торговлю. Ему это удалось, и дела голландских торговых предприятий стали так быстро процветать, что португальцы были вытеснены с колоссальной скоростью. Более того, он нанялся служа-

щим в Голландскую Ост-Индскую компанию и по ее поручениям плавал в Бантам, на Яву, где располагалось представительство этой компании. Адамс теперь увидел реальную возможность передать на родину весточку о себе. И тогда он написал обширное письмо с подробным рассказом о путешествии в Японию и о пребывании в ней.

В 1613 г. в Японию прибыли первые англичане. Адамс с жаром принялся обустраивать дела своих соотечественников, но, как он ни старался, отношения с высокомерным капитаном корабля Д. Сэрисом портились на глазах. В итоге и английская торговля через несколько лет свернулась, почти не сумев развиваться на островах. В том же 1613 г. Адамс очередной раз попросился домой, и на сей раз Иэясу удовлетворил его просьбу. Но Андзин-сан, видимо понимая, что здесь он уже имеет слишком много, а в Англии - ничего, остался. А может быть, он действительно стал настоящим японцем. В 1619 г. он ушел в свое последнее плавание, из которого вернулся больным. Проболев полгода, он скончался в мае 1620 г., на острове Хирадо, где располагалась голландская фактория. Перед смертью он оставил завещание, по которому поделил свое имущество на две части - между английской и японской женами.

Так закончилась одиссея Уильяма Адамса. Он не вернулся домой - ни в Джиллинге, ни в Хэми. Да и был ли у него дом? Море было его домом, торговля и кораблевождение - его ремеслом. Даже сын его тоже стал штурманом. Считается, что он перевез останки отца в Хэми, но это только предположение. Ни дома, ни могилы - только славное имя и добрая память.

О судьбе Уильяма Адамса в отечественной историографии, к сожалению, нет ни одного исследования. Книга английского историка Ф. Роджерса "Первый англичанин в Японии" (М., 1987) - единственная его биография на русском языке. Работа Ф. Роджерса в основном написана на материале писем самого Адамса - почти единственном источнике сведений о нем. В связи с этим становится актуальной публикация этих писем на русском языке. Приведенное ниже письмо - начало осуществления публикаторской работы, которая будет продолжена в последующих выпусках сборника.

Эпистолярное наследие Адамса не стало так широко известно у нас, как, скажем, сообщения первых иезуитов, побывавших в Японии. А между тем его письма стоят особняком в череде известий о старой Японии, поскольку это свидетельства первого европейца, взглянувшего

на японскую цивилизацию изнутри. Сочинение А. Валиньяно, письма Ф. Ксавье и Л. Фройса были идеологически обусловлены. Их установка - взламывание или, в лучшем случае, реформирование контекста местной культуры, приведение ее "к христианскому знаменателю". Например, знание японского этикета у Валиньяно служит умению "...так обходиться с японцами, чтобы, с одной стороны, пользоваться у них авторитетом, а с другой - располагать их безграничным доверием...". Это практическое руководство к внедрению христианства. Все проблемы культурного контакта в трудах миссионеров сводятся к преодолению этнических, лингвистических и прочих трудностей для достижения одной цели.

Вторая группа сообщений о Японии до эпохи Мэйдзи - свидетельства сотрудников голландской торговой фактории на о. Дэдзима - Кемпфера, Зибольда, Тунберга и других. Это мемуары более позднего периода. В них есть своя специфика. Написанные в условиях изолированности от японцев, в отрыве от повседневности и в очень стесненных условиях, они скорее представляют собой взгляд через узенькую щелочку. Взгляд этот фиксирует только контакты европейцев с японцами, так как за пределами фактории иностранцы никогда не оставались одни и не были предоставлены сами себе.

Третья группа свидетельств, очень немногочисленная, представлена письмами Адамса и письмами директора английской фактории Ричарда Кокса. Эти наблюдения менее конъюнктурны, хотя и более скудны.

Сохранилось четыре письма Адамса, причем в голландских копиях. Голландцы долгое время не переправляли их английским адресатам, желая сохранить в тайне те выгоды, которые сулили контакты с Японией. Публикуемое ниже письмо было адресовано тем соотечественникам, которые отважатся посетить азиатские воды. Это было своего рода извинение за долгое отсутствие и инструкция с самыми основными замечаниями о маршруте в Японию и особенностях торговли и жизни в ней. Хотя письма не так богаты скрупулезным описанием страны, они тем не менее написаны человеком, который как никто другой из европейцев (за исключением, наверное, Лафкадио Хэрна) понял и, что самое главное, воспринял японскую культуру.

---

* Валиньяно А. "Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии // Книга японских обыкновений / Сост. А.Н. Мещеряков. М., 1999.

Имя человека живет и после его смерти. Память об Уильяме Адамсе чтут не только в Японии, но и в Англии. В 1965 г. на предполагаемую могилу Адамса в Хэми было перевезено несколько камней с могилы Мэри Хин, его английской жены. Там же разбит парк и воздвигнута мемориальная колонна. Российской публике Ан-дзин-сан более известен под именем Джона Блекторна благодаря роману Джеймса Клевелла "Сёгун" и одноименному телефильму. Три имени, две родины, две могилы - мало кто имеет такую странную и интересную биографию.

МОИМ ДРУЗЬЯМ И СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ, КОТОРЫХ Я НЕ ИМЕЮ ЧЕСТЬ ЗНАТЬ¹

Прослышав, что на Яве находятся несколько английских купцов, которых не имею чести знать, я получил прекрасную возможность и позволил себе написать эти несколько строк; я желаю, чтобы досточтимая Компания², до сих пор не имеющая представления о моей судьбе, простила меня за дерзость (*stowtness*). Я пишу в первую очередь потому, что в моей душе есть любовь, которая привязывает меня к соотечественникам и родине.

Милостивые государи, до которых, может быть, дойдет это послание, знайте, что я родился в городке Джиллингем графства Кент, который находится в двух английских милях от Рочестера и в миле от Чатема, где строятся королевские корабли. В двенадцать лет я был взят подмастерьем к господину Николасу Диггину в Лаймхаузе, неподалеку от Лондона. Я служил штурманом на кораблях Ее Величества. Затем я одиннадцать или двенадцать лет служил в досточтимой Компании (*of the barbarie marchants*) до тех пор, пока не был проторен торговый путь из Голландии в Индию; и мне захотелось воспользоваться возможностью и пополнить те немногие познания, которые Господь Наш дал мне.

Итак, в год от рождения Господа Нашего 1598 я был нанят в качестве главного штурмана в экспедицию из пяти кораблей, которые были заранее снаряжены Ост-Индской компанией³, - Питером Вандер Хэем и Гансом Вандер Виком. Командовал этим флотом купец Яков Мэшор. На его корабле, флагманском, я и был штурманом.

Мы отчалили 23 или 24 июня. Это было слишком позднее отправление, поскольку уже пришлось идти при неблагоприятных вет-

рах. В середине сентября мы поймали более южные ветра, но многие из наших людей были больны, поэтому нам пришлось идти к побережью Гвинеи, к мысу Гонсалес, где мы высадили наших больных, многие из которых потом умерли: положение больных мало улучшилось из-за отсутствия свежего воздуха, духоты и из-за того, что мы находились в нездоровом месте.

Так, чтобы осуществить наше путешествие, мы проложили курс к побережью Бразилии, и было решено пройти через Магелланов пролив, а также по пути зайти на остров, называемый Аннабона⁴. Мы зашли на Аннабону и заняли тамошнее поселение, в котором было около восьмидесяти домов. Здесь мы подкрепились и поправились благодаря тому, что у нас были мясо, апельсины, различные фрукты и т. д. Но воздух на острове был настолько нездоровым, что если один поправлялся, то другой чувствовал себя больным.

Мы провели два месяца в пути от мыса Гонсалес до Аннабоны - до 12 или 13 ноября. В это время мы подняли паруса и вышли с Аннабоны, нашли ветра, дующие по-прежнему на юго-восток-юг и юго-юго-восток, как и тогда, когда мы шли к четвертому градусу южной широты. Ветра благоприятствовали нам, продолжая дуть на юго-восток и восток-юго-восток, так что мы пробыли в пути от Аннабоны до Магелланова пролива около пяти месяцев. На одном из наших кораблей сломало и унесло за борт грот-мачту, что нас сильно задержало: с большими трудностями мы поставили новую мачту.

29 марта мы увидели землю, находящуюся на 50-м градусе широты. Здесь два или три дня дули встречные ветра. Наконец, поймав попутный ветер, мы подошли к Магелланову проливу 6 апреля 1599 г. В это время уже наступила зима, пошел сильный снег; холод и голод пополняли число больных и слабых. В течение шести или семи дней дул северо-восточный ветер, которым мы могли воспользоваться и пройти через пролив. Но мы задержались, дав отдохнуть и поправиться людям, запаслись водой и деревом, построили небольшой бот в 15 или 12 тонн весом. Наконец мы собрались проходить пролив, но не могли сделать этого по причине того, что задул южный ветер: погода была ужасно холодной, с обильным снегом и льдом. И вновь, теперь уже застигнутые зимой, мы были принуждены остаться у входа в пролив с 6 апреля до 24 сентября. К этому времени большая часть нашего провианта была истрачена; из-за недостатка продовольствия много людей умерло голодной смертью.

Наконец мы прошли через пролив и вышли в Южное море⁵, где нас преследовали страшные штормы, которые отнесли нас южнее, до 54-го градуса широты, где было очень холодно. Вскоре мы поймали нужный ветер, с помощью которого легли на прежний курс к побережью Перу.

На этом долгом переходе мы потеряли все наши корабли, которые отделились друг от друга. Еще перед началом перехода, до того как наша эскадра рассеялась в штормах, мы условились, что если потеряем друг друга, то у побережья Чили на 46-й параллели следует дожидаться отставших в течение 30 дней. Следуя этому соглашению, я привел корабль в назначенное место, где мы пробыли 28 дней: подкрепляясь и отдыхая, мы обнаружили местных жителей. Туземцы были незлы и приветливы, но, опасаясь испанцев, не хотели торговать с нами. Сначала они принесли бараньего мяса и картофель, за это мы дали им колокольчики и ножи, от которых они были в восторге. Но через некоторое время люди покинули свои дома, ушли в глубь страны и более не появлялись. Во время нашей стоянки мы собрали баркас, который был разобран на четыре части, и направились к устью Вальдивии, но из-за сильного ветра мы не вошли в гавань и направились к острову Муш⁶, куда приплыли на следующий день.

Не найдя здесь наших кораблей, мы отплыли к Санта-Марии⁷, а на следующий день подошли к мысу, который находился в полутора лье от острова. На мысу виднелось много людей, которые оживленно двигались вдоль берега. Найдя хорошее место, мы бросили якорь в бухте, в 15 саженьях от берега, который был покрыт сказочно золотистым песком. Подойдя к берегу на лодках, мы попытались заговорить с туземцами, но они не давали сойти, выпуская в нас тучи стрел. Несмотря на это, мы высадили около двадцати человек: у нас не было почти никаких запасов продовольствия на корабле, и мы готовы были даже силой добыть провиант; мы отогнали диких туземцев от берега, но большинство наших людей было ранено их стрелами. Очутившись на земле, мы знаками показали им, что пришли с миром, и начали разговаривать на языке знаков и жестов, и некоторые из них в конце концов поняли. Также с помощью жестов мы показали, что нуждаемся в провизии, затем показали железо, серебро и одежду, которые мы могли бы им дать взамен. Они дали нам выпить местного вина и поесть бататов, а также воды и фруктов; знаками и жестами они дали нам понять, чтобы мы приплыли на следующий день за провизией,

запасы которой они приготовят к этому времени. Было уже поздно, и мы отправились на корабль, довольные тем, что вступили в переговоры с ними, и надеясь на получение провианта.

На следующий день, 9 ноября 1599 г., наш капитан собрался снова высадиться на берег. Предварительно он со всеми нашими офицерами держал совет. Было решено подойти близко к берегу, но высадить не более двух или трех человек: эти туземцы были дикими и были почти неизвестны нам, поэтому мы им не доверяли. Также было решено, что сам капитан отправится на одной из шлюпок, возглавив тем самым все силы, которые мы могли выставить. Стоявшие на берегу туземцы знаками показывали, что можно причалить, но это не очень понравилось нашему капитану. Вдобавок люди не подходили к нашим лодкам, и капитан отважился выйти на берег вопреки решению, утвержденному на совете. Двадцать три человека высадились с мушкетами и направились к жилищам. Когда они были уже на расстоянии мушкетного выстрела от лодок, более тысячи индейцев, сидевших в засаде, тут же подбежали к нашим людям с тем оружием, которое было у них, и перебили их. Остававшиеся на веслах долго ждали в надежде, что кто-то вернется. Но убедившись, что никого из десанта не осталось в живых, они вернулись. Горестное известие о гибели многих товарищей повергло нас в уныние. Ведь мы сразу потеряли столько людей, сколько могло бы поднять якорь⁸. Дождавшись следующего дня, мы отплыли к острову Санта-Мария. Там мы нашли адмирала, который прибыл сюда за четыре дня до нас, отплыв от острова Моча за день до того, как мы вышли оттуда. Они потеряли генерала, капитана и всех офицеров убитыми на берегу, как и мы. Так как все наши офицеры погибли, мы оплакивали потери, однако, несмотря на все это, были рады встрече и тому, что мы теперь снова вместе. Мой друг Тимоти Шоттен был штурманом на том корабле.

На острове Санта-Мария, расположенном на широте 37°12' к югу от экватора, мы стали держать совет и предложили снести все вещи на один корабль и поджечь другой, но, поскольку каждый капитан не хотел уничтожать свой корабль, мы не могли решить, какой же из них оставить. Тогда мы решили покинуть побережье Перу и направиться к берегам Японии, понимая, что ткани и одежды, взятые в качестве товаров, можно там хорошо продать. Ведь вдобавок ко всему нас преследовали королевские корабли (испанские. - С. Г.), знавшие о том, где мы находимся, и о том, что наши люди ослаблены: один из наших кораблей был вынужден

из-за голода и лишений сдаться в руки врагов в Сантьяго. Вследствие всех этих обстоятельств, запасшись провизией и отдохнув на острове, руководствуясь более умом и хитростью, чем силой, мы отплыли 27 ноября на двух кораблях от острова. Об остальных кораблях нашей эскадры мы ничего больше не знали.

Итак, мы держали путь в Японию. Пройдя небесный экватор вместе, мы достигли 28-го градуса северной широты. На этой широте мы очутились приблизительно 23 февраля 1600 г. Мы попали в страшнейшую бурю с сильным ветром и дождем, самую сильную из тех, в которых я побывал. В этой буре мы потеряли из виду второй корабль, о чем очень сокрушались. Однако мы не теряли надежды встретить их уже в Японии и продолжали двигаться к намеченной цели. На широте 30° мы искали южный⁹ мыс поименованного острова (Японии. - С. Г.), но не нашли его из-за неточности во всех картах, лоциях и на глобусах. Искомый мыс находится на широте 35°5', что сильно отличается от прежних сведений. Наконец, на широте 32°5' мы подошли к земле, это было 19 апреля 1600 г. Таким образом, от Санта-Марии до Японии мы были в пути четыре месяца и двадцать два дня. К этому времени на ногах держалось только шесть человек, не считая меня.

Будучи уже в безопасности, мы бросили якорь приблизительно в одном лье от места, называемого Бунго¹⁰. В это время к нам подошло много лодок. Люди из них поднялись на борт, чему мы не могли воспрепятствовать, будучи не в состоянии, и разоружили нас. Спустя два-три дня после нашего прибытия приплыл на каракке¹¹ иезуит из местечка, именуемого Лангасаки, куда прибыл до этого из Амакау¹²; он вместе с несколькими японцами-христианами был нашим переводчиком. Они не были настроены к нам хорошо, это были наши смертельные враги. Однако правитель Бунго, провинции, куда мы прибыли, выказал нам немалое дружелюбие. Он отвел для нас дом в поселке, куда мы снесли больных, и снабдил всем, что нужно для восстановления сил. Когда мы бросили якорь в Бунго, у нас было двадцать четыре больных человека, из которых трое умерли на следующий день. Из оставшихся большая часть выздоровела, за исключением троих, которые долгое время болели и в конце концов умерли. В это время император¹³ прослышал о нас, и вскоре было выслано пять галер, чтобы привезти меня ко двору Его Высочества, который находился в восьми английских лигах от Бунго.

По прибытии я предстал перед ним. Он спросил, из какой страны мы прибыли. Я ответил на все его вопросы. Не было ничего такого, чего бы он не коснулся в расспросах. Также он спросил относительно мира и войны между странами (европейскими. - С. Г.). В общем, писать об этих частностях здесь было бы утомительно. Затем он приказал отвести меня в тюрьму, где со мной обращались хорошо. Меня поместили туда вместе с одним из моряков, который прибыл со мной в качестве помощника.

Спустя два дня император вызвал меня опять и спросил, что послужило причиной столь дальнего плавания, как наше. Я отвечал, что мы живем в мире со всеми народами и что мы привозим товары, которые наша страна может предложить тем странам, через которые проходят наши торговые пути. Он также спросил о войне, которую ведет Англия с Испанией и Португалией, и о ее причинах. Я пытался дать ему понять те вещи, о которых, как мне казалось, ему было бы приятно услышать. Под конец меня опять отправили в тюрьму, но теперь отвели другое, более удобное помещение. Я провел в тюрьме тридцать девять дней, не зная ничего ни о корабле, ни о капитане (излечился он от своей болезни или нет), ни об остальных членах команды. Каждый день я ждал смерти, полагая, что меня распнут, так как это обычное наказание в Японии, как и повешение - обычное дело в Англии. Во время моего долгого заключения иезуиты и португальцы предоставили императору много доказательств того, что мы пираты и разбойники, нападающие на всех, и что уничтожить нас было бы очень выгодно и для него, и для всей страны, и что если правосудие Его Высочества будет осуществлено таким образом, то остальные наши соотечественники, несомненно, не смогут без страха приходить сюда когда-либо. Так они убеждали императора ежедневно, привлекая к этому всех своих друзей и стремясь приблизить мою смерть.

Но Бог, милосердный к нуждающимся, проявил милосердие и к нам и не дал нашим врагам совершить обман. В конце концов император дал им ответ: мы не нападали на него и на его страну и не нанесли никакого ущерба. Так что это противозаконно - предать нас смерти. Если ваши страны воюют, то это не причина казнить пришельцев. Им пришлось этому всецело покориться и смириться с тем, что их злобная интрига не удалась. Хвала Господу, что так это и произошло.

В то время как я был в тюрьме, было приказано перевести наш корабль насколько возможно ближе к городу, где находился император, что и было исполнено (Осака. - С. Г.). По истечении сорока одного дня император оказал мне снова честь, вызвав к себе. Он задавал теперь еще больше вопросов, о которых здесь можно было бы долго писать. В конце аудиенции он спросил меня, не хочу ли я вернуться на корабль и встретиться со своими людьми. Я ответил, что был бы очень рад, и он приказал, чтобы так и было сделано. Меня освободили из-под стражи. Первой новостью было то, что корабль и команда прибыли в город. С волнением в сердце я сел в лодку и поплыл к кораблю.

На корабле я встретил капитана и остальных выздоровевшими и оправившимися после болезни. Когда я поднялся на борт с заплаканными глазами, товарищи поняли, что я многое испытал за последнее время. Хвала Господу - мы были снова вместе. Все вещи с корабля были похищены, так что у меня было только то платье, которое я носил. Все книги и приборы пропали, но не только я лишился всего: и у капитана, и у членов команды было похищено фактически все, что имело хоть какую-то ценность. Все это произошло без ведома императора. По прошествии времени он узнал об этом и приказал, чтобы все, кто взял наше имущество, вернули его назад. Однако столько всего у нас было украдено, что мы не могли получить все обратно. Сохраненные пятьдесят тысяч золотых наличными было приказано вернуть нам. Они были возвращены в присутствии императора и вручены одному из нас - нашему распорядителю, который хранил их у себя, выдавая нам деньги для пополнения запасов и для различных закупок.

Затем, на тридцатый день, наш корабль, стоявший на якоре возле Сакаи, что в двух с половиной или трех лье от Осаки, где в то время находился император, было приказано перевести на восток, в ту часть страны, которую именуют Канто. Мы повиновались и перевели туда наше судно. Путь до нового места равнялся 112 лье. Переход осложнялся встречным ветром, так что император прибыл туда раньше. Прибыв в Канто, наш корабль остановился напротив Эдо¹⁴ - города, где жил император. По прибытии я обратился с просьбой починить и отмыть корабль, а также употребил все силы, чтобы разузнать, как, где и чем лучше торговать голландцам. На это мы потратили большую часть своих денег. В то же время несколько человек восстали против

капитана и меня и остальных настроили так же. Вследствие этого у нас было много неприятностей. Недовольные не желали более оставаться на корабле, но каждый хотел командовать: все стремились получить свою часть денег, которые были возвращены императором. Описывать все частности этих споров здесь было бы очень длинно. В конце концов мы поделили деньги на всех.

Тому было уже два года, как мы прибыли в Японию, когда мы узнали, что корабль нам более не принадлежит и что нам запрещено покидать страну. Так что каждый, получив свою долю, мог теперь употребить ее по своему усмотрению. Император определил каждому жилье и назначил по два фунта риса ежедневно, а также ежегодную выплату, равную двенадцати дукатам, которых только-только хватало, - мне, капитану, матросам - всем одинаково. Однажды, спустя четыре-пять лет, император призвал меня к себе, как он делал время от времени. И вот в одной из таких бесед он предложил мне построить небольшое судно. Я отвечал, что я не плотник и не имею достаточных знаний. "Хорошо, - сказал он. - Попробайся. Если получится плохо, это неважно". Так по его поручению я построил небольшой корабль водоизмещением 80 тонн или около того. Этот корабль, преподнесенный нами со всем уважением, он посетил, осмотрел и остался очень доволен. После этого случая я приобрел еще большее его расположение, стал часто бывать у него и даже время от времени получать от него подарки. Он назначил мне жалование более 70 дукатов в год и два фунта риса ежедневно.

Теперь, будучи в таком почете, я стал обучать его азам геометрии, искусству математики и другим вещам. Он был доволен мною настолько, что если я его о чем-то просил, никогда мне не отказывал. Мои прежние враги были изумлены: теперь они были вынуждены заводить со мной дружбу, в которой я не отказывал ни испанцам, ни португальцам. Так я отплатил добром за зло. Я проводил много времени в попытках получить возможность уехать, и поначалу это доставляло много неприятностей и стоило мне отчаянных усилий. Но Господь хранил меня и утешал в страданиях.

По истечении пяти лет я обратился к господину с просьбой покинуть Японию, поскольку хотел бы увидеть свою бедную жену и детей по зову сердца и природы. Император не был доволен этой просьбой и не позволил мне уехать ни сейчас, ни когда-либо, а повелел оставаться здесь. По прошествии еще некоторого времени, когда он

был в хорошем расположении духа, я попросил его опять по причине того, что мы получили известия о пребывании голландцев в Сиаме, в Паттании; оно укрепило нас в надежде с Божьей помощью вернуться домой тем или иным способом. Поэтому я испросил разрешения снова, прямо и четко дав понять свое желание, на что он никак не ответил. Я сказал, что если он разрешит отплыть, то я найду способы привести англичан и голландцев торговать сюда. Не имея никаких причин меня удерживать, он отпустил меня. Я же попросил отправить капитана, что вскоре и было дозволено. Таким образом капитан отплыл из Японии в Паттанию.

Прошел год, а голландцы не приплывали. Из Паттании капитан отправился в Йор¹⁵, где нашел флот из девяти кораблей, командовал ими Матлиф. Он назначил нашему капитану под команду корабль. Они отправились в Малакку, где встретились с португальцами. В этом сражении он был ранен и вскоре умер. Вот почему, как я полагаю, не было никаких известий о том, жив я или нет. Поэтому я заклинаю вас именем Господа Нашего Иисуса Христа: выполните мою просьбу и передайте весточку моей жене, которая, наверное, уже мнит себя вдовой, и моим двоим детям. Это моя самая большая печаль и боль души. Имя мое небезызвестно в Ратклифе и Лаймхаузе таким добрым людям, как учитель Николас Диггинс, Томас Бест, братья Николас и Вильям Исаак и еще многим, а также Уильяму Джонсу и мистеру Бекету. Надеюсь, что это письмо или копия его попало в руки кого-нибудь из них. Я знаю наверно, что жалость и милосердие Господа таковы, что друзья и родственники узнают наконец новости обо мне, что я все еще живу в краю, ставшем моим пристанищем в грешных скитаниях. Это то, в чем снова и снова уповаю я на милость Господа.

Вы можете понять, что на первом корабле, который я построил, я совершил несколько поездок, и затем император приказал мне построить еще один. Я построил новый корабль водоизмещением 120 тонн. На этом корабле я проплыл от Меако до Эдо, что приблизительно равно расстоянию от Лондона до Lizarde*. В год 1609 император позволил наместнику Манилы, взяв 80 человек японцев, отплыть в Акапулько.

В 1609 г. корабль водоизмещением около 1000 тонн, называемый "Святой Франциск", потерпел крушение у берегов Японии на

* Географическое название не установлено.

широте 35°50'. Из-за ненастной погоды и урагана судно потеряло грот-мачту, и его понесло к Японии. Ночью неожиданно оно потерпело крушение и было выброшено на берег. 36 человек утонуло, но 344 или 345 спаслись. На этом судне наместник Манилы и возвращался в Новую Испанию¹⁶. И вот в 1610 г. на большем из тех кораблей, что я построил, он был отправлен в Акапулько. А в 1611 г. этот наместник возвратил другой корабль, который был доставлен его посланником с большим почтением и выражением благодарности за оказанную помощь. А корабль императора, достойное судно, использовали для торговли. Этот корабль сейчас находится у испанцев на Филиппинах.

За мою работу, которую я выполнял и выполняю ежедневно, поступив на службу к нему, он дал мне возможность жить подобно лорду в Англии, подарив мне 80-90 человек рабов и слуг. Такой почет, подобающий губернатору, здесь раньше никогда не оказывался иностранцу. Бог вознаградил меня после стольких страданий. Ему лишь, славному и всемогущему, возношу свои хвалы и молитвы - сейчас и всегда до скончания мира.

И теперь я не знаю, могу ли покинуть эту страну. До настоящего момента не было такой возможности, но теперь она появилась вместе с тем, как появились здесь голландские купцы. В год 1609 от Рождества Христова в Японию прибыли два голландских судна. Их целью было взятие португальской каракки, которая прибыла из Макао раньше на пять дней. Однако они прибыли в Фирандо¹⁷, а затем направились ко двору императора, где были приняты с большими почестями, и условились о том, что через год пошлют один или два корабля. Договорившись с императором, они отплыли.

И сейчас, в 1611 г., прибыл небольшой корабль, груженный тканями, белилами, слоновьими бивнями, дамастом¹⁸, черной тафтой, шелком, перцем и другими товарами. Купцы извинились и объяснили, почему не приплыли на год раньше, как было условлено, в соответствии со своим обещанием прибывать ежегодно. Вы можете понять, что голландцы имеют здесь китайские деньги¹⁹ и нет нужды везти из Голландии в Ост-Индию²⁰ серебро. В Японии много серебра и золота, которое получают голландцы и которое используют в других частях Ост-Индии. Товары же, за которые можно получить настоящие деньги, суть шелк, дамаст, черная тафта, черное и красное сукно лучшего качества, белила и другие товары подобного рода. Итак, на

примере этого поздно прибывшего голландского корабля вы видите, что и англичане могут теперь установить в Ост-Индии свою торговлю; полагая, что некоторые из них - и купцы, и капитаны, и матросы - нуждаются в знакомстве со мной, я позволил себе написать коротко эти несколько строк, не желая быть утомительным для читателя.

Остров Япония - огромный остров, он простирается на север до 48 параллели, а на юге доходит до 35° широты. Остров тянется с северо-востока на юго-запад или запад-юго-запад и имеет протяженность 220 английских лиг. Люди здесь от природы приятны, искусны в удовольствиях и отчаянны в сражениях. Верша правосудие, они не склонны к нарушению закона. Японцы суеверны в своей религии и различны в своих мнениях о вере. Много здесь иезуитов и францисканских монахов, они обратили многих в христианство и имеют много церквей на острове.

Вот вкратце то, что я должен был написать; я надеюсь, что так или иначе смогу по прошествии времени узнать что-либо о моей жене и детях. И терпеливо жду доброй воли и милости всемогущего Господа Бога. Я молюсь обо всех них и о каждом, чтобы кто-нибудь смог доставить им весть обо мне. А также о том, чтобы от кого-нибудь, пока жив, узнать новости о них и, может быть, увидеть снова кого-нибудь из друзей. Пусть на то будет воля Господня. Аминь.

Датировано в Японии 22 октября 1611 г.

*Ваш друг и покорный слуга,
остаюсь всегда к вашим услугам
Уильям Адамс.*

¹ Перевод осуществлен по изданию: *Rundall T. Memorials of the empire of Japon in the XVI and XVII centuries.* N.-Y., 1953.

² Имеется в виду Голландская Ост-Индская компания, которая на момент отплытия Адамса из Европы так еще не называлась.

³ См. комментарий выше. Скорее всего здесь компания названа так переписчиком.

⁴ Аннабона (также *Ilha da pobon*) - остров Фернанду-ди-Норонья.

⁵ Тихий океан.

⁶ Муш - остров Моча.

⁷ Санта-Мария - небольшой остров в заливе Талькауано.

⁸ На трехмачтовых судах XV-XVI вв. имелось от четырех до шести якорей общим весом от 1 до 2 тонн. Соответственно, якорь на "Лифде" весил от 250 до 350 кг. Чтобы поднять такой якорь, требовалось от 20 до 30 человек.

⁹ В текст, очевидно, вкралась ошибка при переписывании (написано - northermost), так как "Лифде" приплыло к берегам Японии с юга. Путешественники явно искали координаты южной оконечности острова Хонсю.

¹⁰ Бунго - провинция на северо-востоке о. Кюсю (соврем. префектура Оита).

¹¹ Каракка - небольшое трехмачтовое торговое судно.

¹² Амакау - Макао (соврем. Аомынь).

¹³ Ф. Роджерс и отечественные исследователи полагают, что Адамс ошибался, называя Токугава императором или королем, так как в мае 1600 г. он не имел еще такой власти и не был сёгуном. Думается, что Адамс, проведший в Японии к моменту написания письма более 10 лет, прекрасно отдавал себе отчет в том, как он называет Токугава. Скорее всего, он так делал именно для того, чтобы соотечественники по прибытии сразу же с должным почтением отнеслись к фигуре сёгуна.

¹⁴ Эдо - соврем. Токио.

¹⁵ Йор - предположительно остров Йорон, один из островов архипелага Рюкю.

¹⁶ Новая Испания - Мексика.

¹⁷ Фирандо - о. Хирадо у западного побережья о. Кюсю, где голландцы открыли свою первую факторию.

¹⁸ Дамаст - блестящая мягкая узорчатая ткань, использовалась для обивки мебели и декорирования интерьера помещений.

¹⁹ В оригинале - India money. Здесь India употребляется в значении Ост-Индия. Голландцы естественно старались не вывозить деньги из своей страны, а добывали их в Азии, где и употребляли их в обмен на более ценные для европейского рынка товары, за которые можно было получить большую прибыль в Европе.

²⁰ Здесь также India употребляется в значении Ост-Индия.

Научное издание

ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ

Личность в истории

Выпуск 4

Редактор *Т.В. Рютина*

Корректор *М.Е. Побережнюк*

Компьютерная верстка *Т.А. Никитина*

ЛР № 020219, выд. 25.09.96.

Подписано в печать 10.10.2000

Бумага № 1. Формат 60х90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд.л. 7,1.

Тираж 500 экз. Заказ № 147

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125267 Москва, Миусская пл., 6